

РИАНОН ТОМАС

ДОЛГИХ ЛЕТ
ЦАРСТВОВАНИЯ

[HTTPS://VK.COM/FALLING_KINGDOMS](https://vk.com/falling_kingdoms)

Книга шипов и огня смешивается с Королевой Тирлинга в этом фантастическом романе о том, как одна девушка неожиданно пришла к власти.

Фрею никогда не считали королевой. Двадцать третья в линии наследования — она ведь и не мечтала о жизни при дворце, а надеялась запереться в своей лаборатории, забыв о дворцовых интригах. Однако, когда банкет из интригующего обращается в убийственный, а король и все его близкие погибают, Фрея внезапно оказывается первой кандидатурой на престол.

Может быть, она и избежала смерти, но всё равно до безопасности далеко. Дворяне её не уважают, советники пытаются манипулировать, а ведь она так и не знает, кто убил короля. И Фрея осознаёт, что одна ошибка будет стоить ей королевства — и жизни.

Фрея желает выжить, а значит — и найти убийцу. До того мига она никому не может доверять. Ни советникам, ни загадочному бастарду короля... Ни даже собственному отцу, что всегда хотел не просто лучшей судьбы для неё, но и лучшего доступа к власти для себя.

И когда враги приближаются к Фрее, когда верность их так сомнительна, она должна решить — готова ли она править, готова ли зайти достаточно далеко, чтобы уберечь свою корону.

Один

Сто голубей вылетело из пирога.

...Понятия не имею, почему я удивляюсь. Ну, конечно же, сто голубей из пирога! Ведь король на дне своего рождения гостей кормить не нанимался! Первое и главное его задание — поразить всех собственной поразительной экстравагантностью!

О, хотелось бы знать — а думал ли кто-то о том, что будет с несчастными голубями после этого? Ну, парочку король, конечно, уже убил, когда разрезал пирог, а вот живые определённо собирались умчаться куда подальше от ножа в руках безумца-маньяка, если это вообще было для них реально. Большинство устроилось под потолком банкетного зала в сорока футах от ближайшего слуги. Кто-то ещё когтями и клювами пытался расколотить огромное арочное окно. Один вообще влетел в колокол и теперь отказывался двигаться, плевать, как сильно махал руками дрессировщик!

Я опустила в кресло, пытаюсь прикинуть, сколько на всё это потрачено денег. Да, всего этого я не боюсь, но и так уже на грани с этой горой придворных с их преступными взглядами, порочным шепотком, потоками злата, смеха, фонтанами вина, с полётами голубей и их громкими криками... Да, ко мне они не прикоснутся, но всё равно я по инерции отскакивала в сторону каждый раз, когда они мчались в мою сторону.

О, если только король объявит о завершении первого курса блюд, тогда я окажусь ещё на шаг ближе у ухodu! Ведь папа обычно позволял пропустить мне, знаменитой кузине в четвёртом колене, глупый фестиваль, да и вряд ли я была тут так важна, вот только папа на сей раз настоял на моём присутствии. Ты должна представлять семью! Ты должна показать, что мы тут очень значимые люди!

Ну ведь не мог же он на самом деле считать, что это сработает! Со мной же никто не

заговорил с того момента, как мы прибыли, и даже папа ускользнул на второй конец зала, говорил там со своими партнёрами по делу... И я теперь восседала за столом у двери, меня окружало два пустых места, а те, кто ещё мог вступить в разговор, были так испуганы, что даже и не пробовали подойти поближе.

Король Йорген, впрочем, привычно выглядел совершенно расслабленным и совершенно не заботился о том, что его гости могут оказаться голодными этим вечером. Он развалился на своём огромном троне, закинул ногу на ногу, держал в одной руке золотой кубок с вином, а его золотая тарелка была совершенно чиста от пищи, тогда как золотой щит сверкал за спиной. Он болтал с девушкой моего возраста, и улыбка её была такой широкой, что лицо казалось едва ли не разорванным на две части.

Король поднёс бокал к губам. Когда она, всё ещё улыбаясь, но уже более натянуто, он просто перелил его через плечо.

— Этот напиток не по вкусу моей леди! — закричал он. — Принесите нам что-нибудь другое! Получше!

Королева Марта восседала справа. Да, стоит сказать, что я всегда думала, что она была похожа на какую-то монахиню, такая тонкая, такая пучеглазая и, соответственно, столь безжалостна... Платье её казалось самым огромным в комнате, и эта шелковая лента на подоле была будто глазурью на торте. Высокая причёска, вся в ягодах, тянулась к потолку. Она прижимала веер из павлиньих перьев к губам, отчаянно скрывая свои зевки, и демонстративно отворачивалась от своего мужа.

Голубь приземлился рядом со всё ещё пустующей тарелкой и взъерошил свои перья. Он так осуждающе посмотрел на мой поднос, а потом на меня, словно это я правила этим всем безумием!

— О, я знаю, — я провела пальцами по перьям на его шее. Они казались мягче, чем мне думалось, и были девственно белы. Только самое лучшее можно запекать в королевских пирогах, конечно же! — Я тоже очень проголодалась.

— Фрея, что ты там делаешь? — София, женщина, восседавшая напротив, махнула рукой, всей в кольцах, в мою сторону. Ей было около сорока, а волосы были окрашены хной в ярко-красных. Ко лбу прилипли две звезды и чёрный шёлк луны — то ли как лишний эффект, то ли средство скрыть шрамы.

— Не позволяй этому гадкому существу...

— Голуби уже на всех столах! — проронила соседка Софии, Клэр. Ей тоже было под сорок, и она была довольно тучной, а на губах красовалось розовое пятно. — Ну, предположим, пирог — довольно интересно, но...

— Голубки, — я даже и не задумывалась, сказав это.

Клэр изогнула свою схожую с аркой бровь.

— Что-что?

— Голубки, — я повторила чуть громче произнесённое прежде. — Это не голуби, а голубки.

Клэр рассмеялась.

— Ой, Фрея, это странно! — она небрежно махнула на птицу. — Голубка, голубь, какая разница... Мне просто не хочется видеть вот это на столе!

Я опустила руку и уставилась на тарелку, с которой только что согнали птицу.

Люди и меня называли сумасшедшей — вот как я об этом узнаю! — пусть обычно они говорили это и думали так лишь тогда, когда услышать я не могла. Когда я была чуть

младше, я всегда издавала столько слов в отчаянном рвении выразить чувства и задать очередной вопрос, пока не получу как минимум пять вариантов объяснений. И Люди всегда комментировали мою странность и говорили об этом матери, будто бы она что-то упустила, а сейчас немедленно должна принять меры, вот только она лишь смеялась в ответ и с улыбкой отвечала:

— А разве ж это не замечательно?

И мне тоже нравилась моя же странность — будто б это было единственной моей силой.

Но я отлично знала, даже тогда, что именно они имели в виду. Со мной что-то не так. Я не принадлежу к тому, к чему принадлежат они.

А после моя мама умерла, и моя странность стала понятием относительным. Оскорблением её памяти. Обвинением.

— Почему я не могу быть больше похожей на свою мать и меньше — на тебя?

Как хорошо, что я сказала это себе под нос! Клэр была единственной, кто должен смущаться, ведь это она сделала такую глупую ошибку, но сие слишком прекрасно, чтобы быть реальностью!

Но всякий раз, когда я отчаянно пыталась убедить себя в том, что все мои опасения мнимые, а никто меня не осудит, внезапно оказывалось, что я вновь жестоко ошибалась. В тот миг кто-то должен был хихикнуть вслед моим словам. Переглянуться с друзьями, когда я подойду. И когда я отходила от Розалины Хейс и её компании, я ведь слышала, как они с пронзительным хохотом повторяли мои слова...

Разумеется, после этого я разговаривала с людьми крайне неохотно.

Сначала меня утешал папа: «О, милая, двор — странное место, но ты к нему привыкнешь, ты заведёшь друзей, ты поймёшь это...», а когда я продолжила ошибаться, заявлял: «Ну заведи же ты друзей! Фрея, тебе так трудно хотя бы попробовать сделать это ради меня?»

Вот уж пять лет миновало, а для меня в этом мире места всё ещё не было. Либо я, совершенно незаметная, топталась у стенки, либо меня упоминали с горькой усмешкой. Неловкая Фрея, странная Фрея, заикающаяся молчаливая Фрея, что так случайно и просто разбрасывается своими грубостями. Вы слышали, что она экспериментирует в своём подвале? Вы слышали, что она чуть свой дом не сожгла? О, ну как, как можно так вести себя при дворе?!

Ну, или мне просто постоянно что-то чудилось. Ведь никто не сплетничал обо мне у меня перед глазами. Тогда ни со мной, ни при мне вообще никто ничего не говорил.

Ну, надо сказать, я давно решила, что не буду приходить. Я пыталась избегать придворных, когда это было возможно. Мой отец настаивал на том, что я должна попытаться заключить успешный брак и, выйдя замуж, отыграть свою роль при дворе, но ко мне никто никогда не проявлял совершенно никакого интереса. Да, действительно, и меня саму тоже никто никогда не интересовал. Как только мой отец это примет, я, разумеется, исчезну. Уеду куда-то на континент, наверное, туда, где мои исследования будут приняты как что-то гораздо более серьёзное, и буду экспериментировать уже там. И этот прекрасный день наступит совсем-совсем скоро!

Вот только почему-то мне было не всё равно. Я заботилась о том, что обо мне думали люди. Заботилась о том, что они говорили. И мне следовало уйти, прежде чем этот двор изменит меня.

— Привет, Фрея!

Я обернулась на голос с радостной улыбкой. За всё время у меня был только один друг, но Наоми оказалась так прекрасна, что я больше ни в ком никогда не нуждалась! Она обратилась ко мне тогда, когда впервые прибыла в столицу со своим братом Якобом, нашла меня сжавшейся в углу, подошла ближе и утянула в тихий разговор. У нас было так мало общего, она интересовалась своими любимыми романами, историей, приключениями, а я чувствовала себя счастливой с математикой и исследованиями, но в душах будто бы что-то перемкнуло!

Сегодня она выглядела довольной. Она всегда казалась той версией придворной красоты, что особенно мягка и сладка. Эти большие карие глаза, крохотный курносый носик, прекрасные ямочки... А эти чёрные волосы, уложенные в высокую причёску косами, в которых было множество драгоценных камней, и её тёмная кожа, сверкающая от ювелирного порошка, что нынче стал столь популярным...

— Привет! — отозвалась я.

Она присела на стул рядом со мной и попыталась разложить свои пышные юбки.

— Почему ты села здесь, Наоми? — промолвила София. — Нет, ты нам, разумеется, совершенно не мешаешь, но Его Величество так тяжело трудился, расслаивая нас...

— Его Величество, думаю, не будет возражать, если я проведу тут со своей подругой пару минут! — отозвалась Наоми, пусть, когда посмотрела на меня вновь, после этих слов, переменилась немного в лице. Она придвинулась ко мне поближе. — Люди за моим столом просто отвратительны... — пробормотала она мне.

— О, и ты удивлена?

— Я даже предполагала такое, но когда брат умчался, мне показалось, что меня будто бы бросили на растерзание... А как ты тут, держишься?

— Жива. А ты-то почему тут?

— О, у меня тоже, как обычно, совершенно нет выбора...

— Девочки, о чём вы там так ужасно шепчетесь? — промолвила Клэр. — Секреты — это так до отвратительности грубо! Нет, вы нынче и вовсе можете сплетничать о нас!

— Мы б о вас никогда не сплетничали! — отозвалась Номи. Она вновь покосилась на стол, а после поспешно отвернулась от Клэр, не собираясь смотреть ей в глаза. — Да и что мы могли бы о вас сказать?

На самом деле, очень многое. Наверное, именно это и имела в виду Наоми. Она получала удовольствие от двора, поэтому была готова прощать придворных за их жестокость и тщеславие. Каждое оскорбление обращалось безобидным недоразумением, да и хорошие люди не могли разрушить плохой день — мы просто сидели с Наоми вдвоём, и никто нас обычно не трогал.

— Ну что же, я надеюсь, вы там не скучаете, — промолвила Клэр.

— Расскажи мне, — София немного подалась вперёд, — как там твой брат, Якоб?

— Спасибо, он в полном порядке.

— Такой привлекательный молодой человек! Полагаю, девушку он себе отыщет совсем-совсем скоро! Или он ещё наслаждается жизнью и считает, что успокаиваться ему слишком рано?

— Ну, мне-то откуда знать, — пожала плечами Наоми. — Вам лучше спросить его самого!

— Ну, ведь его сестра должна знать хоть что-то. А как же женская интуиция? Молодые

люди редко знают, чего они хотят, но ты должна хотя бы догадываться...

— А что до Мадлен Вольф? — поинтересовалась Клэр. — Ведь она совершенно свободна, и из них получится просто замечательная пара! Только представьте, какими хорошенькими у них будут детишки!

— О да! — согласилась Софья. — А насколько твой брат с нею близок, Наоми? Стоит организовать знакомство, если что, когда она вернётся из своего имения! О, они оба до такой степени очаровательны, что тут же влюбятся друг в друга!

Наоми спасло от ответа только то, что в зале вдруг все притихли. Король стоял, протягивая руки к толпе.

— Прежде чем вам дадут следующее блюдо, — промолвил он, — я должен устроить маленькое представление...

Другие правители, вероятно, так не развлекаются на своих днях рождения. Но ведь их король ничего не делает случайно. Он должен продемонстрировать свою экстравагантность и доброжелательность, и, соответственно, всё это он обязан спланировать самолично.

Актёры проскользнули в зал сквозь заднюю дверь. Одна из женщин проскользнула мимо нас с Наоми и как-то странно усмехнулась, даже осклабилась. За нею следовали акробаты, кружившиеся в странном танце люди, и кто-то даже прошёл на руках, а ещё жонглёры промчались мимо, помахивая кольцами в воздухе. Наряды их сверкали, перехватывая свет, и смотреть на всё это было почти больно.

Когда они наконец-то добрались до передней части помещения, то низко поклонились королю, прежде чем вновь вернуться к представлению. Кто-то аплодировал, а один из них уже отбивал чечётку, и в окружившем гостей громе звенели кольца, в один миг обратившиеся в ножи.

Я смотрела будто сквозь них на большой стол. Торстэн Вольф, лучший друг короля, сидел слева в двух шагах от Его Величества, и было видно, что ему не смешно. Но Торстэну Вольфу, впрочем, никогда не смешно. Если он когда-то и улыбался, то уж явно случайно. Он был куда младше короля, наверное, чуть больше двадцати лет, но они всегда оставались неразлучны. Иногда можно было подумать, что король просто сбросил на Стэна все свои заботы, чтобы оставаться просто беззаботным человеком и радоваться жизни.

На сей раз я чувствовала странную связь со Стэном. Ему было так же неловко, как и мне.

Один из артистов вдруг захлопал в ладоши, а ножи, летавшие по воздуху, вспыхнули ярким пламенем. Придворные ахнули, а те всё продолжали жонглировать, плясать, обращать пылавшее в воздухе пламя в дивные фигуры, пока то не обратилось в пятно. Откуда-то появились новые люди, в руках их сверкали факелы. Они швырнули их в сторону ножей, чтобы те тоже загорелись, после запрокинули голову к потолку, широко раскрыли рты — и словно поглотили в одно мгновение всё пламя.

Они будто бы изрыгали огонь, выпуская в воздух самые настоящие потоки. С потолка рухнули ленты, слишком тонкие, чтобы прежде их заметили, и теперь те сложились в королевское имя.

Толпа вновь бешено захлопала, и король заулыбался.

— О, ну а теперь исполнителям нужен доброволец! — он осмотрел столы, словно пытаясь кого-то найти, но выглядело это поддельно. Торстэн Вольф будто бы проглотил лимон, и мне показалось, что король выберет его, как наказание за отсутствие энтузиазма, но тот выкрикнул: — Фицрой! Почему бы тебе не подойти?

Фицрой. Даже я слышала опасность в этом слове. Уильям Фицрой был незаконнорождённым сыном короля, и, пусть все обычно обращались к нему по фамилии, король сам часто менял свой выбор, звал его то Фицроем, то Уильямом, если это было так уж и надо. Фицрой — это словно намёк на его место при дворе. Эту фамилию для незаконнорождённого мальчика придумали потому, что он просто не должен был существовать в этом мире.

Но Фицрой без колебаний ступил вперёд. Его светлые волосы упали на глаза, словно придавая ему ощущение некоторой уверенности, и улыбка затаилась на губах, словно он не ждал страданий от планов своего отца.

— О, сколько тут обожающих меня людей, — протянул он. Рассмеялись люди, а в глазах короля мелькнуло что-то опасное. Артисты поставили Фицроя ровно по центру импровизированной сцены, а после вновь принялись швыряться огненными кольцами прямо над его головой, и ножи проносились в нескольких дюймах от его руки, а огонь пылал так близко, что его волосы должны были вот-вот вспыхнуть.

Фицрой не дрогнул. Он оставил зрителей опустошёнными, лишил их удовольствия — и развлечения во всём этом было столько, сколько пользы в медном гроше.

Фицрой, как мне подумалось, не хотел выглядеть идиотом.

Представление закончилось, Фицрой поклонился, и его отец без единого слова, одним только щелчком пальцев вернул его на место.

Артисты вновь ушли, всё так же, как и появились, в танце. Вновь проскользнула мимо нас женщина, и случайно задела меня рукой. Она не остановилась, чтобы извиниться, вероятно, даже не заметила, настолько сильно была сосредоточена на своём выступлении, и я лишь отпрянула, оттолкнула её, чувствуя, как быстро забилося в груди сердце.

Вновь вспыхнул в зале разговор, и София с Клэр вновь подались к нам, расспрашивая Наоми о её брате. Я никак не могла сосредоточиться на словах — те казались одновременно слишком громкими и слишком далёкими, чтобы их можно было понять. Руки отчего-то начали дрожать.

Я вновь испугалась — люди были слишком близко. И я не могла сбежать, не могла спрятаться, сделать что-то с этим...

Нет. Только не здесь. Я в полной безопасности, мне ничего не грозит.

Но, как оказалось, это было слишком поздно. Слишком много тел, слишком много вдохов и выдохов, слишком много глаз... Так громко, так тесно, и не сбежать!

Нет, нет. Я спокойна — я повторяла это себе, как мантру. Поправила булавки в волосах, вновь осмотрелась, пытаюсь найти что-то, что меня бы успокоило. Фонтаны вина, каскады цветов, голуби, что всё ещё не могли понять, почему не вылетят сквозь окна. Всё хорошо. Конечно же, всё просто идеально!

Я поправила уже вторую шпильку, но руки всё ещё дрожали, и та выскользнула из рук, заставив прядь волос упасть на плечо. Я поймала её и попыталась вновь вернуть на место.

— Фрея?

Я прижала ладони к коленям, пытаюсь, чтобы мои руки вновь были мне подвластны, попыталась выдохнуть воздух и вдохнуть свежий, чистый.

— Фрея? — вновь повторила Наоми. — С тобой всё в порядке?

Я вновь кивнула — вверх-вниз, вверх-вниз... Мир стал нечётким, звуки были слишком громкими, а люди столь близкими, даже те, что стояли далеко, что я будто бы оказалась между молотом и наковальней и дышать больше точно не могла.

— Давай выйдем, — обратилась я к Наоми. — Немного подышим...

Я не могла покинуть стол, не получив специальное разрешение, но Наоми уже встала, не касаясь меня, а теперь стояла и ждала — и я чувствовала, что тоже уже стою.

Наоми потянула меня к двери в задней части зала. Те были не так уж и далеко, футах в двадцати, но сейчас расстояние словно растянулось. Все смотрели нам вслед, и я знала, что вели мы себя, наверное, очень странно, а завтра и отец будет смотреть исподлобья...

Но дверь уже была немного приоткрыта, и мы выскользнули в сад, подальше от душного зала. Воздух, как всегда в октябре, был немного прохладным, и я судорожно глотала его, пытаясь проковылять чуть дальше от дворца. Спокойствие, только спокойствиеж...

Мир постепенно возвращался в своё прежнее состояние. Огромный газон, как я теперь заметила, был украшен прекрасными фонариками и сияющими ледяными статуями, между ними прогуливались парочки, переплетая пальцы, прижимаясь друг к другу.

Сквозь сад петлями скользила река, и в ней отражался свет звёзд и фонарей. Пошатываясь, я подошла поближе, любуясь огнями и прислушиваясь к тихому журчанию. Да, я спокойна, я действительно совершенно спокойно...

Наоми шагала в фуते от меня, внимательно наблюдая за моим состоянием.

— С тобой точно всё в порядке?

— Да, — послушно кивнула я. — Да, в полном порядке... — раз уж я это сказала, то мои слова обязаны быть правдой. Ведь я никогда не лгу!

— Ты не должна говорить, что тебе хорошо, если тебе плохо, ты ведь это понимаешь?

Каждый раз, когда это случалось, Наоми спрашивала к меня о моём самочувствии, а я послушно кивала, будто бы поверила ей. Вот что я больше всего ненавидела здесь, при дворе — я так отчаянно хотела уйти, потому что ненавидела притворство. Это ведь такая страшная паника — я так пугалась сама, так пугала людей вокруг себя, я забывала, как это — дышать...

Но она понимала. Она говорила, что её отец реагировал на придворных примерно так же, как и я, и именно потому её родители жили в деревне, а она с братом вынуждена была представлять свою семью в столице. Всякий раз, стоило только мне запаниковать, она оказывалась рядом со мной и тихими речами возвращала к реальности.

Она подхватила все свои тридцать шесть юбок и опустилась на траву. Наверное, ей от этого было холодно, но теперь она с улыбкой смотрела на меня — пришлось присоединиться.

Ну что же, зато я опять могла дышать. Сквозь приоткрытую дверь из зала доносились болтовня и музыка, но тут я чувствовала себя в куда большей безопасности.

— Позволишь мне привести в порядок твои волосы? — поинтересовалась Наоми.

Я кивнула. Девушка остановилась за мной и потянула за булавки своими быстрыми, тонкими пальцами. С каждым прикосновением мне становилось всё проще и проще дышать.

— Как там твой эксперимент? — спросила она. — Всё ещё никаких удач?

Я лишь покачала головой. Да, я вот уж несколько недель работала над переносным источником тепла, чтобы можно было согреть руки и даже без огня обогреть лабораторию... Но единственное, чего добилась — это обожгла всё, что можно было обжечь.

Я подобрала с травы одну из шпилек и провернула её в своих пальцах. Сверкнули алмазы.

— Экспериментировала уже с разными металлами, но всё ещё ничего. Я уже разочаровалась в этом...

Наоми выдернула последнюю шпильку из моих волос, и я рухнула на траву рядом с нею.

— Когда ты наконец-то добьёшься успеха, ты станешь просто знаменитой! — она накрутила свободную прядь моих волос на палец и нежно потянула на себя. Голова перестала гудеть, и я теперь послушно закрыла глаза.

— Разумеется.

— Люди мучаются от холода, Фрея! Они будут платить тебе, если ты сможешь придумать спасение об этого, а после того, как заработаешь, сможешь сделать что-то ещё...

Я покачала головой, хотя мысленно была согласна. Нет, на самом деле, я не хотела быть известной, вот только так могла бы решить проблему у людей, да ещё и получить деньги — свои собственные деньги! А потом можно будет уехать куда угодно, туда, куда мне только захочется. Добраться до континента, убедить какого-то профессора, чтобы он обучал меня. Хватит быть в тени других, пора начинать самостоятельно добиваться своего счастья!

Но я не могла признаться в этом кому-либо. Даже Наоми. Мысль казалась слишком захватывающей для того, чтобы вот так просто делиться ею. И если б я сказала это вслух, даже если б кивком ответила на предложение Наоми, то была бы безумной, нерациональной, да и наказали бы меня за одну только мечту об этом!

Наоми поджала ноги.

— Ну, ты можешь быть скучной и совершенно неромантической, если получаешь от этого столько удовольствия! Но я думаю, что это всё равно когда-то случится. Хотя, я буду по тебе так сильно скучать... Ну, когда ты уйдёшь!

Да, я вынуждена буду её оставить. Вот это было ещё одним недостатком, тем, что заставляло меня колебаться. Я понятия не имела, что буду делать без Наоми под боком.

— Но ведь ты можешь отправиться со мной!

Конечно, я отлично знала, что она не могла, по крайней мере, без согласия своих родителей, но мне так хотелось притвориться...

— Ну, предположим, я бы хотела посмотреть на континент, но как тогда Якоб будет без меня? Ведь у него от этого появится столько хлопот...

— Это он должен помогать тебе в твоих приключениях! Спасать тебя от лихих разбойников, что варят супы из девичьих костей!

— О да, особенно если те вообще встретятся на моём пути...

— Всех красавиц похищают. И если твой брат всё ещё не сможет поспешить тебе на помощь, придётся воспользоваться каким-то великолепным незнакомцем, что вынужден будет помогать тебе в одиночку — и вот он-то обязательно в тебя влюбится и падет к твоим ногам!

Она только рассмеялась.

— О, замечательно! Но красавицы... И ты тоже должна будешь попасть в плен, — она повернулась ко дворцу. — Ну, давай вернёмся? Ведь они могут заметить наше отсутствие...

— Уж поверь, они уже заметили. Все, кажется, видели, как мы уходили, а мой отец, наверное, нынче и вовсе в ярости от того, что я сделала, независимо от причины. Наверное, тебе тоже достанется.

Я постучала ногтём по шпильке. Совершенно новая, сделанная специально для банкета, изготовленная из алюминия — ничего глупее я просто не слышала! На континенте обнаружили новый металл — и что тут делают? Превращают его в драгоценности, не думая о том, что у него может быть какое-нибудь другое предназначение!

О да. На континенте куча умных людей, которые думают не о скучной моде, а о

голодных толпах. Мне просто надо решить тут маленькую проблемку и уехать.

Я вновь посмотрела на шпильку. Да, я перепробовала металлы, и они не сработали...

Но я ни разу не воспользовалась алюминием!

Я резко села.

— Что такое? — удивилась Наоми.

— Алюминий! Я с ним ещё не работала. В своём эксперименте! — мои мысли уже мчались куда-то вперед. — Почему б не соединить его с чем-нибудь ещё, с йодом, например... — да, да, это должно давать тепло! Почему нет?

Дворец окружали повозки, но сейчас они никому не были нужны. Разумеется, кто-то мог бы доправить меня домой. Мой отец, наверное, уже заметил, что я ушла из зала, но ведь он меня не ищет... Я могу отлучиться на часок-другой, потом вернуться, сказать, что была в саду... конечно, он будет ругаться, но возразить не сможет. Сады ж огромны, и он просто не сможет отыскать меня там, пусть я им оставила бал прежде, чем папа соблаговолил мне позволить.

Я могу вернуться в лабораторию, к своим испытаниям, а потом прибыть к концу праздника!

А если это ещё и сработает, то больше ни на одном пиру мне побывать не доведётся!

Наоми только весело мне улыбнулась.

— Давай же, дорогая, — промолвила она, — шагни навстречу своей удаче!

Два

Повозку отыскать оказалось достаточно легко. Ведь никто не хотел покидать главное событие года и пропустить всё, о чём будут пьяно сплетничать ближайшие два месяца при дворе — вот только извозчики всё равно вынуждены были ждать за воротами, так, на всякий случай.

На улице было полно людей. Король никогда не допустил бы, чтобы простолюдины праздновали за его столом — ведь это пустая трата злата в его глазах, но если местные таверны могли воспользоваться королевским днём рождения как способом подзаработать, а люди от этого ещё и получали удовольствие, он совершенно не собирался их удерживать — отсутствие приглашений всё равно не помогло бы. И складывалось впечатление, что я была единственной здесь, кто желал спрятаться в своём доме.

Это заставляло нервничать. Ведь такая тьма людей обязательно не позволит мне сбежать. А ведь это люди, люди, которым абсолютно всё равно, кто я такая — но даже одно осознание того, что их так много вокруг, заставляло сердце биться быстрее, и в голове то и дело возникали дикие фантазии того, что они со мной сделают — даже представить не могла, как сбежать отсюда поскорее.

Я задёрнула шторы на окнах кареты, но крики и смех прорывались внутрь, поэтому пришлось обхватить колени руками и пытаться вспомнить о том, как вообще нужно дышать в этом мире.

Наверное, понадобилось более получаса, чтобы выбраться из толпы, но наконец-то это свершилось, и экипаж повернул на мою улицу. Тут, в чёрно-белых зданиях с высокими колоннами, построенными сотни лет назад, жили исключительно дворяне. Обычно это означало, что каждый шаг дальше своего порога грозил любопытными матушками и молодыми девицами, но сегодня дорога была тиха, а окна совершенно не светились. Да и кто

мог тут оказаться, если вместо этого можно пребывать во дворце? Разве что несколько преданных слуг да пожилой родственник, что рассказывал младшим детям о том, как надо жить. Ну, и я, разумеется.

Как только карета остановилась, я толкнула дверь, споткнулась, ступая на землю. Наоми передала кучеру несколько монет, а я бросилась к подоконнику, отыскав в тайничке запасной ключ. Слуг отпустили на ночь. Следовало посоветовать это королю — ведь мой отец всё же вспомнил о том, какой была жизнь до того, как он женился на благородной даме, и он всегда думал о желаниях слуг. Разумеется, дворяне никогда не признали бы такое отвратительное поведение со стороны своих новых псевдородственников, но это отнюдь не делало его беспокойство искусственным.

Разве что только беспокойство по отношению к его дочери. Ведь моё представление о счастье никогда не подошло бы двору, и у него было слишком много обязанностей для меня.

Он не примет мой уход. Он точно не возненавидит меня за это, но и не поймёт никогда. Потому я не могла сказать ему о своих планах, не могла попросить о помощи. Но однажды я всё же поделюсь с ним своими планами, а после попросту исчезну.

Мне б хотелось, чтобы всё было иначе. Мы с отцом не были близки, но я отнюдь не желала причинять ему боль. Как жаль, что он не мог понять, что его поведение было бы идеальным для любой девушки, кроме меня — в конце концов, попытаться принять это! Ведь он всегда делал именно то, что должно, а не то, что мне хотелось...

Зал, в который мы вошли, был мрачным, только над головой маячила люстра. Я миновала его, направляясь к узкой лестнице в дальнем конце комнаты. Вероятно, каждый посетитель дома считал, что давно уже надо было заколотить дверь проход, ведь лестница столь ветха, что туда и не спуститься, но я просто не хотела видеть никого в своих лабораториях, а отец, опасаясь, что кто-то туда забредёт, не чинил ступени.

Конечно, лаборатория моя не была идеальной. Подвальная комната казалась как минимум крохотной. Изрезанный деревянный стол занимал большую часть пространства, и я сама прибывала крепкие, но кривые полки к стенам. Лишь окна были высокими, прямоугольными и красивыми, с прекрасными стёклами, и смотрели они прямо на травы нашего сада. Их можно было открывать, дабы выпустить дым, но вот свет они совершенно не впускали. Да и пыльно, ведь на полках громадились книги, и каждый клочок свободного пространства был уставлен флаконами и бутылками.

Но это меня так успокаивало... Ведь я даже не могла пояснить, почему всё стоит именно так, но отлично знала, где искать какое снадобье. И когда я входила в эту комнату, все сомнения относительно жизни при дворе таяли. Я знала, что мне надо, знала, кем я должна быть.

Да, стоит сказать, что я мечтала о науке дольше, чем помню себя саму, наверное, до того, как первое слово произносила. Как же радовалась мама, как сходил с ума папа от вопросов — почему небо голубое? Почему огонь горячий? Почему еда меняется во время готовки? Почему люди в разных королевствах общаются на разных языках? Почему, почему, почему всё происходит? И моя мать всегда отмахивалась от меня и отвечала с желанием поскорее сбежать. Ведь еда готовилась от великой мечты стать лучше, чем она есть. А небо такое синее, ведь это лишь глаз титана, а они у него самые прекрасные и самые синие на свете. Он плачет — и потому идёт дождь, а ночью темнеет, ведь он спит...

Отец, впрочем, отвечал на вопросы серьёзнее. Он считал моё любопытство чем-то хорошим, да и хоть на что-то у него были ответы, пусть и не на всё — ведь он, будучи

торговцем, бывал в разных странах.

Разумеется, от их рассказов возникало ещё больше вопросов о далёких странах и прекрасных гигантах, о морях и океанах. Но, только-только узнав о науке, я наконец-то осознала, что ответов на все вопросы пока что попросту нет, что есть люди, что трудятся над тем, чтобы их найти — тогда мне было лет восемь. Тогда мой отец познакомился с одним дворянином-учёным, и этот человек дал ему книгу под названием «Научные Методологии для Студентов Первых Курсов». Он сказал, что, вероятно, для ребёнка это будет слишком сухо, но я радовалась и хваталась за книжку, словно одержимая...

В сопроводительном письме говорилось, что, по словам отца, я весьма умная юная леди, и он надеялся на то, что мои вопросы никогда не иссякнут — лучшее пророчество в моей жизни!

А после смерти матери отец перестал путешествовать, но и о дворе на некоторое время тоже забыл. Он просто хотел подарить мне немного счастья, вот и позволил построить эту маленькую лабораторию. Но вот, я стала старше, и смерть моей мамы казалась будто высветшим фото — детская травма уже давно должна была превратиться в небыль, — и тогда отец больше озаботился своей наследницей. Он нуждался в нормальной дочери, у которой будет будущее при дворе, а не в зайке-учёной, которой мне незамедлительно хотелось стать.

Двери лаборатории я всегда оставляла приоткрытыми — поэтому теперь проскользнула внутрь и принялась зажигать лампы.

Дэгни свернулась на большом столе, превратившись в идеальный мягкий круг. Она была совершенно беспородной и будто впитала в свою серую шерсть всю грязь и пыль, будто повалилась в каждом уголке этой комнаты. Она всегда помогала мне в моих исследованиях, пусть могла только мяукать, и пусть Наоми считала это надоедливым, я принимала как необходимость. Она смотрела на меня, стоило только начать говорить о своих идеях, и всегда ждала, когда можно прыгнуть мне на колени, а её умные глаза отражали глубину её собственных мыслей.

Теперь мне пришлось спихнуть её со стола, и кошка раздражённо замяукала.

— Ну, ты что же, собираешься тут спать? Я ведь говорила, что я тут работаю! — я переложил её на табуретку, и Наоми утешительно почесала её голову. Дэгни прищурилась, запрокинула серую головку, прогнулась в спине и мягко, нежно заурчала.

Наоми была лучшей в мире дресировщицей кошек — или, может быть, это кошки так хорошо укрощали саму Наоми? Своих животных у неё никогда не было, поэтому она возилась с Дэгни каждый раз, когда выпадала такая возможность, и я не бралась утверждать, кто от этого процесса получал побольше удовольствия.

Я протиснулась мимо них, добралась-таки до одного из шкафов у дальней стены.

— Можешь подать мне эту колбу из стола? Вот там, рядом, такая широкая у основания, но сильно сужается к горловине! — Дэгни только раздражённо зашипела, стоило только Наоми отодвинуться.

Я распахнула дверцу шкафа, теперь глядя на ряды баночек и скляночек с разнообразными веществами, что хранились внутри. Йод был поближе к задней стенке. Серебристые емкости казались совершенно ненадёжными, а вещество не внушало доверия, так что лучше спрятать — от греха подальше. Я осторожно потянула склянку на себя и вернулась к столу, потом вынула из кармана шпильку и поднесла её к свету, пытаясь наконец-то рассмотреть.

На одном конце красовалась великолепная бабочка с усыпанными бриллиантами крыльями. Я лишь попыталась её открутить — нельзя позволить этому испортить алюминий!

Наоми же тем временем взяла банку с йодом и пыталась рассмотреть вещество внутри.

— И сколько же ты полагаешь использовать?

— Три щепотки, пожалуй, — наверное, так будет безопаснее. Меньшее мне совершенно ничего не покажет, а вот большее с лёгкостью может отреагировать излишне активно, если всё пойдёт не так, как я думаю.

Дэгни была слишком занята, пытаясь добиться ласки от Наоми, поэтому своё мнение высказать не смогла.

Натянув на руки толстые кожаные перчатки, скрывая глаза за своими защитными очками, я открыла банку и воспользовалась щипцами, дабы добыть оттуда три щепотки йода и бросить его в колбу, а после осторожно опустила туда заколку. Ничего не случилось.

— Надо что-то... — протянула я. — Что-то, что заставит его реагировать.

Я покосилась на Дэгни, дабы убедиться, что она всё ещё была на безопасном расстоянии от стола, после схватилась за пипетку и бросилась к воде.

— Может быть, тебе стоит отойти подальше... — обратилась я к Наоми. — Вдруг что-то пойдёт не так...

— Но если что-то пойдёт не так, оно часом тебе всё лицо не сожжёт?

— Оно не сожжёт мне всё лицо, — нет, такого точно не случится, я буквально чувствовала. — Но на всякий случай!..

Наоми лишь нахмурилась, но всё же отошла подальше.

Я капнула в колбу несколько капелек воды. Прошла секунда, две, и ничего не происходило, а после от шпильки струйкой в воздух скользнул фиолетовый дым.

О, нет, это не то, чего я ожидала.

Вспыхнул алюминий, и я едва-едва отскочила в сторону, прежде чем он загорелся.

Из колбы валил дым — он становился всё гуще и всё фиолетовее. Казалось, он душил меня, и я закашлялась от дыма, а Дэгни в знак протеста зашипела и нырнула под стул.

Дыма было всё больше и больше, пламя фиолетовым сиянием распространялось по комнате. Я задержала дыхание и сосчитала до трёх, давая себе время отметить точный оттенок фиолетового, интенсивность реакции и скорость сгорания, а после бросилась к окну и открыла его, позволяя свежему воздуху прорваться в лабораторию.

Наоми взобралась на стол, чтобы открыть второе окно, и едва-едва держалась между нестройными рядами колб.

Вновь замяукала Дэгни, совершенно не радуясь тому, что произошло.

— Знаю, знаю, — отозвалась я, пытаясь подтолкнуть руками дым к открытому окну. — Но ведь надо просто быть осторожным. Да и ничего страшного не случилось, ведь йод лишь немного ядовит!

— Немного ядовит? — воскликнула Наоми. — Фрея!

— Немного, если ты его съешь! Или будешь вдыхать его пары... Но мы вдохнули не так уж и много, так что всё ещё может быть в порядке.

Наоми смотрела на меня, изогнув брови, будто... Да, возможно, она действительно права, и это не до конца безопасно. Но наука безопасной до конца и не бывает! Всегда есть смысл в риске! Потому я надела перчатки, очки, да и ей сказала держаться подальше. Ну, и узнала что-то новое, а разве ж не это самое главное?

— Это было удивительно! — воскликнула я, возвращаясь обратно к колбе. — Разве ж ты не видела этот дым?

— Ну, это представление показалось мне довольно впечатляющим, но прелестный фиолетовый дым не поможет согреть руки, тебе так не кажется?

На дне колбы застрял какой-то расплавленный белый комок, и она треснула, когда я попыталась его отскрести. Нет, даже я не рискнула сейчас капнуть туда воды, не проверив реакцию тщательнее, так что просто сложила кусочки в другую банку и подписала её как «алюминиевый йод». Может быть, потом ещё вернусь к нему, как только разужнаю побольше...

Я схватила свой запятнанный журнал, что лежал на дальнем конце стола, наблюдая краем глаза, как вновь на табуретке пристроилась Наоми. Размазывая чернила, я всё писала: «Алюминий. Неожиданная реакция».

Я нахмурилась — пришлось описывать точный цвет дыма, аромат и его густоту, а это совершенно не совпадало с тем, что мне хотелось бы увидеть!

Да, попытка была совершенно неудачной, но ведь и в ней надо найти что-то полезное. Если смешать металл с йодом, добавить воду, он будет слишком гореть, но это получилось слишком жарко — может быть, слишком быстрая реакция, — вот только если я воспользуюсь чем-то другим, что-то изменю, буду постепенно, по капле, производить тепло...

Я покосилась на часы, что висели на стене — они показывали, что было уже десять вечера. Ещё одна попытка, а после я вынуждена буду вернуться на бал.

...Шла уже третья последняя попытка, и Наоми устроилась на стуле в углу, даже вытащила из-под подушки какую-то книгу. В лаборатории у диванчика она всегда прятала какой-то роман, чтобы сидеть с мурлычащей на её коленях Дэги и читать, не прислушиваясь к моей муторной болтовне.

Всё тело моё гудело. Но я на правильном пути, сомнений не было! Ведь каждый металл, гори он слишком ярко или реагируй всё так же слабо, подводил меня ближе и ближе к тому, что я искала, к шансу начать столь желанную жизнь. О, идеально ведь решить все свои проблемы в ночь королевского рождения, и тогда можно будет свести свой судьбоносный побег с ночью в королевстве, которая была для меня самой отвратительной! Нет, никогда больше мне не бывать на подобных балах!..

...Миновала седьмая попытка, и я вновь покосилась на часы. О, уже два... Нет, кажется, часы спешат, минуту назад был всего час ночи. Но ведь на королевских празднованиях всегда задерживались до рассвета, у меня с головой хватит времени, чтобы вернуться вовремя!

Я вновь посмотрела на Наоми. Глаза её были закрыты, и она едва слышно дышала. Дэгни же свернулась на её коленях, положила хвост на книгу, дабы убедиться, что Наоми проигнорировать её не сможет, но вот та явно спала, и кошка уже тоже задремала, пожалуй.

В окно заглянуло солнце, когда я вновь покосилась на часы. Я как раз наливала селитру в колбу и затаила дыхание, надеясь, чтобы всё было в порядке, как вдруг идеальную тишину прервали раздававшиеся где-то над головой тяжёлые шаги.

Я подпрыгнула. Селитра едва не пролилась на стол, и, готова поклясться, Дэгни удивлённо уставилась на меня. Бал уже, наверное, закончился, и мой папа меня точно убьёт. Я схватилась за тряпку, быстро вытирая стол. Ведь если кто-то тронет его руками не в перчатках...

Наоми села.

— Что случилось? — причёска её наполовину разрушилась, и шпильки повывлетали — пришлось самостоятельно подтягивать весь этот хаос на своей же голове.

— Я слышала шаги наверху. Наверное, это мой отец...

Может быть, праздник ещё и не закончился! Наверное, он наконец-то заметил моё отсутствие и решил меня поискать. Я даже не знала, что из этого хуже. Ведь когда я покинула празднование Нового Года слишком рано, он запер меня в комнате на месяц — не пускал в лабораторию. Никаких экспериментов, исследований, у меня даже книг не было, хотя я присутствовала на балу, просто ушла на час раньше. А вот этого хватит с головой на то, чтобы наказание было едва ли не пожизненным!

Шаги стали звучать ещё тяжелее. Слишком для горничной, слишком даже для моего отца... А если он притащил сюда весь двор, чтобы те меня отругали?

Нет, может, это кто-то другой... Например, воры. Опозиционные преступники, чьи поджидали того момента, пока опустеет поместье. Может, эти злоумышленники хотели остаться незаметными, думали, что тут никого нет...

Я схватила железные щипцы, вскинув их перед собой, будто оружие, и теперь внимательно смотрела на дверь лаборатории.

— Фрея? — Наоми потянулась к ломатке у камина. — Как думаешь, кто это такой?

Я не ответила. Нет, это не мог быть кто-то хороший. Но если мы будем вести себя тихо, они сюда и не зайдут. Мало ли, какая-то заброшенная лаборатория под домом! Вряд ли тут будет тайник с какими-то украшениями.

— Фрея! Фрея, ты тут?

Да, это был мой отец, но он не казался сердитым. Голос его был слишком громким, испуганным и преисполненным отчаянья. Что-то пошло не так...

Прежде чем я успела отложить свои щипцы в сторону, распахнулась дверь, и в комнату ворвался отец.

Тит Нистрем всегда был спокойным и собранным человеком, отвечал всем улыбкой и умел соответствовать любому обществу. Да, именно он был тем, кто мог убедить двор в том, что и торговец имеет полное право находиться среди них и говорить на равных.

Вот только сейчас он спокойным не казался. Волосы были взъерошены, а на лицо словно кто-то надел белую, как мел, маску. Где-то по пути он потерял галстук, не было и куртки — никогда мой отец не казался более встревоженным. Меня пронзила дрожь.

— Фрея! — он бросился ко мне, потянул за руку и заключил в свои объятия, сжал так крепко, что я даже на мгновение потеряла возможность дышать. — Ты жива!

— Жива? — я отчаянно пыталась понять смысл этих слов. — А почему я должна быть не жива?

— Атаковали дворец... — он схватил меня за плечи, всматриваясь в моё лицо. — Я думал, что ты тут... Подумал, может, ты всё-таки была в безопасности...

Ворвалось в лабораторию четыре дворцовых стража. Они были одеты в тёмно-синие камзолы с вышитыми королевскими звёздами — аж три, ого! У каждого на левом бедре висели ножны с мечами и кинжалами, и они все, как один, вцепились в эфесы. Никогда не видела стражу, что делала бы что-то, кроме как торчала за спиной короля, но теперь они казались бдительными и готовыми к действию.

Надо спросить папу, что всё-таки случилось. Я должна заставить эти слова прозвучать, вот только они не поддавались — будто свернулись узлом в моей груди, — и я могла только молча смотреть на него.

— Что... — прошептала Наоми. — Что случилось?

Мой отец отпустил меня и посмотрел на неё, будто впервые увидел в жизни.

— Наоми... — прошептал он. — А с вами кто-то ещё был?

— Нет, — отозвалась я. — Нет, никого, мы двое... Папа, что случилось.

— Яд. На банкете. Все умерли, Фрея. Все!

Эти слова казались сущей бессмыслицей. Я отступила назад, ударилась спиной о край стола. Дэгни легонько стукнулась о мою руку головой, и я запустила пальцы в её прекрасный тёплый мех, чувствовала, как билось её сердце.

— Что значит, все умерли?

— Умерли. Что-то было отравлено, еда или вино... и это их убило. Король, королева, брат короля, его племянник... Все мертвы.

Цианид может убить своих жертв секунд за десять. Эта циничная мысль крутилась в моей голове, будто бы повторяясь раз за разом, такая дикая и страшная. Все мертвы. Все мертвы...

Наоми схватилась за мою руку, чтобы не упасть.

— Мой брат был на балу... — обратилась она к моему отцу. — Вы его не видели? С ним всё в порядке?

— Я... Я не знаю, прости, — ответил отец. — Свыше ста мёртвых, и этого слишком много, чтобы точно сказать, и... И я не мог найти тебя, Фрея, я подумал, что...

Я смотрела на него, пытаюсь понять смысл слов, всё ещё надеясь, что просто ослышалась. Нет, какая бессмыслица... Это не может быть правдой!

— Но ведь ты жив!

— Мне повезло. Я отвлёкся, не ел на пиру, и...

— А другие выжили? — спросила Наоми, сжимая мою руку до боли. — Другие выжили?!

— Некоторые, — ответил отец. — Не так и много, я твоего брата не видел...

Она отпустила мою руку.

— Мне надо туда... Чтобы найти его.

— Я с тобой! — хотя бы это казалось мне понятным. Ведь Наоми нужна помощь. А я могу ей помочь — и потому ухватилась за эту мысль, за ясность неожиданной идеи, вот только... Вот только отец схватил меня за руку, не отпуская.

— Нет, я не позволю. Фрея, это небезопасно, ты не можешь туда вернуться.

— Но ведь ты сказал, что их просто отравили, так почему же нельзя возвращаться? Ведь я не собираюсь там ничего есть!

— Но ведь кто-то ещё может умереть — или напасть, Фрея! Ты ни за что не можешь вернуться. И я не могу рисковать тобой, милая... мы не можем. Не сейчас.

— Мною? Рисковать? Да кому я нужна? — никто на меня ни за что не нападёт. — Ладно, мне нужны мои перчатки — чтобы ни к чему не прикоснуться. Это будет абсолютно безопасно...

— Нет, Фрея! — он схватил меня за плечи и встряхнул. — Послушай меня! Погибли сотни людей, и многие всё ещё не установили точные списки... Вся наследная линия престола мертва!

— Ну так стоит помочь тем, кто остался...

— Послушай меня, Фрея. Все мертвы. Каждый престолонаследник. Все, кроме тебя. И ты — королева. Ты не можешь вернуться туда, потому что ты главная цель.

Я рассмеялась. Это было совсем не смешно, разумеется, ни на миг, но это оказалось единственной реакцией, на которую я вообще была способна — какая же нелепость! Да, я видела их живыми, всего пару часов назад, такими надменными...

— Я — королева? Нет, это просто невозможно. Я не могу быть королевой.

— Это не шутка, Фрея! — голос его звучал резко, почти что агрессивно. — Ты первая по линии наследования, кто выжил!

— Ну, нет же! Ведь я двадцать третья по этой линии! — да, вероятность моего правления столь же велика, как и у Дэгни. Потому я могла и балы пропускать, и в лаборатории просиживать часами, и никто ни за что не заметил бы, что меня нет на месте. Я ж будто неведимка. Я для них никто, что-то не имеющее никакого значения.

— Услышь меня, пожалуйста, Фрея. Кто-то хотел уничтожить весь двор. Всю династию. И, поверь, им это почти удалось. Так что ты первая из тех, кто остался.

Нет. Я не могла быть королевой. Столько людей должно было умереть, не оставив наследников, чтобы трон достался мне — и все они просто не могли исчезнуть! Да я же видела их, видела пару часов назад! Конечно, я большинство из них терпеть не могла, но они были такими живыми, такими здоровыми, и ни одному я не желала зла!

Дэгни вновь упёрлась в мою руку, и я подхватила её, прижимая к себе так крепко, что та даже замяукала в знак протеста.

— Но мой брат... — прошептала Наоми, — он ведь опережает меня в очереди на престол, опережает меня, но не Фрею... Что с ним?

— Да не знаю я! — мой отец вновь почти что сорвался на крик. — Не видел я его, может быть, он просто ушёл!

Наоми рванулась к двери. Казалось, она не могла твёрдо стоять на ногах.

— Я должна вернуться во дворец... Должна узнать, должна увидеть....

Но стража лишь равнодушно перекрыла дверь, и никто не подумал отойти в сторону.

— Увы, моя леди, но мы не можем пропустить вас сейчас туда, — промолвил один из них.

— Я должна увидеть своего брата!

— Нет! — ответил мой отец. — Ведь ты тоже в очереди на престол. До этого вечера ты была тридцать шестая, но теперь? Тебя должны защитить так же хорошо, как и Фрею.

Наоми лишь покачала головой, но стража даже не сдвинулась со своего места.

— Надо действовать быстро, — продолжил папа. — Уверен, наши враги намерены немедленно воспользоваться ситуацией. Надо выдвинуться сейчас, прежде чем они начнут действовать против тебя.

— У меня нет врагов, — ответила я. — Откуда вообще взяться врагам...

— Ты королева, Фрея. И наше дело сейчас — убедиться в том, что ты останешься ею ещё надолго. Нам нужно немедленно уезжать. Прикажем слугам взять всё, что надо, немного потом.

Он попытался отобрать у меня Дэгни и положить её на стол, но я уцепилась в неё. Нет, Дэгни за своей спиной я уж точно не оставлю. Нет, только не сейчас. Люди, конечно, так думали, но на самом деле я ведь не была сумасшедшей! Я читала книжки, и по истории тоже. Ведь знала, как заканчивается всё это. Борьба за то, чтобы считаться законным наследником, незадачливые девушки, которых заталкивали на трон из-за семейных связей, которые им не нужны, дерзкие юнцы, что мечтают оказаться на престоле... Если я пожелаю сохранить свой трон, то это будет висеть камнем на моей шее, и всю жизнь будто на качелях. Но ведь если

не цепляться за эту проклятую корону...

То что тогда? Даже если я откажусь от престола сейчас, то буду ли в безопасности до конца? Ведь разве пожелают оставить законного наследника в живых, если они хотят действительно захватить власть над государством?

Нет, Дэгни я сегодня уж точно не оставлю. Папе не понять, но она слишком важна. Дэгни помогает мне думать. Дэгни, того боле, помогает мне дышать. А если я хочу пережить не только этот день, но и много-много следующих, то это мне просто необходимо.

— Я пойду, — ответила наконец-то я. — Пойду сама. Но кто-то обязательно должен броситься на поиски брата Наоми. Вы! Вы должны немедленно ей помочь! — я посмотрела на стражу, ожидая от них хотя бы малейшего движения, но вместо того, чтобы подчиниться, они просто молча смотрели на моего отца и так и не сдвинулись с места.

— Хорошо, — наконец-то ответил папа на это бесконечное молчание. — Кто-то обязательно займётся его поисками. Но Наоми останется с нами, — он указал на дверь, но не сдвинулся с места, равно как и я.

Он ждал, пока я пройду первая. Потому что именно у меня был статус выше, потому что именно я была королевой.

Нет. Королевой я быть просто не могла!

Я схватила Наоми за руку и сжала её ладонь, пытаюсь успокоить, прежде чем сделала шаг вперёд. Ноги мои дрожали, словно я собиралась рухнуть прямо здесь, но пришлось упрямо идти вперёд.

Королева.

Я — королева.

Три

Новость о нападении уже разлетелась по городу. Тысячи людей толпились на улицах — даже больше, чем прошлой ночью, — и воздух, казалось, потяжелел от страха. Люди тянулись к нашей повозке и всё кричали, кричали...

Это правда?

Болен ли король?

Мёртв ли он?

Толпа толкала повозку, и кони шатались на пути. Окна были плотно зашторены, не пропуская свет, чтобы никто не увидел ни меня, ни мою стражу, но если б они могли — то что б подумали? Я просто девушка с кошкой на руках, совершенно не та, кого они посчитали бы источником важной информации или просто чем-то более-менее значимым.

— На улицах должна уже быть стража, — пробормотал мой отец, — иначе всё это запросто превратится в бунт.

Я сложила руки на коленях, сжимая их с такой силой, что кожа побелела. Бунт. Я представляла, будто бы это уже случилось, и люди мчались мимо нас в панике, кричали, перевернули повозку... Но ведь этого не было, правда? Этого не могло случиться. Всё прекрасно.

— Они пытаются, мой господин, — проронил один из стражников. — Все были очень испуганы и удивлены случившимся...

Я посмотрела на Наоми. Её страх будто бы превратился в ещё одного человека в повозке, но я не знала, что должна говорить. Все попытки обнадежить её были бы лживы. Мои слова прозвучали бы ужасно, и теперь, когда и вправду что-то случилось, я понятия не

имела, как ей стоит на самом деле помочь.

Карета, поворачивая, накренилась, и Наоми задрожала. Дэгни вывернулась из моих рук, перепрыгнула на соседнее сидение, добралась до Наоми, упёрлась ей в бок и замурлыкала. Наоми рассеянно погладила её по голове, но даже не обернулась, чтобы посмотреть на кошку.

Я зажмурилась, пытаюсь убедить себя. Спокойствие. Я должна быть предельно спокойна. Вот только все мои страхи сейчас слились воедино, и каждая из фобий казалась слишком быстрой, наглой, чтобы я могла справиться с собой. Все умерли. Теперь я — королева. Кто-то пытался убить всех нас, а я была — есть! — королевой. Как я могла стать королевой? Всё это, все мысли, существовали отдельно друг от друга, и я не могла сосредоточиться ни на одной из них. Да что там, я и дышать-то не могла.

Но нет, я с этим справлюсь. Мне просто нужно сосредоточиться о проблеме. Но я не в силах оживить кого-то, а думать о своём правлении было слишком страшно — это всё ещё казалось невозможно. Поэтому я сосредоточилась на убийстве, на их логике и мотивах — как это случилось?

Кто-то пытался уничтожить сегодня ночью весь двор. Но кто? Зачем? Я не слышала такого уж сильного поголоса недовольства, а королевские шпионы не допустили бы, чтобы подобное так просто упустили. Ведь должен быть мотив, что-то, имеющее смысл... Может быть, праздник, может быть, предатели на кухне, но как удалось убить всех так тихо и точно?

И кому предназначалось выжить? Предназначалось править? Моя жизнь — это просто несчастный случай, вот в чём я была уверена. Никто и не подумает попытаться усадить меня на престол, так что, скорее всего, убийца намеревался уничтожить всех, каждого дворянина при дворе... А может, есть ещё один правитель а линии, кто-то ещё дальше, чем я сама?

Наша повозка двигалась против потока толпы, отдаляясь от дворца. После того, как громкий гул толпы наконец-то утих, я отодвинула штору и выглянула наружу.

— Фрея! — зашипел отец, и я перевела на него взгляд.

Он такой же, как и был. Да всё точно такое же. Этот мир совершенно не изменился. Это был обыкновенный рассвет обыкновенного дня.

На холме вдалеке вырисовывался суровый каменный замок. Официальное название его мне было неизвестным, но тут все называли его Фортом. Но это название слишком уж мало передавало его истинную кошмарность. Это была огромная, цельная квадратная башня, вытесанная из чёрного камня, окружённая темнеющим рвом. Однажды Форт служил домом королю, когда сражающиеся между собой дворяне угрожали его безопасности, а после превратился в тюрьму для самых опасных преступников, но сейчас почти не использовался. Форт сейчас был больше предупреждением, чем оружием, но он находился в состоянии постоянной готовности, на случай, если королю понадобится защита.

— Мы собираемся в Форт? — спросила я.

Отец коротко кивнул.

— Это единственное безопасное место во всём нашем государстве.

Разводной мост, что позволял миновать ров, не поднимали уже как минимум лет двести. Стоит сказать, я считала, что цепи и шкивы должны были проржаветь от простоя, но сейчас мост просто сняли, не позволяя никому даже приблизиться.

Ещё два стражника перекрыли нам путь к замку.

— Стоять! — крикнул один из них, когда карета подъехала ближе. — Кто едет?

— Ваша королева! — прокричал в ответ мой отец. — Пропустите нас внутрь!

Стража так и не опустила свои мечи.

— Дорога перекрыта!

Я ущипнула себя за кожу между большим и указательным пальцами, пытаюсь отогнать страх. Если эти стражники ненавидели королеву в моём лице, то могли запросто меня убить. В таком хаосе никто и не заметит. Но моя стража вышла из повозки со своими собственными мечами, и отец кивнул, предлагая выйти. Я прижала Дэгни к сердцу, выходя наружу — её изворотливое тепло заставляло мои руки дрожать не так сильно.

Люди на дороге нахмурились, когда я вышла, пытаюсь выяснить, кто я такая. Они отчасти успокоились, когда увидели моего отца.

— Тит, — проговорил один из них. — Вышивший...

— Да, я выжил. А ещё выжила моя дочь. Так что, будьте добры, пропустите нас. Кто знает, что может случиться, если мы задержимся здесь.

— Конечно, — стражник низко поклонился мне. Даже если он и думал о том, что склонялся к ногам девчонки, покрытой копотью, с огромной кошкой на руках, он этого не показал. — Прошу, следуйте за мной.

Он повёл нас вокруг рва, до того места, где берег был не настолько крутым. В центре рва стояла лодка — в ней устроился мужчина, что, увидев стражника, погрёб к берегу. По воде плавал какой-то мусор, приплывший из реки, скопившийся тут давным-давно. Я смутно припоминала что-то о приливах. До моря было много миль, но я уверена, что слышала об этом. Из рва Форта всегда воняло — потому и надо что-то делать с приливами...

Лодка врезалась в берег, и стражник крепко схватил её, прежде чем кивнуть мне, предлагая стать внутрь. Она покачнулась, когда я ступила на палубу, и пришлось прижать к себе Дэгни, если, конечно, я не хотела уронить её в воду.

— Крепко держите кота, барышня, — проронил лодочник. — Если не хотите, конечно, устроить ей внезапную ванну.

— Барышня?! — вспыхнул отец. — Это ваша новая королева!

Мужчина посмотрел на него, казалось, ошеломлённо.

— Простите, — промолвил он. Слова звучали почти вопросительно. — Тогда поспешите, нам стоит как можно скорее оказаться на том берегу.

Я устроилась на скамейке, и позади меня в лодку забралось два стражника, занимая всё оставшееся пространство.

— Погодите, — промолвила я, когда лодочник сделал первое движение. Я посмотрела на Наоми и своего отца, что всё ещё ждали на берегу.

— Лодка вернётся к нам, Фрея, — промолвил отец. — Ты должна первой оказаться в безопасности.

Они не могут заставить меня отправиться вперёд одной!

— Ну так стража подождёт! — воскликнула я. — Ведь мы же можем вместе переплыть реку.

— Нет, Фрея, стража подождать не может. Разве ты забыла о том, что случилось этим вечером?

Разумеется, я ничего не забыла. Но стража, равно как и все остальные, тоже могла причинить мне боль, даже прямо сейчас. Мы ведь понятия не имели, кто напал на короля. И, признаться, с людьми, которых я хорошо знала, будет безопаснее. К тому же, я совершенно бесполезна — и не хотела оставлять Наоми в одиночестве. Но лодочник уже отгрёб от

берега, и я отлично знала, что назад он не повернёт.

Я уткнулась носом в мягкий мех Дэгни на холке. Форт маячил впереди тёмным пятном на фоне небес.

Лодочник оставил меня на берегу по ту сторону рва, и оставшаяся со мной стража поспешила потащить меня вверх по крутому склону, идти по которому было почти невозможно. Обувь соскальзывала в грязи. Я оглядывалась на противоположный берег. Надо подождать отца и Наоми — но стража была совершенно неумолима.

Наконец-то мы добрались до официальной дороги к Форту и оказались почти у входа самого замка. Его огромные железные двери были открыты, но мостик был поднят. Стража закричала, чтобы его подняли, и кто-то внутри, вероятно, услышал, потому что он с визгом упал вниз.

Я посмотрела с холма на город. Извилистые улицы, зубчатые крыши, старые министерские башни над ними, дворец в хаосе зелёного моря. Я ещё могла рассмотреть сияние огней в саду, что казалось ясным даже на рассвете. И у дворца такие высокие окна, и каменные колонны, и такие кошмары простирались перед ним...

— Проходите, Ваше Величество, — проронил один из стражников. У него лицо было моложе, чем у другого, с хорошо подстриженной седой бородой и жгуче чёрными глазами. — Мы не можем задерживаться здесь надолго.

Я вновь посмотрела на отца и Наоми. Их лодка уже пересекла половину рва. Они были в такой безопасности, которую только могло обеспечить это место, и я совсем скоро увижу их внутри.

Стоит признаться, в Форте я прежде никогда не бывала — равно как и большинство живых, пожалуй, они бы не перенесли этот запах. Воняло сушлом и заброшенностью — затхлый воздух, плесень. Стены давили на голову, высокие, холодные и лишённые всяких картин и украшений.

Моя стража повела меня по коридору, но мы по пути почти никого не встретили. Некоторые горничные перебежали из комнаты в комнату, но мало кто смотрел на нас, и уж точно ни одна не остановилась, чтобы поклониться или опуститься в реверансе.

Меня привели к высокой, закручивающейся лестнице в дальнем конце Форта. Здесь не было ни ламп, ни окон, так что один из стражников схватил фонарь, чтобы осветить нам путь. Мы поднимались на второй, третий, четвёртый этаж...

На четвёртом наконец-то открылась дверь, и кто-то лёгким толчком запихнул меня внутрь.

Он был высоким — выше меня, хорошо сложенным. Мой нос уткнулся ему в ключицы, и он отшатнулся, споткнулся о ступени, по которым только что спустился. Я вскрикнула скорее от удивления, чем от боли, и Дэгни соскочила с моих рук.

Это был Уильям Фицрой. Я пошатнулась от столкновения, всматриваясь в его лицо. Голубые глаза были налиты кровью, золотистые волосы забрызганы чем-то — может быть, алым... Но он был жив! Ещё один из выживших. Я даже не думала о Фицрое, когда покидала дворец, даже не задумывалась о том, умер ли он, но теперь вот смотрела на него. Да, в какой-то степени он был идиотом, но смерти точно не заслуживал — и вот он, здесь. Твёрдое, крепкое дело, дыхание — всё это приводило меня в замешательство.

— Прости, — промолвил он, рассеянно покачав головой. Его горе будто бивисело в воздухе, и от присутствия парня становилось просто-таки больно дышать. — Простите меня... — он обошёл нас и зашагал вниз. Я смотрела ему в след, отказываясь отворачиваться,

пока он не скрылся с моих глаз.

Он выжил. Хотя бы кто-то в этом страшном мире выжил!

Я вновь поймала Дэгни и кивнула своим стражникам, чтобы шагать дальше.

Они проводили меня на верхний этаж Форта, там, где сохранили королевские апартаменты, готовые к тому, что что-то когда-то случится. Когда мы приехали, за входом никто не наблюдал, но теперь там стоял один из стражников, а второй провёл меня в огромную комнату, явно предназначенную именно для королевы. На кровати горой стояли красные вышитые подушки, толстый ковёр покрывал холодный голый пол. Стояла арфа у стены, ведь королева любила музицировать, а в открытой двери шкафа можно было увидеть огромное количество платьев, каждое из которых стоило больше годового дохода большинства жителей этого королевства. Горшки с цветами стояли на туалетном столике, там же — кисть и какие-то драгоценные камни. Даже в чрезвычайной ситуации королева заботилась о своей красоте больше, чем о народе.

— У вас есть всё, что вам нужно, Ваше Величество? — у двери стоял стражник. Он будто порывался уйти, но не мог — разумеется, ведь без разрешения он не мог покинуть мои покои.

— Наоми! — быстро проговорила я. — Ведь она тоже придёт сюда, верно?

Он открыл рот, словно порывался что-то сказать, потом вновь закрыл — и при всём этом выглядел просто поразительно нервным.

— Но ведь это королевские апартаменты, Ваше Величество... Разумеется, у каждого, кто приходит в Форт для защиты от имени короля, будет своя комната, но только вы можете оставаться здесь. Это в целях вашей собственной безопасности. Есть ли что-нибудь ещё, что может вам понадобиться?

— Нет, — мой голос сорвался, когда я ответила ему. — Нет, всё в порядке, спасибо вам.

— Тогда я оставлю вас отдыхать, если Ваше Величество желает. Это была очень длинная ночь.

Я кивнула, и он, посмотрев на меня в последний раз, выскользнул из комнаты, закрывая за собою дверь.

Но я была в неправильном месте — я осознала это, когда захлопнулась дверь. Монарх должен находиться в покоях короля, а не королевы!

Столько всего, что должно было бы утвердить моё место... Ведь я могла не оказаться здесь, а остаться в своей лаборатории. Но, может, это конец? А может, меня пытаются скрыть от места, куда нападут в первую очередь?

Я бросила Дэгни на широкую кровать. Она лапами замолотила по простыням, оставляя следы от когтей на дорогом шелке.

На туалетном столике блистала прекрасная диадема. Алмазы сверкали в тусклом свете. Я осторожно подняла её, чтобы не касаться драгоценных камней, и надела на свою голову. Та казалась такой безвкусной на фоне моих чёрных волос.

Королева. Королева. Я — королева.

Моё отражение мне совершенно не верило. Да и кто может в такое поверить? Я никогда не выглядела как королева. Править Эприа значило быть гламурно-роскошной и предельно красивой, насколько это только было возможно. Если ты истекаешь золотом, если ты испорчен и эгоистичен, если ты держишься, как идол, и при дворе танцуешь замысловатые танцы... то ты можешь быть королевой. А вот я — скорее неуклюжий ребёнок, что натянул мамины драгоценности. Ведь я тут просто смешна.

И не смешна по-хорошему, так, как это всегда любили при дворе. Я слаба. Я смехотворно. Вот только значение в этих словах пропало — я отшвырнула диадему на туалетный столик. Разве ж они не погибли все до одного? Какой двор я имею, чтобы править?

Мне хотелось верить, что с Наоми всё будет в порядке.

Королевы, вероятно, зовут слуг, дабы раздеться, но сейчас никто ко мне не придёт. Я обхватила себя руками, потянулась ладонью к застёжкам на своей спине, но не достала до них, так что просто скинула туфли, умыла лицо в тазу у окна и опустилась на простыни. Мои руки потянулись к Дэгни, и она устроилась рядом.

Я уткнулась лицом в её мех, и её ритмичное мурлыканье успокоило меня достаточно, чтобы уснуть.

Четыре

Я проснулась от громкого стука в дверь и резко села, пытаюсь убрать с лица спутанные волосы. Глаза закрывались, в голове пульсировала тупая боль — я проспала слишком уж мало.

— Фрея?! — это был голос моего отца. — Фрея! Ты в порядке?

Я попыталась выбраться из кровати и споткнулась, ведь всё ещё была в этом смешном платье с банкета с его тридцатью шестью слоями юбок и рукавами до ушей. Оно перекрутилось, пока я спала, и я рухнула на пол, пытаюсь поправить его, ещё и зацепилась локтем за что-то и едва подавила крик, чувствуя, как глаза обожгли слёзы.

— Фрея!

— Да! — отозвалась я. — Всё в порядке. Что случилось?

Щёлкнул замок, и мой отец вошёл внутрь.

Ты хорошо проспала?

Он не мог искренне спросить меня об этом. Да, я спала, но это было скорее странным полусном, я каждую секунду готовилась вскочить и бежать.

— Что случилось? — вновь промолвила я, вместо того, чтобы встать, когда мой отец наконец-то закрыл дверь. — Вы отыскиали тех, кто виновен в случившемся?

— Нет, мы ещё его... их не нашли. Но найдём.

— И вы знаете, сколько... — я ещё не могла закончить этот вопрос. Слишком ужасно, да и не то я на самом деле действительно хотела спросить. Я хотела узнать, не нашли ли другого наследника, того, что имел бы на трон прав куда больше, чем я.

— Мы не смогли сосчитать. Больше четырехсот, это точно. Спустя несколько дней мы будем знать наверняка, но это не в приоритете на данный момент. Нам надо действовать как можно быстрее.

— Как можно быстрее поймать убийц?

— Как можно быстрее короновать тебя, Фрея. Ведь мы не можем позволить нашему королевству оставаться без правителя, без монарха, дольше, чем это будет действительно необходимо. Мы безоружны, так нам слишком уж легко бросить вызов — и тебе тоже, милая моя.

— Но что же с похоронами? — ведь, наверное, должно быть столько людей, столько человек в трауре по всей стране, что и не сосчитать! — А что с расследованием?

— Не во время коронации. Это потерпит. Мёртвые всё равно так и останутся мёртвыми,

независимо от того, будем мы медлить или нет. Мы не можем сказать то же самое о твоём троне. Если ты выберешь что-нибудь из старых вещей королевы, то мы можем провести церемонию уже прямо сегодня!

— Но ведь... — но ведь это было просто оскорбительно — наряжаться в то время, когда вокруг было столько мёртвых. — Это слишком рано...

— Это достаточно быстро. Ты очень уязвима, Фрея, до той поры, пока не станешь провозглашённой королевой. После того, как мы тебя коронуем, прилюдно коронуем, люди должны будут задуматься, прежде чем совершат что-то, что может тебе навредить. А до этого... Нет, до этого, Фрея, рисковать мы не можем.

Я провела пальцами по своим спутанным волосам.

— Что случилось прошлой ночью? Что... Что ты видел?

— Это было слишком внезапно, — он отвёл от меня взгляд, пытаясь сосредоточиться на задрапированных подушках на моей кровати, словно они могли ответить. — После того, как подали пиво, люди — некоторые, — начали жаловаться на боль в желудке. А после... — он сглотнул и вновь посмотрел на меня. — Я избавлю тебя от деталей случившегося, дорогая.

— Не стоит этого делать. Я хочу знать, — мне нужно было знать, нужно было понять. Люди умерли, и если б я только могла осознать, если б я только могла помочь, разобраться...

— Нет, ты не хочешь. Так или иначе, они всё равно мертвы. У тебя, Фрея, теперь есть только одна забота. Ты станешь королевой. У тебя будет целый совет — люди помогут тебе раскрыть эти убийства. Ты должна сосредоточиться на своей собственной безопасности сейчас.

Но у меня на самом деле не было никакого совета. Ведь кто-то убил многих влиятельных, хорошо защищённых людей в этом королевстве. А ведь даже упоминание об этом привело бы человека в тюрьму. Они были опасными людьми, опасными и умными, и мне надо узнать, кто это сделал. Надо узнать, как им удалось, зачем они это совершили. И я не могла доверять никому в своих попытках узнать правду — только себе самой.

— А что с братом Наоми? — спросила я. — Вы его наконец-то отыскали?

Он вздохнул.

— Я понятия не имею, что с ним произошло. Если бы он был на банкете, вряд ли бы он мог остаться в живых.

— Но это возможно!

— Да, возможно. На данный момент Наоми разместили в Форте, и защищают её так же как и нас. Но я весь день работаю, тружусь, чтобы сделать всё для себя. Всякие братья будут просто. Ведь народ хочет всего и сейчас, а подождать они не могут — только не эти люди!

— Но ведь я об этом тоже беспокоюсь, разве нет? Наоми — моя лучшая подруга!

— Я знаю, что ты хочешь этого, — печально промолвил он. — Но ты не можешь думать обо всём сразу, Фрея. Ты должна сосредоточиться на выживании и удержаться на троне, жив её брат или мёртв. Мы не можем этого изменить. И никогда не сможем, — он покачал головой, а после выпрямился, словно вдруг его горе растворилось в пустоте. — Надо начинать работать. Тебе подышут платье для коронации, и я расскажу тебе о том, как пройдёт церемония.

Остальная часть дня обратилась для меня в пятно. Мой отец вернулся с четырьмя белошвейками. Те несли коронационное платье королевы Марты, но мне хватило одного взгляда, чтобы сказать, что оно не пригодится мне никогда в жизни.

Впрочем, убедить их было куда сложнее. Они втиснули меня в него, заставляя не дышать, словно это могло сделать мои плечи чуточку уже. Когда же они наконец-то натянули это проклятое платье, то стали суетиться вокруг кнопок и подола, стараясь не проронить ни слова о том, что было таким очевидным. Платье ведь коротко как минимум на несколько дюймов. Оно натянулось на талии и плечах, но на груди упало. И никакая ткань или вата поправить весь этот кошмар совершенно не могла.

— Ну что за беды, — прошептала одна из швей, отступая назад, чтобы повнимательнее рассмотреть меня. — А ведь это платье слишком старомодно. Прошло двадцать лет с той поры, да и оно, в конце концов, никогда не было сшито для коронации монарха. Было бы куда лучше взять ткань с платьев королевы Марты и сделать что-то новое для нашей юной королевы.

Мой отец нахмурился, но его нетерпение никак не могло изменить тот факт, что платье было совершенно неподходящим.

— А до завтра вы сможете его закончить?

— Но ведь мы должны это сделать! — ответила швея. — Если понадобится, проработаем всю ночь.

Меня наконец-то освободили из оков этого кошмарного платья, после измерили, то в милях, то в минутах, болтали о том, что мне идёт, о прекрасных царственных цветах, о драгоценностях, что подошли бы столь мрачной и столь важной коронации. Когда они наконец-то притихли, мой отец взял инициативу в свои руки, читая лекцию об этикете, о том, как нельзя вести себя при дворе, и, казалось, был уверен в том, что я должна знать о том, как вести себя в любой ситуации, а теперь мне уж точно эти знания пригодятся. Я пыталась отложить эти глупости в своей голове, но они все смешались, совершенно бессмысленные и глупые.

А ведь завтра я должна буду смотреть на скорбящее королевство — и предстать пред ним новой правительницей.

Швеи уже ушли, чтобы начать работать, но мой отец оставался, вновь и вновь повторяя правила коронации, заставляя меня царственно вышагивать по комнате, поправляя то, как я стояла, то, как я смотрела, даже то, как я дышала!

Вспомнил ли он, как я однажды пропустила все-все уроки этикета, как, признаться, дулась и кричала, а ещё постоянно отбивалась, пока он не прекращая говорил о танцах и о приёмах? Может быть, если б я отправилась на эти уроки, если б я действительно пыталась, вместо того, чтобы убегать, это было бы не таким уж и бесполезным для меня — но ведь я планировала сбежать от двора так далеко, как получится! А вдруг тогда всё было бы иначе?

Швеи вернулись посреди ночи ради примерки. Новое платье меня совершенно не успокоило. Драгоценные камни тянули его вниз, хотя сейчас пришили только половину из них, а дышать от этой огромной массы на плечах становилось ещё труднее.

К утру у меня жутко крутилась голова — от усталости и страха. Но у меня больше не было никаких лекарств и спасения. Миновало два часа, как швеи начали меня одевать — а ведь помогала им целая армия горничных. Они вшивали меня в платье, будто бы в мешок. Драгоценные камни крепились к ткани, оковами лежали на шее, шипами на туфлях, пылали поясами на моей талии.

А ещё мой отец продолжал напоминать обо всём том, что я не должна была делать. Самым важным из всего этого — тем, что он без конца повторял, — оказалось то, что я не должна разговаривать. Ни слова, не считая, конечно, тех, что полагались по традициям.

Я задавалась вопросом — а вправду ли так принято, или это правило исключительно для меня?

Храм казался выше замка, а колокольня его пряталась среди облаков. Каждый дюйм его каменного облика был покрыт причудливой резьбой, какими-то химерами, а звон его колокола разносился пением по всему городу. Это было последнее создание богов — прежде чем они покинули этот мир.

Рикбен, миротворец. Эландра, свирепая. Гаррет, весельчак. Валанте, своевременная. Они правили Эприа, когда мир был куда лучше, но с отвращением отказались от королевства, когда то стало слишком лживым. Осталось лишь несколько реликвий с той поры, чудес архитектуры и инженерии, напоминающих о том, насколько великим когда-то было их королевство — и насколько великим оно может стать.

Это всегда казалось для меня ненормальным — и звучало абсурдно. У нас не было ни записей, ни реальных доказательств их существования, только куча старых зданий и сборник легенд. Все знали имена — по крайней мере, двадцать из них не стали Забытыми, — но даже это было просто традицией. И меня это беспокоило потому, что Забытые стали предлогом. Люди видели то, о чём и мечтать не могли — и считали, что это могли сотворить только разве что боги.

Сейчас я смотрела на Минстера, одну из гримасничающих мужских масок над дверным проёмом. По обе стороны собралась толпа, но я не могла позволить себе бросить на них взгляд, позволить страху овладеть собой. Я должна идти — просто идти.

Мои ноги подгибались под тяжеленными юбками, но я ни разу не упала.

Меня всегда поражало то, что было внутри этого великолепного собора. Мы редко заходили сюда — только раз в год, празднуя середину зимы, и на коронацию, то есть, раз в поколение, и каждый раз, когда мы оказывались тут, я проводила больше времени, глядя на потолок, чем слушая священника. И теперь я вновь рассматривала резьбу и картины в шестидесяти футах от меня. Как это возможно? Этим вопросом я задавалась каждый раз. Как можно было оказаться так высоко, чтобы что-то нарисовать?

Люди набились огромной толпой. Я посмотрела на алтарь в дальнем конце собора, и теперь Минстера больше не было видно. Скамьи позади были забиты простолюдинами, которых пригласили увидеть мою коронацию — купцами, банкирами, юристами и врачами. Все они мечтали увидеть эту неизвестную королеву.

Они уже успели меня обсудить, в этом я была уверена. Когда я прошла через дверь, они уже решили, какой королевой я буду.

А вот первая половина собора была почти пуста. Этого и стоило ожидать, я ведь знала об этом, но мой желудок всё ещё сжимался, когда я видела эти пустые скамьи — одна за другой. На них могло поместиться как минимум пять сотен вельмож. А сейчас от них осталось меньше двух десятков — остатки двора, по крайней мере, тез, кто желал увидеть мою коронацию. Может быть, некоторые просто не хотели прийти. Это возможно — но маловероятно, никто не пропускает добровольно такое зрелище.

Я посмотрела на заднюю часть собора — кто они такие? А эти люди, дворяне? Большинство из них я знала недостаточно хорошо, чтобы определить по волосам, но узнала Наоми — её тёмные волосы были собраны в узел на затылке, несколько прядей выбилось и спадало на лицо — и рядом с нею не было её брата.

В моём сердце вновь всё сжалось, и я отвернулась. Надо сосредоточиться. Я не могу думать... Не могу просто так отвлекаться. Поэтому пришлось сосредоточиться на шагах

вперёд, на платформе, золотом троне, пению священника...

Так или иначе, я добралась до помоста — часы практики не прошли даром. Колени больно ударились о камень, когда пришлось опуститься перед священником для благословения. Я опустила голову, и он маслом макнул мой лоб. Села на трон, приняла от кого-то церемониальный скипетр и красный соболиный плащ, что лился по плечам, и священник за моей спиной держал корону над головой моей. Ритуал словно протекал сквозь пальцы — моё тело двигалось, а я просто смотрела на всё со стороны.

— Встаньте на колени перед королевой Фреей Первой, правительницей Эприа! Долгих лет царствования!

Священник отступил назад, и толпа рухнула на колени.

— Долгих лет царствования!

Я позволила себе взглянуть на вельмож, что были передо мною. Мои глаза скользнули по Наоми, и она подарила мне нежную улыбку. Но она всё ещё была одна.

Может быть, Якоб болен. Может быть, избегает меня. Хоть что-нибудь, лишь бы это не означало, что её брат мёртв!

Мой отец стоял на коленях рядом с мужчинами и женщинами, в которых я смутно узнавала старых королевских советников. У другой скамьи, рядом с Фицроем, на колени опустился Торстэн Вольф. Так мало людей...

Нет, это не могли быть все выжившие. Просто не могли. Просто остальные удержались, не пришли, не желали видеть, как меня провозгласили королевой. Вот и всё.

Нельзя лгать себе самой — я повторяла это раз за разом, чувствуя, как непонятно откуда поднимается гнев. Никого больше не было. Никого не осталось.

Священник тихо откашлялся. Всё почти закончилось. Всё, что мне следовало сделать — это просто уйти, вывести двор из собора. Просто ещё одно дело. Я поднялась, священник поднял мантию, чтобы та не зацепилась за трон, прежде чем поплывёт мерно за моей спиной.

Мне нельзя было коснуться своей мантии. Раз за разом отец повторял это сначала вечером, а после и сегодня утром. Я не могу касаться мантии. Я не могу поднять мантию. Но я определённо не имею никакого права стоять на мантии

Вот только я понятия не имела, как на самом деле стоит это сделать. Даже будучи ростом пять футов и десять дюймов, я была слишком мала для этой вещи. Она, должно быть, весила больше меня, да и растянулась, где только могла. Я сделала маленький шаг вперёд и застыла, балансируя в своих покрытых драгоценностями туфлях.

Ещё один шаг, потом второй, и я оказалась на краю помоста. Сначала пять ступенек между мною и придворными, а после идти прямо к двери. Как просто! Я уже занесла правую ногу, чувствуя, что шагнуть слишком сложно, с трудом отыскала ступень, перенесла свой вес на правую сторону, подняла левую ногу, чтобы шагнуть дальше. Всего четыре шага впереди. Три шага.

Мои пятки зацепились за подол. Мантия с силой дёрнула меня назад. Я пыталась устоять на ногах, но корона была слишком тяжела, тянула меня назад, и я споткнулась, накренилась налево, взмахнула руками, пытаюсь оставаться в вертикальном положении. Колено моё болезненно ударилось о ступень, заныло в ответ на ранение.

Корона упала. Она приземлилась у моих ног с лязгом, от которого заныли зубы. Бесценные драгоценности нагло царапали пол.

Я не могла реагировать. Я только наблюдала, как она катилась вперёд, подпрыгивая раз

за разом на ступеньках, как каждый раз звенела, будто гонг. Никто не говорил. Никто не двигался. Весь зал смотрел на корону.

Она остановилась чуть ниже последней ступеньки. Да, целая, но ведь всё ещё на полу, а не на моей голове, и я понятия не имела, что мне нужно сделать. Моё лицо будто бы горело в огне, и моя мантия нагло обвивала мою обувь. Должна ли я надеть эту проклятую корону? Или, может, огромным несчастьем для меня станет прикоснуться к ней, равно как было страшным промахом дотронуться до проклятой мантии? Может быть, это не по-королевски будет рваться за своими собственными драгоценностями? Ещё более не по-королевски, чем свалиться, уронить их на пол, упасть?

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Я была королевой. Официальной — по крайней мере сейчас. Я могу с этим справиться. Это моё первое испытание, и я его преодолёю, по крайней мере, должна преодолеть.

Я протянула руку и отцепила мантию от драгоценных камней на каблуках моей обуви. Осторожно подняла его, чтобы можно было нормально идти. А после я встала.

По крайней мере, никто не засмеялся. Разумеется, все на меня глазели, но никто не проронил ни единого звука.

Священник поспешил поднять корону.

— Короне никогда не удобно на любо достойной голове, — промолвил он всё с тем же звоном в серьёзном голосе, что и раньше, словно это было частью церемонии, которой прежде руководствовались правители. — В один прекрасный день, когда вернутся Забытые, они покажут, насколько могучи, и эта корона мала им, но, королева Фрея, мы молим вас принять на себя эту ношу хотя бы сегодня! — и он вновь положил корону мне на голову.

Если б я могла, я б его обняла.

На этот раз обошлось без происшествий. Открытая карета ждала меня в нескольких шагах, готовая пересечь город, и я полной тишине забралась в неё.

Путешествие обратно в Форт было невообразимо мрачным. Мой отец действительно пытался сделать его помпезным и красивым, и стража стучала в барабаны, а я сидела в позолоченной повозке, что, казалось, сияла ярче солнца. Но люди не хотели праздновать. Казалось, весь город вышел посмотреть на меня, но никто не приветствовал проезжавший мимо экипаж. Большинство просто смотрело на меня или переговаривалось с соседями, обсуждая, почему этот подросток, эта девочка катается в королевской карете в драгоценных камнях вместо того статного короля, которого они все знали. Спрашивали друг у друга, как я, такая невзрачная, вообще могу ими управлять.

Мой отец запретил мне улыбаться или даже обращать на них внимание. Мне нужно было продемонстрировать сейчас свою бесконечную власть, а любая открытость означала бы мою слабость. Впрочем, совершенно не трудно было сейчас казаться серьёзной, учитывая то, какое количество людей на меня смотрело. Но я знала, что они совершенно не впечатлены. Королева должна была быть более... просто более — больше, чем человек, просто притягивать к себе всеобщее внимание. А я, повторюсь, будто бы случайно попала в эту повозку.

Полагаю, это не было такой уж и ложью — скорее даже правдой.

Я смотрела вперёд, сосредоточившись на лошадях, что тянули мою коляску вперёд. Музыка заглушала говор толпы.

Если б я хотела выжить, мне следовало бы начинать с малого. Сосредоточиться на своём совете и на дворянах при дворе. А они пусть и ведут дела с окружающим миром.

Примерно так всегда и происходило, и ответственность бежала по ниспадающей, и правитель только по редкой необходимости смотрел на тех, кто были чуть ниже. Так что мне следовало только впечатлить придворных, потому что всеми остальными будут повелевать они.

Потому что, если думать не только о тех, кто выжил, но и обо всём королевстве, о сотнях, даже о тысячах людей, у каждого из которых были свои желания, своё мнение, каждый мог быть разочарованным мной, каждый мог желать увидеть на троне кого-то другого на троне, не меня... тогда перед глазами моими всё шло пятнами — и приходилось отмахнуться от этой мысли.

Даже знаменитый двор не смог так просто праздновать, когда сотни людей лежали, не дыша, но в старом тронном зале в Форте всё равно устроили маленький пир. Не было ни тортов с голубями, ни каких-то сложных десертов, ни каких-либо украшений на стенах. Просто притащили длинные столы, будто бы тут надо было место для сотен придворных. Казалось, пространство издевалось над каждым из нас. А ещё было больше стульев, чем живых гостей, и присутствующие разбрелись маленькими группами по залу.

Я сидела за высокими столом, глядя на них, словно свысока. Как правило, монаршая семья и гости с радостью присоединялись к столу, но осталось так мало людей, что отец настоял на том, чтобы я сидела одна. Двадцать человек могло бы поместиться здесь, но вместо этого меня окружала одна только пустота — у королевы не было ни одного реального союзника.

Наоми сидела внизу, за другим столом, и тоже была всё так же одна. Её чёрные волосы были уложены в сложную высокую причёску, но она накренилась набок. Кажется, она ничего не замечала. Мне надо было поговорить с нею. Надо было выяснить, как она себя чувствует, что с нею случилось — вот только я не смела сдвинуться с места. Мне предстояло вынести ещё как минимум несколько часов здесь.

Была еда, по крайней мере, фазан с малиной, а ещё дикий кабан, но как только можно есть после того, как такое случилось на последнем пиру? Конечно, эти блюда я одобрила, но на самом деле я выбирала их в случайном порядке и едва съела по кусочку.

В комнате царила кошмарная тишина. Я могла слышать каждый скрип стула, каждый всплеск вина в бокале, каждый храбрый скрип ножа по тарелке. Пока весь этот фарс не подойдёт к концу, мы все будто бы в ловушке.

Ничто не должно случиться — я повторяла это про себя, заставляя прожевать кусочек кабана. Но истинный мой испуг никуда не отступал — я всё ещё сидела у них на глазах. Я — мишень. Мы понятия не имели, что случилось на предыдущем банкете, так что, всё легко может повториться. Кто-то может попытаться закончить своё дело, поймать упущенного наследника.

А я была для них такой лёгкой целью. Сидела здесь, ела эту еду, действовала так, будто бы считала себя непобедимой, а ведь на самом деле знала, что таковой не являлась. Они могли причинить мне боль так же легко, как и всем остальным, а я просто сидела здесь. Такая близкая, такая лёгкая мишень...

Я встала. Мой стул громко оцарапал пол, все уставились на меня. Но я больше не могла этого вынести, ни единой минуты. Я забыла о том, как дышать.

Это не было настоящей коронацией. Король Йорген никогда не был столь изолирован. У него всегда была музыка, танцы, вино, а стол ломился от людей, что были готовы отталкивать друг друга, лишь бы занять свободное место.

Но я такой не была. Ведь я не умерла каким-то чудом и должна была править, но не знала, как — и никто мне не поверит, никто.

Комната поплыла перед глазами. А мне просто надо дышать.

Я буквально вылетела из этой комнаты, заставляя себя хотя бы не побежать вперёд. Моя стража мерно шагала за мной. Мне надо был воздух, всего лишь совсем немного воздуха. Я в нём нуждалась.

Коридор казался спокойнее, по крайней мере, прохлада воздуха освежала. Я прижалась спиной к стене, закрыла глаза, пытаюсь отбросить всё в сторону, и сосредоточилась на своём дыхании. Вдох-выдох. Я могу это сделать. Я могу.

— Чего вы хотите?

Я открыла глаза. Немного дальше по коридору стоял Уильям Фицрой, и глаза его всё ещё были немного красными, но не так, как прежде.

— Я не знала, что ты здесь, — а что я ещё могла сказать? Мой голос звучал как-то слишком хрипло, но, по крайней мере, я уже могла разговаривать.

— О, уже сбегаете? — он рассмеялся, и звук громом пронзил меня. Обычно Фицрой казался светом, высмеивающим всё плохое, а теперь он ниворил жестоко. — Они никогда не должны были тебя короновать, это тебе не принадлежит.

Я смотрела на него, на его грязные волосы, налитые кровью глаза и не могла отрицать. Во мне не было сил, чтобы пытаться лгать.

— Ты имеешь право. Я — нет, — да любой дурак увидит это. — Но, что бы то ни было, так случилось.

Он моргнул, и его глаза широко распахнулись. Если б он просто понял, что именно я сказала... Он открыл рот, чтобы вновь заговорить, но остановился. Мне хотелось призвать его — пусть расскажет. Вся тишина, всё притворство дня не про мою честь. Всё это подделка, когда печаль и слабость глубоко хоронят, но не тогда, когда это нужно. Я хотела его слов, его честности, вопреки тому, как жестоко это будет. Но он только покачал головой и отступил назад.

— Простите.

Он уходил. Руки мои тряслись.

— Ваше Величество? — мой стражник подошёл чуточку ближе. — С вами всё в порядке?

Нет, со мной не всё в порядке. Мне хотелось закричать, чтобы они ушли, сказать, что я должна дышать, дышать, дышать — наедине! — но это было бы так несправедливо, так несправедливо по отношению к страже...

Фицрой совершенно прав. Мне здесь не место. Но если б я показала слабость, если б я убежала и спряталась, моя голова оказалась бы на плахе прежде, чем я только успела бы моргнуть. Если б кто-то забрал мой трон, если б даже я сама отступила... Я буду королевой до тех пор, пока я дышу — и умирать я не хочу.

— Да, — ответила я охране. Мой голос дрожал, но слова срывались с губ. — Мне следует вернуться внутрь.

Я шагнула обратно в зал.

Пять

Спустя несколько часов я стояла у двери в комнату Наоми, пытаюсь набраться смелости,

чтобы постучаться. Один из стражников показал мне дорогу к этому коридору на четвёртом этаже, где поселилась уцелевшая знать. Казалось, здесь никто не ходил даже несколько сотен лет, но теперь здесь поселили придворных. Вокруг воняло плесенью, несколько факелов светили так слабо, что это казалось подвалом, а не домом.

Мне нужно было увидеть Наоми, чтобы поговорить с нею, но теперь, когда я оказалась здесь, я понятия не имела, что могла сказать. Её горе приводило меня в ужас. Я ненавидела себя за эту мысль, но страх вопил во мне — ведь я не знала, что говорить, я могла ляпнуть что-то не то. А то и хуже! Мне хотелось ступить туда, увидеть её и заставить все печали растаять. Хотелось рассказать ей, как действовать, продемонстрировать, как можно улучшить всё в этом мире. Но если её брат мёртв, если он умер, я этого никак не изменю — и жуткая беспомощность будто приклеила меня к месту. Зачем нужен друг, что не способен помочь?

Но я не могла позволить себе избегать её. Каким бы я была другом, если б отказалась от неё только потому, что не знаю, что сказать? Я не могу позволить ей думать, что она осталась одна.

Я трижды постучалась в дверь.

Прошла целая бесконечная минута, прежде чем её приоткрыли, и Наоми выглянула в щель.

Она казалась будто частью себя самой. Сложная причёска с коронации была разрушена, и теперь наполовину сплетённые пряди спадали на плечи. Под глазами виднелись тёмные круги, будто бы ушибы под её огромными глазами.

Она мгновение смотрела на меня, а после бросилась вперёд, крепко обхватив меня руками.

— Фрея! — мы столкнулись, и она уткнулась головой мне в ключицу, затылок болезненно ударил в подбородок. Она что-то пробормотала мне в плечо, но я не могла разобрать ни единого слова, так что вынуждена была только притянуть её к себе поближе, чтобы успокоить.

Я осознала, что она рыдала.

— Мне... Мне так жаль... — слова эти претили мне, но срывались с губ. — Жаль, что я оставила тебя вне Форта одну, жаль, что я до этого тебя увидеть не могла... Я хотела, я спрашивала и спрашивала, но вокруг было столько хаоса, а мой отец, он...

Она покачала головой.

— Я знаю, что ты не могла видеть меня, я прекрасно понимаю, что тебя не отпускали. Так и было. Я на тебя не сердита, — она вновь сжала меня в объятиях, а после отстранилась. — Ты зайдёшь?

— Да, — кивнула я. — Да, если... Если я конечно могу... Вот и всё, — мне хотелось сказать что-то, но я не могла — только посмотрела через плечо на стражника, что застыл в нескольких футах вот меня. — Ведь вы подождёте меня здесь?

— Если Ваше Величество пожелает.

Я кивнула, и Наоми потянула меня за собой, захлопнув дверь за собой.

Её комната практически распадалась на куски, ящики для хранения чего-то всё ещё были приставлены к правой стене, а одежда Наоми висела над бесконечными коробками. Кровать скрывалась под грудой одеял, а несколько ламп оказались до жути пыльными и кошмарно искажали копотью. Свет.

— Наоми, это ужасно! Почему они тебя сюда поселили?!

— У них не было возможности очистить все комнаты, да и... да и я никого не просила. По крайней мере, так мне есть где остановиться.

— Ты не можешь здесь оставаться! Поднимайся ко мне на верхние этажи.

Наоми покачала головой.

— Не могу. Ведь те комнаты предназначены только для тебя...

— И я могу сделать с ними абсолютно всё, что пожелаю, разве ж я не королева. Я хочу, чтобы ты была со мной! Пожалуйста...

Я должна была прийти раньше. Почему я так тянула? Надо было бороться с собой, старательно сражаться против глупой слабости до самой победы.

— Якоб... — мой голос вновь звучал до ужаса хрипло. — Он же...

Я уже знала ответ, даже если и не хотела этого признавать, но когда Наоми покачала головой, казалось, будто бы кто-то ударил меня кулаком в грудь, выбивая из лёгких весь воздух.

— Он не мог... Он не...

Я не слишком уж и хорошо знала брата Наоми — но всё-таки знала. А ведь он подмигивал мне каждый раз, когда мы сталкивались, и от него будто бы исходил какой-то свет — а ещё он считал своей обязанностью никогда не шутить на мой счёт. А ещё он тоже называл меня Фреей.

— Эй, маленькая Фрея! — с таким подмигиванием, каждый раз, когда я подходила к Наоми, и они стояли вместе. И он... Думать, что он умер...

— Мне жаль, — какие бесполезные, бессмысленные слова. Мне хотелось отобрать у неё это горе, проглотить его — чтобы она никогда ничего не чувствовала. Не страдала. Мне хотелось вытащить её брата из лап смерти — чтобы только она чувствовала себя лучше. Мне хотелось сделать хоть что-то — но я не могла.

— Спасибо тебе, — Наоми посмотрела в окно сквозь щель в шторах. — Я до сих пор не могу в это поверить. Как они все могли исчезнуть? Такое ощущение, будто бы всё это... Как какая-то глупая выдумка, знаешь, — её голос дрогнул, и она крепко зажмурила глаза. — Я просто рада видеть тебя здесь, — она вновь распахнула глаза, и голос стал тверже. — А как ты? Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую чем? Королевой?

Она кивнула.

— Это всё... Очень сложно и слишком уж по правилам.

— Да, — яростно подтвердила она. — Слишком. Просто садись и рассказывай мне всё. Немедленно.

Я опустилась на край кровати, и Наоми устроилась рядом со мной.

— Я в порядке. То есть... Нет, ну, конечно, я в скорби, но... Я ведь понятия не имею, что делать. Но я... Я научусь — я всё ещё могу научиться...

— Да, ты можешь. Я знаю — ты точно можешь, — Наоми забралась на кровать и уткнулась в колени подбородком. — И тебе не придётся заботиться обо всём, ты же знаешь, если ты не захочешь.

Знакомые слова заставили меня улыбнуться, правда, совсем немного.

— Я всё ещё живая, я всё ещё есть у тебя. А королю надо делать то, о чём многие даже и не подозревают, — Наоми вновь обняла меня, притягивая к своей груди. Казалось, в моей груди вдруг пропал этот кошмарный узел, когда её голова упала на моё плечо — я чувствовала себя такой правдивой в это мгновение, просто до ужаса.

— Мне страшно, — тихо прошептала я.

— Это потому, что ты должна теперь стать королевой?

— Нет... Я не... Ну, да, но ведь только я одна выжила после всего этого кошмара. Я не должна быть на этом троне, — страшно было говорить такое вслух, ведь теперь слова казались правдивыми. — А если убийца вдруг решит закончить свою работу?

— Тогда ему придётся сначала победить меня, — ответила свирепо Наоми. — Никто тебя тронуть не посмеет, Фрея!

— Ты пугаешь меня, когда злишься.

Наоми решительно и уверенно кивнула.

— Я никому не могу доверять, — промолвила я. — Я ведь пока что никого и ничего не знаю. Где-то должно случиться заседание совета — завтра, — и я просто буду держать свой скипетр — или думать, не виновны ли они. А как себя защитить? Я ведь не знаю, как править, если не доверять ни одному из них...

— У тебя есть я, — повторила Наоми. — И я обязательно тебе помогу.

Я кивнула. Об этом я, конечно же, прекрасно знала. Одно только её присутствие придавало мне сил и напоминало обо всём, чем я могла стать. Я выпрямилась.

— Надо выяснить личность убийства. И я должна разобраться с этим сама. Это единственный способ, что подарит мне настоящую безопасность.

— Ты думаешь, что ты сможешь это сделать?

— Да, я в этом уверена, — да, ведь я знаю, кто будет мне угрожать, ведь знаю, что я теперь единственная королева. У меня было смутное, почти неизвестное смехотворное чувство — план, тем не менее, и в нём я сейчас нуждалась больше всего на свете. Мне нужна была цель — чтобы постепенно расплести этот бесконечный клубок.

— Мне жаль, — тихо обратилась ко мне Наоми. — Я ведь знаю, что ты бы хотела уйти...

Я уже поняла, что никогда не быть никаким моим исследованиям на континенте. Только не сейчас. Ведь я теперь привязана к этому двору, пока ещё жива. Это было для меня приговором, и осознание того, что скрывалось прежде в глубине моего сознания, теперь требовало слёз. Но я не могла признаться в этом, не тогда, когда Наоми потеряла своего брата, не тогда, когда все потеряли столько близких.

— Я многое поняла за это время, — промолвила я. — И я больше никогда тебя не оставлю..

Плечи Наоми задрожали. Я повернулась и взглянула на неё — слёзы катились по щекам, а губы были плотно сжаты.

— Милая моя... Милая... — ну почему я всегда говорю неправильные вещи. — Прости...

— Нет-нет! — прошептала она сквозь слёзы. — Тебе не за что извиняться, Фрея. Не будь глупенькой.

— Это не глупость.

— Я думала, что больше мы друзьями не будем. Не тогда, когда ты стала королевой. И я считала, что потеряла и брата, и лучшего друга, всё на свете... Я так рада, что ты пришла ко мне, Фрея!

Я вновь обняла её, и она уткнулась носом мне в плечо.

— Я никуда не уйду. Ну же, Наоми. Давай, приходи в мои покои! Я тебя здесь не оставлю.

— Я не знаю, позволят ли нам...

— А кто назначает правила, если не королева? Вот и текст для моего первого декрета — чтобы ты жила со мной!

— Ну что же, с чего-то действительно стоит начинать. Может быть, ты начнёшь с этого... — она тихо рассмеялась, и я выдавила из себя вымученную, принуждённую улыбку.

— Пожалуйста, Наоми. Я без тебя просто не выдержу. Ты же знаешь об этом.

— Хорошо, Ваше Величество, — проронила она. — Если вы хотите...

— Хочу. Потому что — ты знаешь, — не смогу сделать этого без тебя.

Шесть

Ну что же, можем начинать. Если вам угодно, Ваше Величество.

Расмус Холт оказался суровым на вид человеком лет шестидесяти, с белоснежной бородой и острым носом, отлично соответствующим ей. Он был советником короля Йоргена последние двадцать лет — или около того, — и мой отец сказал мне, что теперь он лидер моего совета.

Я надеялась прибыть рано на встречу, чтобы устроиться и поприветствовать наедине моих советников, но когда я пришла в новый зал совета, меня уже ждали внутри. Там были Холт и мой отец, а ещё женщина с узким лицом по имени София Торн — мастер разведки, как мне сказала женщина с тяжёлой косой, Джоанна Норлинг, мастер справедливости. Торстэн Вольф замыкал процессию. Он казался стль напряжённым, что мышцы на шее вот-вот лопнут. Он сидел прямо напротив меня — как идеально, прямо чтобы, не поворачиваясь, сердито на меня смотреть.

Он, как сказал мне Холт, будет отвечать за вопрос безопасности.

— Безопасность? — переспросила я. — Как армия?

Эприа — мирное островное королевство. Стража защищает города, разумеется, а в деревне есть миротворцы, которыми руководит местная знать, но ничего схожего с армией у нас не было уже более ста лет.

— Нет-нет, — ответил Холт. — Ничего такого, о Забытые! Но Стэн — эксперт в области военной истории, а при последнем королевском совете он был мастером по общим вопросам. По крайней мере, это лучший ум, который у нас есть, на случай любой... Помехи.

Помеха. Это слово заставило меня содрогнуться. На самом ли деле они ожидали чего-то драматичного? Не просто отравленного обеда, но солдат, военной стратегии...

— Вам не стоит беспокоиться о подобных вещах, — промолвил Холт, словно вторгаясь и читая каждую мою мысль. — Но за последние несколько дней мы осознали, что всегда надо быть готовыми к каждой... Неприятности.

Я была уверена в том, что в старом совете было куда больше, чем просто пять человек. Но, должно быть, эта маленькая группа — всё, что у нас осталось. Все выжившие после банкета, все подозреваемые, все те, на кого я должна была полагаться.

Теперь мы сидели вокруг какого-то слишком одинокого стола в комнате, стараясь игнорировать огромное количество пустующих стульев. А ведь тут могли остаться все оставшиеся придворные. Кто-то должен был убрать в комнате ночью, вот только пыль всё ещё висела в воздухе, царапая моё горло. Каменные стены были голыми, а старые шторы на окнах защищали нас от солнца — ставни же от вторжения. Окошка были узкими, почти что отсутствовали, и в комнате висели масляные лампы, но они словно подчёркивали темноту.

Холт смотрел на меня, словно дожидаясь, пока я разрешу продолжить, и я кивнула.

— Очень хорошо, очень хорошо... — пробормотал он. — Итак, дальше. Я знаю, какова трагедия привела нас в этот замок сегодня, но надо смотреть вперёд. Ведь это первое заседание совета королевы Фреи Первой, долгих ей лет царствования!

— Долгих лет царствования! — пробормотали мои советники. Я всё ещё молчала — слишком странно было желать себе самой чего-то подобного.

— Торн, — обратился Холт. — Вам есть что сказать о нападении?

— Недостаточно, — промолвила Торн. Голос у неё был скрипучий, словно кто-то силком тащил слова по наждачной бумаге. — но у меня есть подозрения, что яд спрятали в торте, который служил в качестве последнего блюда — всё началось именно после него. Не выжил никто из тех, кто хотя бы попробовал его. Одна из девушек откусила всего однажды и почувствовала себя плохо, но она не уведомила остальных. К сожалению, каждый понимает, что мёртвых нам не опросить, но вероятно, каждый из них съел хотя бы кусочек.

— А яд? — спросил Холт.

— Все симптомы явственно указывают на то, что это был мышьяк. Тошнота, боль в животе, сердцебиение — и достаточная задержка для того, чтобы дегустаторам не стало плохо сразу после подачи. У нас нет возможности доказать, если, разумеется, кто-то не придёт на исповедь, но доказательства довольно ясны.

Как по мне, это действительно имело смысл. Я, конечно, не специализировалась на ядах, но описание соответствовало тому, что я знала. Требовалось куда больше исследований, чтобы гарантировать, что симптомы не соответствовали какому-то более редкому заграничному яду, но сказанное вполне годилось на рабочую версию.

Но никто не ответил на важный вопрос — зачем?

— Но кто мог пожелать отравить такое количество людей? — мой голос прозвучал слишком громко, и я сглотнула, борясь с желанием смягчить всё глупым бормотанием.

— Мы не знаем, — промолвила Торн, — да и нам нужно отыскать в торте улики. Король сам приказал его испечь. Мы отследим ингредиенты, посмотрим, кто мог контактировать с поварами, но, к сожалению, пока что у нас есть только поедположение.

— Есть одна возможность, — проронил Норлинг. — И это Густавиты. Ваше Величество, вы знаете о них?

— Я о них слышала, — по крайней мере, читала в книге. Трактат Густава. Это было что-то слишком радикальное и сто лет назад. Утверждало о коррумпированных дворянах, о том, что мы все — просто жрецы злата на земле. И о коррупции, несомненно, говорили правду. Он хотел, чтобы всё богатство короны было роздано королевству, и он не молчал о своих желаниях. Его сослали за такие слова, но он никогда не умолкал, и люди куда больше интересовались этой книжкой с той поры, как её окончательно запретили.

— Небольшая группа его сподвижников обитала в столице, и мотив у них был. Они являются очень опасными людьми.

Вот только это никогда не было достаточно удобным. Они никогда прежде не выступали против двора, по крайней мере, не так уж заметно. Я никогда не слышала о них достаточно много слухов. Когда что-то случалось, прибегали ли они к массовым убийствам?

— Есть ли у вас какие-нибудь доказательства? Мотивы сделать это именно сейчас?

— Пока что это просто теория, — ответил Торн. — Но если они ответственны за это, то мы докажем их вину.

— А много ли их? Мы можем узнать, кто именно участвует во всём этом?

— На данный момент они очень скрытны, Ваше Величество, и это ещё одна причина подозревать их в содеянном, но мы узнаем всё, что сможем.

Да, имело смысл скрывать подобную группировку, даже если б они не планировали убийства, а просто встречались каждую неделю, чтобы поговорить о книжках. И у моих советников не было никаких доказательств того, что они имели какое-то отношение к этому отравлению.

— Так или иначе, с ними надо быть предельно осторожными, — промолвил Холт. — Они могли бы воспользоваться этой возможностью усилить собственное влияние.

Разумеется. Ведь я была так далеко в списке наследования, что шанс стать королевой казался почти смехотворным — но все остальные уже погибли. Им только следовало немного поднажать, чтобы свергнуть или убить и меня тоже.

— И что же мы должны делать? — спросила я.

— Продемонстрировать свои силы, — ответил мой отец. — Продолжать быть, как и прежде, предельно невозмутимыми. Если ты будешь убедительной в роли королевы, то им будет куда труднее сражаться против тебя, и они прекрасно это осознают.

Значит, я просто должна пытаться стать немного убедительнее. Вот и всё. Я пыталась сопротивляться своему смеху, но он будто бы рвался на свободу с моих губ — и звоном отразился от стен. Все уставились на меня, и лицо моё будто горело.

— О, как славно! Мне просто следует быть убедительнее...

— Мы будем помогать вам, Ваше Величество, — промолвил Холт. — Да, вы совсем юны, мы знаем, но мы способны помочь. Вы можете доверять присутствующим здесь.

Но нет, доверять я им не могла. Я вообще никому не могла доверять, кроме отца и Наоми. Все присутствующие здесь пережили банкет. Любой из них мог быть причастен к убийству, и ни у одного не было достаточных причин хранить мне верность. И ничто не остановит их подобрать лучшего кандидата на роль короля.

Я окинула взглядом стол, собирая своё мужество в кулак.

— Вы все находились на банкете? — спросила я. — Когда это произошло?

Торн покачал головой.

— Мой муж сильно заболел, так что я не могла присутствовать.

— Сейчас с ним всё в порядке? — поинтересовалась я.

— Спасибо, Ваше Величество, ему уже лучше, — ответила она. — Но он всё ещё очень слаб, поэтому какое-то время не может появляться при дворе.

О, как это удобно — но мне пришлось ей кивнуть.

— Все остальные из нас, думаю, там присутствовали, — сказала Норлинг. — Я помню, как разговаривала с Расмусом... И с вашим отцом. Мне повезло, что я есть не хотела, так что не пробовала никакие торты.

А ещё за высоким столом сидел Стэн. Стоит отметить, что я сама его там видела — а теперь посмотрела на него, и он нахмурился.

— Торт мне был не нужен, — сказал он. — Золото я не ем.

— Торстэн, а твоя двоюродная сестра? — поинтересовался Холт, чувствуя напряжение, оставшееся после последних слов Стэна. — Ты ведь сказал ей о том, что случилось?

— Я отправил ей письмо, — ответил он, — и потребовал оставаться дома, но она решила вернуться в столицу так быстро, как только сможет.

— Мадлен теперь ваша наследница, — обратился ко мне Холт. — Ведь вы дружете? Такая восхитительная девочка!

Нет, мы с Мадлен Вольф друзьями не было. Нет, я видела её, конечно, при дворе много раз, каждый раз, когда туда приходила, и она всегда была в центре внимания, всем улыбалась, раздавался её колокольный смех, и она заигрывала с Фицроем, когда он был в королевской милости, а иначе просто его игнорировала. Её все обожали, но мне она казалась слишком пустоголовой и слишком красивой для своего уровня.

Ну, стоит сказать, я с нею и не разговаривала, не считая постоянных «простите». Она была слишком утончённой, чтобы когда-либо оказаться достаточно близко, дабы поговорить со мной.

И если б я не покинула банкет, это она бы стала королевой. И все были бы куда счастливее. И Мадлен, если судить по её вечному кокетству.

— Я сказал ей, что она чувствует себя недостаточно хорошо для путешествий, — продолжил Стэн, — ведь врач сказал ей, что надо держаться подальше от опасностей до нового года, но ведь вы знаете, кто такой врач, чтобы она хоть попыталась его послушать?!

— Она плохо себя чувствует? — спросила я.

— Ей было довольно плохо некоторое время, Ваше Величество, — ответил Холт. — Такая потеря для двора — она вынуждена была отправиться в своё поместье! Ведь её благотворительная деятельность столь прекрасна, да и она такая прекрасная девушка, но сказали, что деревенский воздух должен пойти ей на пользу.

— И надолго она уехала? По крайней мере, в этот раз?

— Я полагаю, что на несколько месяцев. Верно, Торстэн?

— Да, — подтвердил Стэн, — верно, — он внимательно наблюдал за мною. — А Ваше Величество сомневается, что моя двоюродная сестра достаточно далеко?

— Я не разговаривала с нею никогда, — ответила я, — поэтому понятия не имела, что она куда-то уехала.

— Ну, не беспокойтесь, Ваше Величество, — ответил Холт. — Уверен, вы друг другу понравитесь! Она довольно своеобразная девушка.

Своеобразная девушка, что была подальше от столицы во время массового убийства. Своеобразная девушка, замершая всего в одном шаге от престола.

— Говорить об этом очень... очень грустно, — продолжил Холт, — но мы вынуждены обсудить, как будут проходить похороны короля Йоргена. Он заслужил на подобающую его статусу церемонию. Похороны будут включать все традиционные обряды, и королева, разумеется, будет похоронена вместе с ним. Но стоит предположить, что из уважения ко всем жертвам, стоит отправить их всех в последний путь вместе с Его Покойным Величеством.

— Это вы так полагаете, — Холт, — сказала Норлинг. Голос у неё был какой-то острый и решительный. — А я с этим совершенно несогласна. Чтобы людей хоронили вместе с королём...

— У нашей королевы достаточно нежное сердце для этого, — твёрдо ответил Холт, — и было бы очень уместно хоронить их вместе, учитывая то, что вместе они и встретили смерть. Это будет создавать ощущение единства.

— Это будет создавать ощущение равнодушия! — ответила Норлинг. — И это совсем не то, что надо нашей новой королеве.

Я сжимала руки в кулаки под столом, пока они продолжали спорить.

— Разумеется, так обычно никто не поступал, но это не значило, что мы не можем сделать этого. В конце концов, все умерли с королём, вероятно, все умерли из-за короля. И

люди, тот же брат Наоми, заслуживают такого же уважения, как и он сам. Поэтому я считаю это очень хорошей идеей.

— В таком случае, мы этим займёмся.

— Ваше Величество, — вмешалась Норлинг. — Это только кажется хорошей идеей, пока не разберёшься в мотивах Холта! Ведь он говорит не только о короле и его родне. Он говорит обо всех. О слугах. О каждом, кто мер!

— Они умерли точно так же, как и остальные, — отозвался Холт. — И они заслуживают уважения.

— Они заслуживают уважения, это так, — кивнул мой отец. — Но в другое время.

Я не знала, какой выбор будет мудрым — но чувствовала, что знала, как поступить будет править, что надо сделать, и мне хотелось совершить это.

— Мы сделаем то, что говорит Холт. Каждый будет включён в эту процессию.

— Ваше Величество!

— Её Величество соглашается со мной, — проронил Холт, — и у нас нет времени на то, чтобы задерживать всё происходящее. Ведь нам ещё предстоит обсудить мероприятия для наших гостей. Дворяне со всего королевства съедутся в столицу. Да, мы должны предложить им комнаты в Форте для того, чтобы гарантировать их безопасность!

— И это, повторяю, тоже будет смешно! — воскликнула Норлинг. — Они не будут считать это подходящим жильём, а у нас нет времени для того, чтобы привести здесь всё в порядок. Мы будем казаться бедными и слабыми.

— Мы будем казаться надёжными и беспокоящимися о безопасности, — возразил Холт. — Вокруг одни только стены. Мы не можем позволить нашим гостям поселиться в городе, учитывая то, что случилось...

— Мы можем привести Форт в порядок, — промолвил отец, — и скажем слугам заняться этим. Очень негостеприимно позволить себе действовать как-нибудь по-другому.

— Очень негостеприимно и вовсе приглашать их сюда! — вновь вмешалась Норлинг. — Я и вовсе уверена в том, что нам пора вернуться во дворец и покончить наконец-то с этой отвратительной, глупой шарадой!

— Ни в коем случае! — воскликнула Торн, одним резким рывком подаваясь вперёд. — Ведь враги могут вновь ударить по нам и лишить нас последнего!

— И какая польза будет от безопасности, если это заставит всех нас выглядеть такими слабыми?

— Лучше выглядеть слабым, чем действительно им являться!

— Мы должны покинуть Форт! Это неподходящее место для пребывания двора. Здесь всегда мрачно, а здание невообразимо старое! Тут из стен сочится страх! Вот только во дворце небезопасно. Он не предназначен для защиты. Там умерли сотни людей, а мы до сих пор не знали, почему это случилось.

Вот что-что, а умирать мне не хотелось.

— Мы должны остаться здесь, — промолвила я. — По крайней мере, сейчас — там, где будет безопасно.

Стэн, казалось, коротко хохотнул, и я посмотрела на него. Он почти не разговаривал во время этой встречи, но я знала, что он ничего не одобрял. Он смеялся потому, что считал меня трусихой? Потому, что считал, что тут всё ещё не безопасно?

Выражение его лица ничего не объясняло, а слова так и не сорвались с губ.

— Мудрое решение! — промолвил Холт.

— Ваше Величество... — запнулась Норлинг.

Но Холт больше не собирался отступать.

— Столь решительный разрыв со старым двором, напротив, нам поможет. Во дворце слишком много горя, слишком много плохих для королевства привычек. Сейчас имеет значение только новое — иное! — правительство, вот и всё.

— Новое правительство? — мой отец нахмурился. — Слишком уж много нового. Для того, чтобы люди чувствовали себя в безопасности, мы должны действовать последовательно.

— Решение уже было принято, Тит, — возразил Холт. — Ваше Величество, разумеется, вы желаете надлежаще поприветствовать этих дворян. Я думаю о каком-то собрании в ночь перед похоронами... О какой-то речи. Вы должны представить себя, увы, я должен предположить, что большинство из них вас не знают...

— Я не могу произнести речь, — одно только слово заставило меня чувствовать себя на грани срыва. Я не могла подняться и обращаться к сотням людей!

— Не беспокойтесь, Ваше Величество, — покачал головой Холт. — Мы обязательно будем руководить вашими действиями!

Он внимательно наблюдал за мной, поэтому, должно быть, заметил мой внезапную панику, иначе зачем было кивать и произносить подобные слова?

— В любом случае, нам следует отложить это заседание до завтрашнего дня. У нас уже есть очень много дел, в первую очередь, подготовка к похоронам и встречи гостей, а остальное может выбить нас из колеи. Ваше Величество, должен признать, я человек старый, а последние несколько дней были довольно изнуряющими...

Я почувствовала прилив облегчения от его доброты. Улыбнулась ему, встала — и все вокруг стола тоже поднялись и поклонилось. Было ли это похоже на что-то сродни власти? Просто заставить их повторить своё короткое движение, действовать так, как только я пожелаю?

Но ведь они поклонялись потому, что должны были это сделать, а не потому, что меня уважали. Кто ж знал, что они на самом деле думали за этими пустыми выражениями лиц?

— Моя дочь не должна покидать зал одна, — мой отец отошёл от своего места. — Фрея? — он предложил мне руку.

Мы покинули помещение вдвоём. Стража шагала за нашей спиной, будто бы не имела права остановиться, и их шаги раздавались луной.

— Будь осторожна, Фрея, — прошептал на ухо папа, когда мы свернули вниз по коридору. — Люди тебя прогонят, если ты не в состоянии править. Ты не можешь ошибаться.

— Да, я прекрасно это понимаю.

— Ты в этом уверена?

— Да, — кивнула я. — Да, я в этом совершенно уверена.

— Поэтому не говори столь небрежно. Ты должна отыскать себе надёжных союзников и научиться быть королевой. И опускать голову, если ты, конечно же, хочешь, чтобы она усталась у тебя на плечах.

— Беспокоишься о моей голове? — я выдернула руку. — Я королева. Как ещё я должна держать голову?! Королева всегда обязана выделяться, это точно. Я не могу спрятаться.

— Ссоры с советом тебе ничем не помогут. Не стоит суетиться. Да придут с тобой Забытые, как далеко б они отсюда не находились! — он на мгновение умолк и потянулся к

моей руке. — Живи, Фрея. Заставь свою мать гордиться тобою. Живи.

Семь

Библиотека была тёмным, пыльным местом высоко-высоко в Форте, наполненная гнилыми страницами и крошившимися корешками. Должно быть, однажды здесь была огромная коллекция редких и важных книг со всего мира, но ведь уже много веков здесь не жили короли. Всё ценное давно перевезли во дворец, а то, что не представляло особой важности, осталось тут, постепенно становясь негодным. Библиотека до этой поры будто бы использовалась как свалка для всех книг, которые не хотела видеть королевская семья. Всё новое тут было на иностранных языках — вероятно, подарки от чужих послов и королей.

Но и тут можно было отыскать что-то полезное. Я не ожидала, конечно, узреть здесь книгу с названием «Как стать королевой», но уж пособие об этикете, о придворных ритуалах, какие-то трактаты о том, как правили в прошлом...

Мой совет будет пытаться научить меня тому, что может, но нынче невежество — моя слабость. И я должна приходиться на занятия уже со знаниями, чтобы оставаться спокойной, что я не буду выглядеть совершенно безнадёжной. Сначала я должна была победить совет — и только тогда думать о своём статусе среди остальных придворных.

Так что, мне немедленно нужна была книга с детально изложенной информацией о том, как шаг за шагом стать своей при дворе, ну, или хотя бы что-то схожее с этим. Если б я только нашла какие-то правила, ясно очерченные в литературе, я могла бы хоть начать с чего-то.

Но половина книг оказалась нечитаемой или же настолько хрупкой, что они рассыпались, стоило только попытаться их открыть. Ну, а остальные... У них была причина тут находиться. Записи о доходах двора столетней давности, исследования по неясным предметам, таким скучным, что преданность королю и посвящение ему казалось просто оскорблением его чести.

Я отыскала один гид по придворному этикету, предназначенному помочь наивным молодым девушкам, что впервые прибывают ко двору, но ещё тех времён, когда тот находился в Форте. Им следовало быть вооружёнными, против «коварного дворянства», как утверждал автор, и я только задавалась вопросами, сколько из всего описанного он сделал сам, чтобы считаться экспертом по данному вопросу. Я очень сомневалась, что книга могла дать мне хоть какую-то информацию, но это было лучшее, что я отыскала.

Я пыталась продраться сквозь страницы, но не могла сосредоточиться. Да, я знала, что правила этикета очень важны, но прежде это всё казалось таким... бессмысленным. Да и разве важно, как глубоко кто-то приседает, если умерло столько людей? Мне надо было просто узнать, кто убил их всех, а если он это и сделал, то зачем?

Зачем — это был самый страшный вопрос, что выбивал меня из колеи каждый раз, когда я пыталась об этом подумать. Ведь убийца был готов убить сотни людей, не разбирая. Единственное, что могло пояснить его действие — это пыл и слепота в попытках заполучить правду, потребность действовать быстро — и отсутствие силы.

Но ведь, не зная ответа, я тоже была в опасности. Если я перешла дорогу этому человеку, если стояла на пути у его целей, не осознавая этого... Мне надо было закрепиться при дворе, но это невежество было куда страшнее, чем искусственные реверансы и улыбки!

Если б это было просто экспериментом, взрывом в моей лаборатории, я бы сначала

составила бы список. Собрала бы все факты, всевозможные идеи, записала бы их на бумаге, позволив словам просто натолкнуть меня на какие-нибудь полезные мысли, подарить мне хоть что-то, что указало бы на следующий шаг.

Я открыла конец книжки об этикете и схватилась за ручку.

София Торн подозревала Густавитов. Я записала их в свой маленький список, но эта мысль казалась совсем не той, что надо, не достоверной для совета. Группа, что столько лет ничего не делала, вдруг выскочила на глаза народа, чтобы так легко и успешно убить людей, даже не выдав себя. Ведь были бы маленькие атаки, какие-то знаки, что указывали бы на них — но нет, ни единого слова. Никаких брошюр, никаких говорков среди народа... Никто не произносил страстные речи и не пытался убедить народ в том, что их дело правое. И никто из этой группы не оглашал о нападении. Какой смысл применять насилие, если люди даже не догадываются, кто это сделал?

Я записала всё это на одной половине листа — на второй только одно короткое слово. Мотив. Трудно представить себе, что один человек так просто и одновременно убил сотни. Слишком уж много. Но группировка с политическими мотивами, те, кто считают, что действуют по справедливости... Нет, это действительно казалось возможным.

После — Мадлен Вольф. Если б я не покинула бал, она бы стала королевой, и это давало повод хотя бы предположить, что кто-то мог действовать по её приказу или хотя бы ради неё самой.

Холт говорил, что она была вдали от столицы вот уж несколько месяцев. Могла отправиться в деревню, чтобы быть в безопасности, да и остаться вне подозрений... Но если б она организовывала это из удалённой местности, то остались бы доказательства, ведь довольно трудно не заметить посыльных, что катались бы туда-сюда. Но, может быть, кто-то без её ведома попытался расчистить её путь к трону?

Следующим я подумала о сыне короля, Уильяме Фицрое. Как он умудрился выжить, когда умерли все, кто был тесно связан с королём? Вот только на самом деле его подозревать не стоит... Ведь люди шептались, конечно, что король сделает Фицроя своим наследником, но он ещё ничего не успел... А когда король умер, Фицрой потерял не только отца, но и шанс занять трон — так зачем ему убивать сотни людей, если он мог заполучить престол, пользуясь куда менее кровавыми способами?

Я поколебалась, а после добавила Торстэна Вольфа. Лучший друг короля, что чудом остался в живых... Конечно, никаких доказательств против него у меня не было, кроме странного предчувствия, но меня всё ещё не покидало это глупое чувство... Он ведь мог желать Мадлен взойти на трон — планировал оставить её подальше от этого безумного хаоса... Кажется, он так рассердился, так агрессивно отреагировал на то, что его кузина была подозреваемой в глазах королевы, а не сама восседала на желанном троне...

Но мог ли он на самом деле притворяться лучшим другом короля, чтобы убить его? Я понятия не имела, что было правдой, а что ложью.

И я замерла — перо моё задело бумагу. Мой отец... Он всегда был таким амбициозным. Обычный торговец — и его дочь в очереди на престол, а он — советник самого короля! И мотив у него был. Но выражение его лица, когда он увидел меня в лаборатории... Он и вправду думал, что я могла умереть. Он бы лучше подготовился, если б желал, чтобы я заняла трон... Он бы не настаивал на том, чтобы я посетила бал...

Если, конечно, таким образом он не желал спасти меня от подозрений. Если, разумеется, не запаниковал, что я просто исчезла...

Я нахмурилась — и вписала его имя. Ведь это просто исследование. Я могу так и не думать. Ведь я просто должна всё записать, пока правда не всплывёт наружу.

А ещё были остальные советники, что выжили. Холт. Торн. Норлинг. На самом деле, я знала их слишком плохо, чтобы с уверенностью сказать о том, был у них мотив или нет. А что ж они могли бы получить, если б, конечно же, не хотели посадить на трон какую-нибудь лёгкую марионетку вроде меня? Торн пропустила банкет — это казалось довольно подозрительным, разумеется, но это всё равно не могло означать ничего. Только не в такой ситуации.

Я отложила перо в сторону. Так трудно решить проблему, просто вытаскивая из воздуха подозреваемых... Это казалось слишком неточным. Я должна знать о каждом, кто был там, обо всех выживших... Будь то гость или слуга. И тогда я могу пройтись по списку и задуматься над уликами.

— Ваше Величество?

Я вскочила, едва не уронив перо — сквозь дверной проём проскользнул Торстэн Вольф. Он не мог видеть то, что я только что писала. Ни то, что я его подозревала, ни то, что я думала о его кузене — и я поспешно захлопнула книгу.

— Я могу помочь?

— И как мне следует ответить вам? Как королеве?

Моё сердце колотилось, хотя никаких причин на это не было — и я заставила себя вздохнуть.

— Вы меня искали?

— Нет, — ответил он. — Довольно трудно поверить в это, но я просто пытался отыскать книги.

О, что ж, это очевидно — мы ведь находились в библиотеке, а я казалась пугливой глупышкой.

Не же, Фрея, попробуй! Ты его подозреваешь — так поговори с ним, попробуй отвлечь, выясни хоть что-то!

— Только не говорите, что вы интересуетесь военной историей.

Это только начало.

— Разными вещами, не только этим, — ответил он. — А что ж относительно вас, Ваше Величество? Что заставило вас прийти сюда, в эту библиотеку? — он подошёл поближе, пока не оказался совсем рядом, я поняла, что он значительно выше меня. Может быть, он, конечно, очень учёный мужчина, но сложен был крепко, казался стройным и могучим, будто бы какая-то стена — и заинтересованно покосился на мою книгу. — О, уроки этикета! Ну, конечно же, эта книга может вас подготовить, но только к какому-нибудь очень старому приёму...

Что я могу сказать по этому поводу? Глупо хватать такую книгу — только для того, чтобы её даже не прочесть. Стоит мне только отказаться от его предположения, я буду смотреться очень глупо.

Я прижала книгу к своей груди. Лучше уж быть наивной, чем позволить ему пролистнуть её и понять, что именно я писала там. Вероятно, он не собирался писать на корешках какие-нибудь списки подозреваемых, но подумать об этом вполне мог.

— Вам надо будет подготовиться получше, чем с помощью этого, если вы хотите оставаться на троне. Двор не прощает ошибок.

Я покрепче прижала книгу к себе.

— Вы мне угрожаете? — удивительно, что я только сейчас поняла, что находилась в опасности. Нельзя ошибаться... Нельзя так ошибаться! Желудок мой сжался от ужаса, руки задрожали, но в груди появилась какая-то сила, что вытолкнула из меня эту фразу.

Вот только он, казалось, был искренне удивлён подобным заявлением.

— Я вам угрожаю? Да что вы, Ваше Величество, я бы не посмел. Это просто предупреждение, даже совет, если вам будет угодно, — он смотрел на меня, хмуря свои густые брови, и челюсть его сжалась так сильно, что, казалось, была вытесана из настоящего камня. — Да и... Зачем? Разве существует причина, что заставила бы меня грозить моей собственной королеве?

— Я прекрасно знаю о том, что вы не желаете видеть меня на троне, Торстэн.

— Конечно же, я не желаю видеть вас на троне, — промолвил он, и голос его звучал довольно низко и глухо. — Все мои друзья мертвы, и тот, кто их убил, сделал вас королевой. Почему же я должен радоваться этому?

— Мне очень жаль, — ответила я — и вправду жалела. Он нужен был мне, чтобы понять — и мне не хотелось отпустить его далеко.

— А где вы были? — вдруг промолвил он. — Во время банкета? Как выжили?

— Я была дома. С Наоми.

— Дома — целая и невредимая, — слова его звучали тихо, но почти насмешливо, и он отвернулся. — Продолжайте свои исследования, Ваше Величество.

— А как же книги?

— Я позже приду за ними. На сегодня я, увы, потерял интерес к чтению.

Кивнув мне, он выскользнул из комнаты — а я, дождавшись его ухода, распахнула книгу и записала на последней странице ещё одно слово.

Стэн подозревал меня.

Восемь

Марта почти каждую ночь проводила среди придворных, кружась среди дам, отвечая на приглашения господ, танцуя с теми, кого считала краше всех. Меня же приглашали раз или два. И я — стоит напомнить, пожалуй, — проводила вечер поближе к углу, и отвечала на вопросы с такой улыбкой и так быстро, как только могла. Фрейлины повторяли мои ответы, смеялись, перебирали волосы и считали меня странной, и пусть королева считала меня забавной, я в любое мгновение была готова сделать всё, чтобы больше не приходиться на такой вечер.

Теперь наступила моя очередь. Да, повторял отец, тебе это не нравится — он говорил это, пока горничная порхала вокруг меня, пытаюсь привести мои волосы в какой-то порядок, чтобы они держались в этой странной форме луковицы. Некоторые женщины могли проделывать такое со своими волосами сами — это бормотала себе под нос горничная, думая, что её никто не слышит. Но я не могла, да и папа настаивал на том, что не должна этого делать.

Наоми, мучаясь от головной боли, ушла спать, и мне пришлось готовиться без её помощи. Отец нахмурился, когда я сообщила ему об этом, но ведь её брат мёртв, почему она должна делать вид, что счастлива, если просто хотела скрыться от всего мира?

— Ты должна быть такой, как они, если хочешь, чтобы они тебя приняли. Когда я женился на твоей матери, никто не хотел видеть меня при дворе, ведь я просто торговец, сын

купца, я не часть их общества. Но твоя мать просто улыбалась и была всё такой же прекрасной — и они начинали со мной разговаривать, Фрея. Я одевался, как они, вёл себя, как они — и очаровал их, а потом они просто всё забыли. Я покори́л их — сначала удивлял, а потом стал чем-то нормальным. Но сначала следовало доказать, что я такой же, как они. Вот что следует сделать с самого начала.

Горничная что-то прошипела сквозь зубы, когда ещё одна прядь выскользнула из её рук, и я едва подавила желание извиниться.

— Но ты просто пытался присоединиться к ним, а не вести их за собой...

— Но ведь тебе будет куда проще, чем мне было тогда. Несомненно, ты благородных кровей и законная наследница престола. И если привыкнешь к этой роли, то обязательно их убедишь.

Я и вправду не верила в это, но кивнула довольно послушно. Волосы вновь упали, и горничная едва подавила разочарованный вздох.

— Простите, — пробормотала я. — Простите, пожалуйста...

— Я хочу, чтобы ты вошла в эту комнату, — продолжил отец, — и улыбнулась каждому, кого увидишь. Посмотрела в глаза, убедившись в том, что это доброжелательная улыбка. И те, кого ты высоко оценишь — те будут к тебе предрасположены. Попробуй это, и увидишь, что всё получится.

Я пытаюсь.

— Фрея, ты выглядишь так, как будто бы тебе плохо. Посмотри на меня.

— Что? — слово будто бы сорвалось с губ. — Ну как я могу выглядеть царственно, могуче, доброжелательно, добро и высоко, а ещё приветствовать всех в тот же миг! Ведь это просто улыбка... — о которой я прежде, признаться, и не думала даже. Я и в голову не брала такие подробности, и издавека мне казалось, что всё получается слишком уж естественно... У других — а не у меня.

— Ведь ты видела улыбку королевы Марты.

— Но так ведь то королева Марта!

— Вот и подражай ей, Фрея. Это очень хороший пример...

— Ведь ты сказал при этом быть собой! Самостоятельной!

Отец только вздохнул, закрывая глаза ладонью. Никогда прежде не видела его таким расстроенным — может быть, он даже не понимал, что для меня всё это не казалось очевидным. Ведь он прирождённый придворный, вопреки тому, что по крови никогда не должен был оказаться во дворце. Но родители матери и отца будто бы скомпенсировали друг друга, смешавшись, и во мне не осталось ни единой капельки их мастерства.

Я закрыла глаза. Надо попробовать — просто попробовать, и всё.

— А мама? — наконец-то промолвила я. — Как улыбалась она? У неё получалось?

— Да, — кивнул папа. — Да, у неё получалось.

Ну что ж, значит, надо вспомнить об улыбке мамы и просто попытаться улыбнуться так, как она.

Мой отец всё перечислял правила, и я рефреном прокручивала их в своей головы. Да, я должна быть в центре комнаты, там и сидеть, весь вечер... Или нет? Поощрять людей улыбкой, чтобы они приблизились ко мне, давать указание музыкантам, если внезапно мелодия казалась слишком грустной, призывать людей к танцу, но самой сегодня не танцевать — я слишком неуклюжа. А ещё предложить поиграть в шарады или что-то в этом роде — главное, не допустить, чтобы горе проскользнуло в эту комнату.

Могла ли я быть до такой степени чёртовой? Притворяться, будто бы ничего не случилось, оставаться всё такой же равнодушной относительно того, о чём никто не будет в состоянии промолчать? Вот только мой отец уже пережил это — он вынудил их принять его, а значит, отлично понимал, как надо действовать.

По традиции мне следовало принимать придворных в своих покоях, так что слуги очистили зал на верхнем этаже Форта. Все выжившие уже находились там, когда я вошла. Я остановилась в дверях — смотрела на пропавшие внезапно старые гобелены, на то, как полыхали вместо них красочные картины в золоченных рамах, и комната теперь была ярче, но намного холоднее. Красные бархатные стулья под люстрой, сотни свеч, масляных ламп по всей комнате — тут было почти так же светло, как и днём.

Придворные разбились по маленьким группам, а на фоне серости стен одежда казалась особенно броской. Только Уильям Фицрой прислонился к стене в углу, ни с кем не разговаривая. Он сгорбился, засунул руки в карманы и молча смотрел куда-то в пустоту. Другие казались оживлённее, в ожидании замерли королевские фрейлины у картины с белыми лошадьми, ещё и перешёптывались, Торстэн Вольф общался с пожилым джентльменом, имя которого вылетело из моей головы, а спиной к двери в центре комнаты остановился Расмус Холт.

— Её величество королева Фрея! — громогласно объявила стража, и в комнате все мгновенно умолкли. Каждый считал долгом смотреть на меня. Фицрой, Вольф, сплетничающие в уголке женщины... Они поклонились и одновременно опустились в реверансе — но никто не отвёл взгляд.

Повернулся Расмус Холт, смотрел на меня, изогнув брови — словно рассматривал мою огромную причёску, жуткую юбку, мерцающую от драгоценностей кожу — и неодобрительно нахмурился. Я правой рукой схватилась за левый локоть, борясь с желанием умчаться прочь.

Он шагнул ко мне, открывая человека, с которым разговаривал.

Мадлен Вольф, моя новая наследница. Как обычно, миниатюрная, потрясающе красивая, с медово-коричневыми волосами, огромными глазами... Всё в ней излучало уверенность и элегантность, начиная с маленькой головы и заканчивая углом тонкого запястья.

Стоило только её увидеть, как желудок сжался от ужаса. Как она была царственна — словно мир вот-вот рухнет к её ногам в подчинении! И в какую-то минуту я её даже ненавидела — ведь ей не надо было учиться, у неё и так было всё, что нужно. Но даже когда мне казалось это, я понимала, что презирать её действительно не способна — даже мне она казалась до ужаса очаровательной.

Я отвернулась от неё, пытаюсь найти тот самый стул, который должна была занять по велению своего отца. Взгляд вновь скользнул по Уильяме Фицрое. Он выпрямился и теперь смотрел прямо на меня, а сердце моё колотилось в груди. Он нахмурился, словно что-то обсуждал только что, и я быстро отвернулась в сторону. Стул оказался на противоположной стороне комнаты. Мне просто нужно пересечь её и добраться туда — но стоило только ступить в ту сторону, как Холт остановился слишком близко.

— Ваше Величество, — промолвил он. — Смею познакомить вас с Мадлен Вольф...

— Ваше Величество, — она опустила в совершенном реверансе. — Так прекрасно встретиться с вами. Мне так жаль, что я вынуждена была пропустить вашу коронацию. Мне так хотелось быть здесь... Но моё имение в полутора днях езды, и к тому времени, когда я

узнала об этом, возвращаться было слишком поздно. Но я поспешила сюда в тот же миг, как только узнала новости...

— Благодарю вас, — это казалось слишком бессмысленной фразой, но хоть что-то мне надо было ответить! И сердце вновь забилось, будто бы Мадлен собиралась на меня наброситься. Но нет, разумеется, нет. Мне просто надо подавить панику, нужно остановиться...

— Юная Мадлен только что прибыла, — промолвил Холт. — Я повторял ей, что надо отдохнуть, но ей хотелось немедленно увидеться с вами.

Мадлен не была похожа на ту, что вывалилась только что из коляски после полуторадневного пути. Нет, она выглядела просто безупречно.

— Её Величество сказала мне, что вы никогда не встречались, — добавил Расмус. — Но я уверен, что вы с Мадлен поладите. Ведь она художница, Ваше Величество, и весьма талантливая...

— Вы слишком добры ко мне, — ответила Мадлен. — Да, я рисую, но художницей, творцом назвать себя не могу.

— Что ж вы рисуете?

— Обычно это пейзажи. Наше королевство... Вид из окна — то, что я хотела бы увидеть, — она улыбнулась. — А вы рисуете, Ваше Величество?

Я только покачала головой.

— У меня не слишком хорошо получается.

— О, уверена, что вы себя недооцениваете. Да и искусство — это замечательная вещь! Вы всегда можете что-то создать — и это точно будет иметь ценность, если только посмотреть на ваше творение под правильным углом...

Её слова казались обыкновенным лепетом придворной дамы, вот только она не казалась мне насмешливой. Она положила руку на моё предплечье, словно за этот короткий разговор мы стали лучшими друзьями, и я не могла сопротивляться, а только поддалась и наклонилась чуточку ближе к ней.

— Ваше Величество, — прозвучал голос приблизившегося к нам моего отца, — не желаете ли вы присесть?

— Уверен, что королева обязательно присядет, когда у неё возникнет подобное желание, Тит, — проронил Холт. В голосе его звенели предупреждающие нотки. — Сейчас она разговаривает с юной Мадлен Вольф.

— Мне и вправду следует присесть, — быстро ответила я. Ведь есть такое правило — а я должна выглядеть могущественной. Я должна заставить людей стать моими подданными не только на словах.

Но казалось таким неестественным миновать всю комнату и занять самый огромный стул, повернувшись лицом ко всему двору! Вновь возобновился разговор, и все остальные разбились на пары. Люди смотрели на меня, но никто не подходил — и они казались счастливыми от того, что могли просто наблюдать. Взгляд же мой столкнулся со взглядом Уильяма Фицроя, стоявшего в противоположном конце комнаты. Он смотрел на меня, но разобрать выражение его лица я была не в силах.

Я поёрзала на стуле, чувствуя, как гудят ноги. Я даже не помнила, как правильно их поставить.

Мадлен Вольф последовала за мной, вновь присела в элегантно реверансе.

— Могу ли я присесть, Ваше Величество?

Я кивнула, и она скользнула на соседний стул. Оглядела комнату, скользя по уцелевшим дворянам.

— Это так странно... — прошептала она. — То, что случилось. Я была близка с многими людьми, и все они теперь канули в небытие... Королева... Розалин Хэй — а вы знали Розалин? Никогда не встречала никого слаще, никого жестче... Она была поразительно добра к своим друзьям, но стоило перейти ей дорогу, она могла нанести столь умный и лаконичный удар, что понадобится целая неделя, чтобы понять, что это было издевательством.

Да, я помнила Розалин. Она никогда не считала меня достойной своей огромной доброты. Как правило, она только поднимала брови и смотрела на меня с удивлением — а ещё смеялась, стоило подойти.

— Вы её не любили? — спросила Мадлен. — Я могу сказать это по вашему выражению лица. Полагаю, это было трудно — любить её, если она сама того не хотела. Но мне легче думать, что в каждом из них было что-то стоящее, если только вы не считаете иначе...

Не этого я ожидала от Мадлен Вольф, самой популярной девушки при дворе, новой наследницы. Она казалась такой искренней... Ей не нужно было доказывать это, хотя при дворе никого искреннего не бывает — а мне казалось, что она могла быть правдивой, даже если на самом деле это было не так.

Но она легко могла мною манипулировать, и я не имела права позволить ей победить себя за один только разговор. Надо сменить тему разговора, перенести стрелки на неё — ведь она подозреваемая, она могла быть виновной в этом убийстве, а я должна воспользоваться возможностью поговорить с нею, не обращая внимания на поразительную элегантность.

— Так странно вернуться.... — продолжала Мадлен, — после такого долгого отчуждения, да ещё и после того, как всё так поменялось...

— Вы вынуждены были отсутствовать из-за болезни? — слова получились слишком быстрыми и слишком глупыми.

— Да, — сказала Мадлен. Если она и заметила моё хамство, то умудрилась это скрыть. — Вот уж несколько месяцев, ведь врачи посчитали, что деревенский воздух может мне помочь. Полагаю, так и было — у меня было много времени на размышления и мои картины... Ваше Величество, как жаль, что вы не испытываете от этого удовольствие! Я будто бы отпускаю себя. Но мне было там так одиноко. Слишком много людей вокруг вредят так же, как и их отсутствие. Нам нужно что-то, что помогает нам отвлекаться от грустных мыслей.

Да, если она болела несколько месяцев, она вряд ли бы сделала это только для того, чтобы скрыться от яда. Да и трудно поверить, что она одним махом отравила всех своих друзей.

Её губы казались алыми, будто лепестки роз с капельками росы. И она походила на королеву — это делало её опасной, даже если она не повинна во всём случившемся.

— А стоит ли вам находиться здесь? — спросила я. — Ведь вы не чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы присутствовать на королевском дне рождения...

— Я так не хотела пропускать его! Может быть, мне следовало приехать, но врач считал, что стресс вновь вернёт меня прежнее состояние. Очевидно, он был действительно прав — но ведь сейчас мне хорошо. Может быть, горе отвлекает, а может, я и вправду давно уже оправилась от болезни. В любом случае, я рада вернуться. Я так соскучилась по городу,

по всему этому... — она умолкла, а после покачала головой, словно отгоняя мысли прочь.

— Вы разве одна были в деревне?

— Ну, там была моя тётушка и, разумеется, слуги. Моей тётушке нравится деревенское умиротворение, но мне — не так уж и сильно. Я люблю находиться среди людей, знакомиться с кем-то новым... Должна признать, я столько раз нарушала докторские приказы, отправляясь на прогулку каждый раз, как только могла!

— Мне кажется, что врачи поощряют прогулки.

— Ну, только не в деревню, чтобы повстречать там людей. Гулять вокруг, наслаждаться птичками и деревьями — вот что они говорят. А отправляться в деревню, в город, встречаться с людьми, прогуливаться по магазинам, собираться в часовню, говорить с простолюдинами, одаривать их чем-то... этого они никогда не порекомендуют! Так мне поступать нельзя — тёте бы не понравилось. Но тётя, разумеется, ничего об этом не знала, — её улыбка сейчас казалась действительно шальной.

— Ваша тётя — это мать Стэна?

— Нет-нет, — покачала головой она и посмотрела на своего двоюродного брата, что нынче разговаривал с Холтом. — Не она, а младшая сестра моего папы. Она всего на десять лет старше Стэна... А родители Стэна умерли, когда он был совсем молод. Он жил с нами с поры моего рождения, а когда мама и папа умерли, моя тётя взяла имение в свои руки, а он вывел меня в двор, чтобы вытащить из её рук. Полагаю, по закону имение принадлежит мне, но... моя тётя любит работать, она к нему равнодушна, а я хочу оставаться здесь. Думаю, как и Стэн.

— Он? Никогда мне не казалось, что ему так уж сильно нравится быть при дворе.

Она рассмеялась.

— Ну, ведь это просто Стэн! Он не столь серьёзен, если узнать его получше, обещаю!

Разумеется, нет. У короля Йоргена лучший друг должен быть с отменным чувством юмора, иначе просто никак.

Она подалась чуть ближе ко мне.

— Не смотрите, Ваше Величество, не оборачивайтесь. На вас смотрит Уильям Фицрой.

Я не могла остановить себя и бросила взгляд через плечо. Фицрой всё ещё стоял в углу, хмуря брови.

— Ну ведь я сказала, не смотрите! — вздохнула Мадлен. — Он наблюдал за нашим разговором. Я думаю, вам следовало бы присмотреться к нему.

Что б она сказала, если б увидела, как он смотрел на меня несколько дней назад... Вероятно, он хотел, чтобы мы остались наедине, чтобы вновь высказать всё, что обо мне думал — но когда я бросила на него ещё один взгляд, его уже там не было.

— А каково вам сейчас? — понизив голос, спросила Мадлен. — Стать королевой, так внезапно... Пожалуй, это очень шокирующе.

— Я и вправду не ожидала, что однажды окажусь на престоле.

Мадлен обеими руками сжала мою ладонь. Кожа её была сливочно-гладкой, не так, как моя, покрытая шрамами после неудавшихся экспериментов, а ногти её оказались идеальными, округлыми, розовыми, с маленькими камешками на кончике каждого.

— Фрея, я хочу помочь тебе, — прошептала она. — Пожалуйста, принимай меня за свою подругу... Если только тебе что-нибудь когда-о понадобится, я...

— Ваше Величество? — к нам подошла служанка, держа в руках поднос с пирожными. — Не желаете чего-нибудь?

На самом деле, не желала. Желудок мой всё ещё сжимался от страха. Но отказать было слишком неудобно, почти неудобно.

— Да, пожалуйста, — промолвила я, выбрав крошечное пирожное на серебряной тарелочке, и улыбнулась слуге. Она опустилась в идеальном реверансе, держа поднос до ужаса ровно, и Мадлен тоже потянулась за одним из пирожных.

Я держала сладость у своих губ, но не в силах была его откусить. Плоды приторно пахли, меня тошнило... Но там был ещё какой-то странный запах, немного горьковатый... Орехи? Я не видела там миндаля — и не увидела бы, если он запечён в тесте.

Миндаль. Да, я слышала о запахе миндаля что-то такое забытое, такое неизвестное...

Цианид. Цианид пах миндалём.

— Не ешь его! — я выбила пирожное из рук Мадлен. — Там может быть яд!

Служанка уронила поднос из рук. Тот застучал по полу, и пирожные разлетелись во все стороны. Кто-то закричал, а я смотрела на раскрошившееся тесто, на мазки малины на камне. Яд...

Два стражника бросились вперёд, хватая служанку за руки. Ноги её скользили по каменному полу, она спотыкалась.

Мадлен сжимала мой рукав. Она задыхалась, глаза её были огромными, а кожа казалась попросту алебастровой.

— Всё в полном порядке, — прошептала она. — Ведь ты ничего не съела. Всё в порядке...

Я вытерла руки о свои юбки, пытаясь избавиться от крошек.

Стэн протиснулся к нам через всю комнату, сжал плечи своей кухни. Он тихо шептал ей что-то, и она кивнула, а ещё один стражник схватил меня за руку, потянул за собой, выводя поспешно из комнаты.

И отец помчался следом, а стража почти что вытолкнула меня в коридор, вела так быстро, что я спотыкалась. Крики за спиной утихли, но я всё ещё слышала панику в воздухе, пронзившую весь этот отвратительный мирок.

Моя спальня казалась устрашающе тихой. Стража обыскала комнату, задёрнула шторы, открыла шкафы, будто бы где-то там мог скрутиться убийца. Из своей комнаты выглянула Наоми — её переселили ко мне, как только они всё закончили. Глаза её покраснели, а волосы были заплетены в косы перед сном. — Что случилось?

— Яд... — прошептала я. — Кто-то пытался нас отравить. Вновь, — слова заставили меня шумно выдохнуть воздух — ведь я имела в виду совсем другое. Не нас, кто-то пытался убить меня. Лично. Ноги мои так дрожали — и стоять я больше не могла...

— Что? — Наоми бросилась ко мне. — Ты в порядке? Никто не пострадал?

— Не знаю... Не думаю, что да... В смысле, не думаю, что кто-то пострадал, всё хорошо, да...

— Тут всё чисто, Ваше Величество, — промолвил стражник. — Вы хотите, чтобы эта девушка сегодня осталась с вами?

— Да-да, всё в порядке, — ответила я. — Она здесь сейчас живёт.

— Тогда, прошу вас, закройте дверь, Ваше Величество, пока мы не примем меры безопасности.

Я кивнула, не зная, что и делать. Подошёл поближе отец, сжимая моё плечо.

— Всё будет хорошо, Фрея, — прошептал он. — Мне надо идти, чтобы со всем разобраться... Я вернусь, когда мы узнаем больше, хорошо?

Я вновь кивнула — а что ещё я могла сделать? А потом папа ушёл, дверь закрыли, и я осталась наедине со своей бедной Наоми.

Она схватила меня за руку.

— Фрея, что случилось?

Я встала, чувствуя, как дикая энергия наполняла меня. Мне нужно было двигаться — и я рассказала ей о странном запахе, о собственных подозрениях, и пока я вышагивала, гулкими ударами распространялись звуки шагов.

— Но всё будет хорошо! — промолвила Наоми, слишком уж громко, слишком уж быстро после того, как я наконец-то закончила свой устрашающий рассказ и смогла перевести дух. — Ведь на самом деле никто не съел ничего из тех отвратительных пирожных, верно? Значит, никто и не отравился, и всё будет хорошо! Я думаю, что...

— Мадлен брала его... — прошептала я.

— Но ведь не ела же! Она просто испугалась, Фрея, вот и задыхалась. У неё, скорее всего, просто шок.

Я кивнула — это казалось логичным. Но если она и вправду пострадала? Одного укуса хватило бы, чтобы цианид её убил. А если кто-то что-то съел, прежде чем пирожные принесли мне? Что делать, если Мадлен всё же откусила, а я не заметила? А если придворные вновь умрут, умирают, уже умерли от яда, что предназначался мне?

Служанка принесла поднос именно мне. Она направлялась ко мне.

Да, я ждала чего-нибудь в этом роде, но от этого легче не становилось на миг. Кто-то желал моей смерти — именно моей, а не всего мира. И я понятия не имела, кто это мог быть.

Убийца позволил бы и Мадлен умереть, если б я только не остановила её и позволила это съесть. Означало ли это то, что она была невиновна в отравлении? Может быть, убийца на банкете не желал её короновать? А если служанка ничего не знала о яде, просто хотела угостить меня пирогами?

Прошёл целый час, прежде чем отец, побледнев, явился ко мне.

— Ты была права, — промолвил он, стоило только двери закрыться за его спиной. — Пирожные действительно оказались отравленными.

Слова звучали не так уж и страшно, как мне казалось. Да, меня могли отравить, и я бы погибла, но теперь это стало просто фактом, чем-то вроде обыкновенной стены перед моей жизнью — описания, истины... Теперь я могла в этом разобраться. Мне нравилось работать с фактами — они, по крайней мере, были более-менее управляемы. И я бросилась к нему, надеясь на подробности.

— Но откуда вы узнали об этом?

— Дегустатор. Она попробовала немного пирожных и совсем скоро почувствовала себя плохо.

— Дегустатор? — он не мог иметь в виду то, о чём я только что подумала, просто не мог, нет. Только не мой папа, это... Это невозможно! — Вы отдали это дегустатору? После того, как я сказала, что эти пирожные отравлены, вы... вы отдали это дегустатору?

— Мы должны были узнать правду, Фрея, и это оказалось единственным способом.

Мои руки сжались в кулаки, а сердце колотилось быстрее, чем в тот момент, когда я осознала, что в пирожных был яд. Они заставили женщину съесть цианид ради моей пользы, чтобы защитить меня.

— Единственный способ — заставить кого-то это съесть, а потом наблюдать за нею,

чтобы увидеть, вдруг она умрёт?

— Она ещё не умерла, Фрея, и она вполне может поправиться.

— И умереть она может! — всё ещё может. Цианид действовал обычно мгновенно, разумеется, если рассчитывали на смертельную дозу, но он всё ещё мог убивать медленно, постепенно парализуя тело.

Даже если дегустатор не умерла, она пострадала. Пострадала из-за меня.

Я запустила пальцы в свои волосы, вытаскивая отвратительные булавки. Это он имел в виду, когда говорил о том, как быть королевой? Подвергать свою жизнь опасности, а потом перебрасывать этот груз на чужие плечи? Королева должна защищать своих подданных, а не прятаться, позволяя умирать им ради неё!

Я закрыла глаза, шумно вдыхая воздух.

— А Мадлен? С нею всё в порядке?

— Она всё ещё очень испугана, но, кажется, идёт на поправку, — отец вздохнул. — Ты была очень умна. Я горжусь тобой. Если бы ты не заметила этот запах... Любая пища должна проходить через дегустаторов, но слуга, кажется, принес их не с кухни... Это настоящий позор. Ты спасла жизнь, Фрея. Свою собственную и Мадлен.

Но вместо этого я вполне могла убить бедного дегустатора.

— Это могли изготовить за пределами дворца и перевезти сюда?

— Пока что не знаю, но скоро мы будем знать об этом. Но будет лучше, если ты останешься здесь на ночь и не станешь никуда выходить. Мы вынуждены проверить замок для того, чтобы полностью гарантировать безопасность.

— А что будет со служанкой? Той, что принесла пироги. Она могла даже не знать о том, что они ядовиты, — и заслужила шанс выжить.

— Это очень маловероятно, Фрея, но мы рассмотрим все возможности. В тот же миг, если бы ты не почувствовала... Я попытаюсь отыскать дегустатора, что будет пробовать блюдо прямо перед его подачей, но не уверен, что это получится...

Хотела ли я этого? Чтобы кто-то стоял над моей головой, чтобы все наблюдали за тем, как он будет умирать вместо этого? Нет, я не могла позволить этому случиться...

— Пора идти, у меня ещё очень много дел... — промолвил отец.

Он вышел, и я вновь замталась по комнате — Наоми же застыла в дальнем углу, наблюдая за мною.

— Ещё одна смерть... — тихо прошептала она. — Но ведь дегустатор вс ещё жива. Может быть, ей действительно повезёт. Ведь это замечательно, Фрея?

Да, замечательно, я знала — но эта мысль не утешала меня ни на миг. Меня кто-то пытался убить. Я была всего в шаге от гибели, а если бы была голодна, если бы отвлеклась... Я бы, вероятно, не выжила, и Мадлен — тоже. Нет.

Это казалось слишком страшным для того, чтобы верить. И я хваталась за что-то другое, за то, с чем ещё могла хоть как-то сражаться, пока у меня ещё было время.

— А согласятся ли дегустаторы? — спросила я. — После всего, что случилось на банкете? Почему они вообще приходят, чтобы кто-то пытался их отравить? Как такое может быть?!

— Людям всё ещё нужны деньги, — резонно отметила Наоми. — Они много получают за то, что рискнули своей жизнью ради двора.

— Но ведь должен существовать и другой способ проверять еду! Пользоваться людской силой — это даже нелепо, Наоми! — да, я всегда знала о том, что у короля есть дегустатор,

но даже и не задумывалась о нём. Ведь на самом деле прежде никто даже не пытался для того, чтобы отравить короля, причинить ему вред... Вот только сейчас люди на самом деле вынуждены были рисковать своей жизнью ради моей защиты — и от этого мне становилось до ужаса холодно и страшно.

— Я не думаю, что есть способ определить отраву как-нибудь по-другому, — промолвила Наоми. Ведь они использовали бы эту возможность, если б она существовала....

Нет, это возможно. В этом мире всё становится возможным, если только размышлять в правильном направлении. Если бы люди пробовали раньше или, может быть... Нет, ведь об этом прежде никто и не беспокоился, правда?

Я продолжала ходить — так я делала хоть что-то, хоть как-то могла думать.

Я не хотела, чтобы люди гибли из-за меня. Это казалось отвратительным — ведь так и будет продолжаться. Это не остановит того, кто убил короля на балу, не остановит никого и сейчас... А если воспользоваться медленным ядом? Ведь мы не узнаем до ночи или следующего дня... И даже если мы будем пользоваться услугами дегустатора, то это только приведёт к гибели ещё одного человека.

И к моей смерти — но эту мысль мне пришлось оттолкнуть. Я должна была оставаться практичной, фокусироваться на деле.

— Нет, должен быть другой путь, должен. Яд — это что-то, что вводится в пищу, верно? Итак, есть какой-нибудь способ обнаружить его, более надёжный, чем заставлять человека испытывать на себе весь спектр симптоматик. На что-то он отреагирует сразу, а на что-то... — я повернулась. Это должно быть возможным. Прежде этим никто не занимался, но просто не было смысла. Зачем пробовать? Только сейчас короли начали заботиться... — Просто прежде они не пробовали, думаешь? Не заботились об этом?

— Нет, Фрея. Ты королева, — промолвила Наоми. — И ты об этом заботишься.

— Должен быть способ. Должен, должен, должен... Люди просто не могут так просто умирать...

— И ты думаешь, что сможешь отыскать этот способ?

— Я? Может быть. Кто-то должен это сделать, а поскольку у меня есть мотивация... — я должна приступить к работе, сию секунду. Я окинула взглядом мою книжную полку — но нет, откуда ей тут взяться, если она дома, в лаборатории, к которой мне точно не добраться!

— Фрея, — тихо промолвила Наоми, — ты в порядке?

Я промолчала — всего пара секунд...

— Нет, — тихо ответила я, — не в порядке, но мне надо действовать, а не думать об этом сейчас.

Наоми кивнула и устроилась на подлокотнике кресла.

— Ты думаешь, что это те же люди, что устроили нападение на банкете?

— Я не знаю. Мои советники считают, что там воспользовались мышьяком, сейчас — цианидом. И если злоумышленники хотели убить всех, цианид был бы глупым способом, он слишком быстро действует. Откусить, сделать вдох — и ты мёртва, — я вновь забегала по комнате. — Цианид — это яд для идиотов, на самом деле, если хочешь... Все знают, что он смертелен, что пахнет миндалём... Да, его запах не каждый почувствует, но некоторые люди способны на это. И если у людей был доступ к еде... Зачем, если они могли воспользоваться мышьяком на банкете, сегодня были столь неосторожны?

— Ты считаешь, что на тебя пытался кто-то напасть?

— Понятия не имею, — а ведь сколько людей сейчас могли желать моей смерти!

Сколько у них было причин... — Это имеет определённый смысл.

— Но почему? — воскликнула Наоми. — Почему они хотят твоей смерти? Потому что им нужна корона?

— Возможно, — подтвердила я, но после отрицательно покачала головой. — Если бы служанка была замешана в этом, почему б ей не стать жертвой ради того, чтобы кто-то занял трон? Каковы причины? А если она невинна, если она не знала об этом... она должна была знать! Зачем это делать слуге, чтобы позволить какому-то дворянину потеснить королеву на троне?

— Может быть, месть... — сказала Наоми. — Или деньги. Ты же знаешь, как работает это при дворе!

— Но ведь только когда есть кому получать. Нет, есть что-то ещё, больше мести, золота и даже угроз. Эта служанка должна была поверить в то, что мне нужно... Мне нужно самой так подумать — она сама была готова умереть, чтобы гарантировать, что это случилось. Торн говорила, что это могли бы быть Густавиты...

И всё же, атаки так отличались одна от другой — как их могла совершить одна группировка с одной и той же мотивацией?

Я должна была узнать больше, знать, что они думали, чего желали, что именно толкало их на эти действия. Я должна была понять их, разобраться в их действиях, знать, есть ли у меня шанс выжить...

Я вновь потянула пальцами свои волосы и повернулась к Наоми.

— Но ведь я не знаю, как всё происходит при дворе. Вот в чём проблема.

Девять

— Как вы могли не предусмотреть попытку отравления прошлой ночью? Ваши глаза должны быть повсюду! — отец ударил кулаком по столу совета, заставляя того едва ли не подскочить на месте. Я вздрогнула, но Торн, мастер разведки, смотрела на него.

— У нас действительно есть глаза повсюду, — сказала она, — но ошибки всегда возможны.

— Ошибки, что практически привели к смерти королевы!

— Да, — промолвила Торн. — И я могу только попросить прощения, как бы мало это ни значило. Но дегустатор выжила, и никто больше не пострадал.

— Это не оправдание. У Её Величества не должно быть такой опасности!

— Значит, вам не место в этом совете, София, — проронила Норлинг, — если вы не способны корректно выполнять собственную работу!

— Я выполняю свою работу, — прошипела Торн, — а теперь у нас ещё больше доказательств, с которыми можно работать. Слуга с прошлой ночи связана с Густавитами, о чём и рассказала нам.

Я подалась вперёд.

— Что вы имеете в виду, когда говорите об их связи?

— Простите?

— Она одна из лидеров? Или какой-то новобранец? Что именно она рассказала? — необходимость понять это буквально выжигала меня изнутри. Мне нужно было знать причины, но Торн только покачала головой.

— Она не сказала ничего конкретного, Ваше Величество.

— Но ведь она заявила вам, что сотрудничала с Густавитами?

— Не так и точно... Она бредила, и между бессмысленными заверениями в собственной невинности бормотала о коррупции при дворе. Она много говорила о том, что нашей стране срочно нужно очищение. Как по мне, это само по себе предполагает достаточно серьёзную связь с Густавитами. Они ответственны за нападение, случившееся на банкете.

— Для подобных утверждений всё это надо ещё доказать, а не просто так считать, — промолвила я. — И даже после доказательств довольно трудно... Она одна из них? Не факт.

— Как правило, самый очевидный ответ и является истинным.

— Но разве у вас есть доказательства?

— Информаторы свидетельствуют...

— Но информаторы не заметили, что на двор дважды попытались напасть. Здесь нам не нужны посторонние сплетни. Мы нуждаемся только в доказательствах. Я считаю, что мы не можем просто так сделать выводы. Это не безопасно. Первые отравители воспользовались мышьяком, разве нет? Но на этот раз задействовали цианид. Зачем меняться, если цианид настолько просто обнаружить?

— Мы не станем сразу же переходить к каким-либо выводам, Ваше Величество, — промолвил Холт. — Но вдруг они просто пытались скрыть какую-то связь между преступлениями или решили, что надо действовать проще? Так или иначе, мы должны не позволить этому случиться вновь.

Он принялся расписывать дополнительные меры безопасности, и все склонились над столом, кивая и соглашаясь с его планами. Как оказалось, в основном это было требование усилить охрану при входе в Форт, тщательнее проверять всех слуг, поставщиков и приезжих, а так же воспользоваться дополнительными дегустаторами относительно ингредиентов — заканчивая тем моментом, как я начну есть.

Они так и не смогли обосновать, почему эта группа могла бы пожелать отравить нас всех, почему во второй раз действовала так неудачно... Да и, вопреки всем проверкам, кто-то всегда мог проскользнуть мимо них — пока мы не поймём их логику.

— Есть ли у нас копия их книги? — промолвила я, улучив короткую паузу в обсуждении.

Холт поднял на меня хмурый взгляд.

— Какой книги, Ваше Величество?

— Ну, их книги. Книги Густава. Ведь было бы полезно изучить их учения для того, чтобы понять лучше логику их действий...

— Фрея, — резко промолвил мой отец, — ты не можешь показаться на люди с этой книгой! И что она тебе скажет из того, что ты не знаешь? Они хотят убить тебя — и по всему!

— Но почему? Если мы сможем понять, почему именно они так сильно нас ненавидят...

— Они так сильно ненавидят нас, Ваше Величество, потому что у нас всегда было намного больше, чем у них, — сказала Торн. — И ничего более. Придворные всегда имеют деньги и власть, а они хотят заполучить это. Зависть — всегда очень могучая мотивация.

Ну что ж, если они ненавидели двор за экстравагантность и расточительность, я вполне могла их понять.

— Ваша чувствительность делает вам честь, Ваше Величество, — промолвил Холт, — но мы не можем относиться к ним мягко, вместо всей строгости, не тогда, когда случился

такой кошмар.

— Чувствительность — задуматься о чувстве массовых убийц? — тихо, но жестоко проронил Стэн. Было легко забыть о его присутствии — всегда молчаливый и всегда слушающий с поразительной внимательностью, — если б не его пристальный взгляд. — И хочется спросить, почему Её Величество сочувствует им тогда, когда они убили почти всех дорогих нам людей. Так ли мы должны вести себя в подобной ситуации?

— Нет! — быстро ответила я. Он всё ещё смотрел на меня, и упорядочить, облачить в слова мысли казалось куда труднее. — Я только подумала...

— У Вашего Величества может быть очень хрупкое сердце, — сказал он, — но вы должны помнить о том, почему мы здесь оказались. Очень опасно демонстрировать все свои естественные склонности, не правда ли?

Дрожь пробежала по моей спине. Он всё ещё подозревал меня, всё так же сильно. И если я буду слишком отзывчива, то покажусь вовлечённой в убийстве. И я совершенно не сочувствовала тем, кто намеревался убить сотни людей, никому их них. Но это — загадка, и чтобы распутать клубок, надо было пройти по их пути, не позволяя эмоциям вмешаться в мои мысли.

Но я не могла заниматься этим здесь.

Я сидела молча, щипая себя под столом, а они вернулись к обсуждению стражи и патрулей вокруг Форта. Как я могу получить эту книгу так, чтобы никто из них не узнал об этом? Ну, я уж точно не имела возможности купить её в книжной лавке, даже если бы и покинула Форт. Копии есть разве что у кого-то вроде Торн — из конфиската, — если только не для чтения, но она, кажется, не совсем настроена делиться подобной литературой.

— Мы должны отыскать ещё дегустаторов, — промолвила Норлинг, — после происшествия на банкете. — Найдя людей, мы сможем надеяться...

— Мы должны найти способ обходиться без дегустаторов, — сказала я. — Они явно не сработали в прошлый раз!

— Они будут куда полезнее любой альтернативы, — ответил отец.

— Значит, нам нужно отыскать альтернативу получше! Ещё один способ обнаруживать яд, какие-нибудь исследования. Если мы воспользуемся знанием учёных...

— Фрея! — крик моего отца почти заставил меня содрогнуться. Он уставился на меня, покраснев, будто бы та свёкла. — Все наши ресурсы должны быть направлены на поиск и наказание этих убийц, а так же на твою защиту! Сосредоточься на том, чтобы оставаться в безопасности, настолько, насколько это возможно!

— Я не хочу, чтобы другие люди были в опасности из-за меня.

— Но они помогают двору во всём, что касается безопасности королевы!

Я сглотнула. Казалось, в горле будто бы застряло что-то острое.

— И сколько дегустаторов погибло на банкете, так и не сумев никого спасти?

— Ни один из них, Ваше Величество, — промолвила Норлинг, и голос её зазвучал куда мягче, чем прежде. — Да, умерли три дегустатора, но не те, кому было предназначено отравленное блюдо. Они, кажется, съели что-то, вернувшись на кухню, уже после выполнения своих обязанностей, и к тому времени, когда мы поняли, что проблема с тортом, двое из них уже успели умереть, но не тот, кто был за него ответственен. Так что, как видите, при двух попытках отравления оба дегустатора выжили, так что, всё это ради вашего же блага.

— Ну и, разумеется, первого дегустатора арестовали, — дополнила Торн, и Норлинг

бросила на неё быстрый взгляд.

— Арестовали? — поинтересовалась я. — Потому что он не умер?

— Когда умирают сотни людей, но не дегустатор, он уж явно входит в круг подозреваемых. Может быть, он добавлял яд, может быть, был предупреждён и знал, что слишком много есть нельзя. В любом случае, мы должны быть на чеку.

— Был предупреждён, но не сообщил своим друзьям, что есть не стоит? Вы думаете, остальные дегустаторы умерли просто так?

— Возможно... Если он предупредил бы их, они могли бы предупредить нас, вам не кажется?

— Где он сейчас? Здесь, в Форте? — мне нужно с ним поговорить. Виновен он или нет, он может что-то знать, что-то увидеть.

— Он сейчас пребывает в подземельях, Ваше Величество, в самых тёмных камерах. Пока что ни одного ответа нам не предоставил.

Я встала.

— Я хочу с ним поговорить.

— Это было бы очень неразумно, Ваше Величество, вы должны сознавать опасность... — Холт умело подбирал тысячу способов отказать мне. — Особенно после всего, что с вами случилось — вы в опасности...

— Я буду в опасности до тех пор, пока мы точно не установим, кто именно повинен в гибели двора.

— И мы установим, Ваше Величество, но этот вопрос вас беспокоить не должен.

Вот только он беспокоил — разумеется, беспокоил! Ведь это моя жизнь и моя безопасность. И даже сейчас... Я хотела знать, эта тайна поела меня изнутри. Мне хотелось что-то сделать, воспользоваться тем, что я умела и знала. Но я не могла разговаривать с заключённым, не должна была читать книги... Мои советники старательно удерживали меня так далеко от следствия, как только могли, и это вызывало слишком много вопросов. Почему они прятали от меня улики и не хотели позволять мне знать, что происходит?

Даже предположительный ответ заставил меня сжаться, но сейчас я выводы делать не могла. Сначала мне нужны факты, потом уж своё представление о них.

— И что вы до этой поры узнали? — вместо того проронила я. — Если вы держите его в подземельях, то, должно быть, уже имеете определённую доказательную базу?

— Ничего существенного до этой поры, — ответила Торн. — Он продолжает утверждать, что ничего не видел.

— Может быть, следует задуматься над тем, что он и вправду ничего не видел? Ведь вы не можете гарантировать, что он на самом деле лжёт вам?

— Не можем, — промолвила Торн, — но проблема в том, что настоящие убийцы обычно как раз и повторяют, что они ничего не видели...

Я поспешила прочь, стоило только встрече закончиться, и стража бросилась за мною. Каждый шаг подогревал мой гнев, особенно когда я вспоминала их слова. Громко и чётко, как королева, я сообщала свою позицию, и они всё ещё меня не слышали. Они игнорировали меня каждый раз, а то и вовсе садовили на место, будь я десять раз права! Да, я говорила со всеми из них, прерывала их, спорила с ними, но это не значило, что что-нибудь изменилось. Я вся сжималась от усилий — и ничего!

Они мне не помогают. Нет, совершенно.

Они... Они просто куют из меня свой образ королевы. Чтобы я правила именно так, как они этого пожелают.

И отец говорил мне, что я должна к ним прислушиваться. Я вдруг остановилась, прижимаясь к стене, и моя стража без единого возражения замерла за моей спиной. Я должна быть заурядной, говорил папа. Соответствовать их ожиданиям так, чтобы они и не могли подумать о жалобах. Может быть, это и было правильно, вот только больше следовать этому совету я просто не могла. Я нуждалась в ответах, в действиях, в том... В том, чтобы быть самой собой и сражаться за свои собственные решения.

Мой внутренний голос подсказывал мне тут же отправиться в лабораторию и приняться за работу — вот только лаборатория была в нескольких милях отсюда, совершенно недосягаемости...

Та лаборатория. Но не любая другая. И всё же...

Я повернулась к своей страже. Седобородого мужчины не было, но я узнала младшего, темноволосого, а ещё оказалась блондинка, что была едва ли на пару лет старше меня самой. Оба они были одеты в тёмно-синие пальто стражников, всё ещё со знаками старого короля. Мне следовало немедленно придумать что-нибудь своё.

— Мне немедленно нужна лаборатория, — промолвила я. — Знаете ли вы, какое помещение во дворце можно было бы использовать в этих целях?

Черноволосый стражник нахмурился.

— Я не уверен, что подобное место существует, Ваше Величество...

— Мне нужен камин, крепкие столы, шкафы, возможность хорошо проветривать комнату. И это должно находиться в таком месте, где меня никто не посмеет побеспокоить.

— Ваше Величество, если позволите... — заколебалась светловолосая. — Есть такая комната, вот только...

— Да? И где же она?

— Хорошо... — она говорила так осторожно, словно слова могли меня каким-либо образом оскорбить. — Ведь вы знаете, что этот замок использовался для размещения самых опасных врагов королевства, до того, как случилось всё это с отравой...

— Да, я знаю.

— Так что, Ваше Величество, эта комната... Больше сотни лет её использовали довольно специфически — да, туда никто не войдёт, но прежде там допрашивали заключённых, а значит, там должно быть всё то, что вам нужно...

— Вы говорите о комнате для пыток?

— Простите, Ваше Величество, я понимаю, это звучит слишком смело... Но там можно отыскать всё то, что вы попросили, и я подумал...

— Что ж, — отозвалась я, — это замечательная идея! — да, там было много крови, но всё осталось в прошлом, ведь уже больше столетия пытка в королевстве считается варварством. Ну что же, если других беспокоят воспоминания и история, они не явятся ко мне и не станут меня отвлекать. — Вы можете провести меня туда?

Стража завела меня в глубокие подвалы, туда, где с камней капала вода, а единственный свет исходил из железных жаровен, тянувшихся на несколько футов. Стены давили ещё сильнее, а воздух был очень старым, затхлым и влажным.

— Это здесь, Ваше Величество, — стражница указал на деревянную дверь. — Но не данный момент...

— Дверь закрыта?

— Нет, Ваше Величество, в этом не было никакой нужды, — выражение её лица предполагало, что никто в здравом уме просто не пожелает спуститься сюда — это делало её просто замечательным местом для меня.

— Спасибо вам! — я схватилась за дверную ручку, а после замерла на мгновение. — Мне очень жаль, но, к сожалению, я даже не знаю вашего имени... — было неприятно спрашивать подобное, и мне казалось, что я слишком уж далеко забралась, но бездейственность убивала меня, а она была той, что помогла. Я должна хотя бы попытаться.

— Я — Мила Эриксон, Ваше Величество, — с коротким поклоном промолвила она. — Мне так жаль, я должна была представиться ранее...

— Нет-нет, это мне следовало спросить, — я повернулась к черноволосому охраннику. — А ваше имя?

— Рэйнольд Милсон, Ваше Величество.

— Благодарю вас. Это дар судьбы — встретить вас, и вопреки тому, что мы с вами, Рэйнольд, уже встречались, я была слишком глупа, не спросив... — я закусила губу, словно пытаюсь остановить поток детского лепета, после повернулась и толкнула дверь. Она сначала закрипела, сопротивляясь, а после всё-таки сдвинулась с места, и в лицо мне пахло пылью. Я закашлялась, замахав руками.

Комната была большой, квадратной, и её неровный пол был покрыт какими-то подозрительными на вид пятнами. Но она оказалась достаточно просторной, с камином, большим столом в центре, да ещё и с огромным количеством шкафов по бокам. К стенам были подвешены странные устройства, в шкафах грудой высились какие-то банки. Да, мне следовало попросить ещё и хорошую пару перчаток, как те, в которых я занималась исследованиями, может быть, маску — неизвестно, что за яды могли там храниться.

— Да, это мне подойдёт. Конечно, тут надо убрать, да и мне придётся доправить сюда много своего, но здесь, по крайней мере, можно работать, — я повернулась к миле. — Хорошо было бы отыскать того, кто сегодня убрал бы это место, но они не должны дотронуться до любого из этих шкафов или какой-то банки. Просто подмести пол, очистить углы от паутины... Да, ещё мне потребуются дрова для камина и кто-то, кто отправится в мой дом и доставит сюда мои вещи. Книги, флаконы, бутылочки, пробирки. Я составлю список необходимого, или могу отправиться туда сама... — я покосилась на Милу. — Нет, сама, пожалуй, всё же не могу. Но вы можете отправиться туда, причём сейчас же. Пожалуйста, поспешите.

— Но я не должна оставлять вас без присмотра, Ваше Величество...

Теоретически, она могла уйти. Ведь стража всегда поддаётся приказам короля и королевы, даже если для этого следует оставить их одних. Но обращаться к Миле с таким приказом было бы неразумно, да и, вероятно, она была бы виновата в любом случае.

— Ну что же, это может сделать кто-либо другой, — промолвила я. Я вновь осмотрела комнату, уже представляя то, чем она вскоре станет. Тут будет просто идеально! Она больше моей старой лаборатории, тут безопаснее хранить яды... Да, тут мне будет просто замечательно! — Пожалуйста, — пришлось повторить мне, — вы отыщите кого-нибудь?

— О, разумеется, Ваше Величество! — Мила поклонилась и вышла из комнаты.

— Вы предпочитаете, чтобы я остался здесь или снаружи, Ваше Величество? — поинтересовался Рэйнольд.

— Снаружи... — мысль о том, какой я глупой сейчас казалась, заставила меня покраснеть. — Пожалуйста.

После того, как он закрыл за собою дверь, я подошла к ближайшему шкафу с банками. Они все были покрыты пылью. Всё сильное тем, пожалуй, за годы давно уже потеряло свою силу, но, может быть... Я провела пальцем по полке, оставляя пыльную линию. Может быть, мне лучше убраться тут самостоятельно, чтобы никто случайно не пострадал?

Я взяла одну из банок и поднесла её к свету. На ней была какая-то надпись, о время почти стёрло её. Неважно, что там находилось — скорее всего, какой-то жуткий яд. Что-то, что отравляло, сжигало, лишь бы убедить жертву в необходимости раскрыть все её секреты.

Я осторожно осмотрела остальные чести комнаты, всматриваясь в банки, мысленно разложила всё каталогами в голове.

Я не могла ждать, пока посыльные вернутся с моими вещами, и уж точно — не выдержала бы, пока кто-то придёт сюда, чтобы убраться. Мне нужно это место здесь и сейчас, я должна наконец-то создать то, что станет моим!

Я схватилась за тряпку и принялась вытирать пыль.

Десять

Я провела в своей новой лаборатории много времени, продираясь сквозь секреты прошлого. Моё шёлковое платье запылилось, было покрыто грязью, и я никогда не видела большего беспорядка на столах, но зато тут было много пространства... Я даже взялась каталогизировать разбросанные по комнате банки. Многие из них содержали остатки целебных растений — не то, что я ожидала, но, пожалуй, нельзя было позволить заключённому умереть от заражения крови, прежде чем выдаст всю нужную информацию, ну, или ты сам пожелаешь его убить. В остальных же было что-то куда более ожидаемое — яды, сжигающие жидкости, порошок, что при смешивании с водой разъедает кожу.

Кто-то постучал в дверь.

— Ваше Величество? — незнакомцем оказался тот самый темноволосый стражник, Рэйнольд Милсон. — Вынужден вас прервать — вы желали увидеть Расмуса Холта...

Я вытерла руки о свою юбку. Да, Холт должен был научить меня вести себя, как истинная королева, по крайней мере, истинная королева в его глазах. О том, как думать, что говорить и как соответствовать всем традициям королевства.

У него, конечно, могли быть успехи с последними двумя пунктами, но даже умение говорить не поможет мне изменить течение своих мыслей. Даже если он даст мне сценарий для каждой встречи, стоит только кому-то вмешаться, и всё рассыпется.

— А сколько времени сейчас? — спросила я.

— Три, Ваше Величество.

Я опустила взгляд на пыльную одежду. Признаться, мне хотелось произвести впечатление на свой совет, но совсем не так, как получилось бы сейчас. Я бросилась к двери, где ждали меня Рэйнольд и Мила, замершие по обе стороны от двери. По крайней мере, уж они точно не станут комментировать мой внешний вид.

— Я уже отправила за вашими вещами, Ваше Величество, — промолвила Мила. — Но это может потребовать несколько дней. Из соображений безопасности...

— Спасибо тебе, — ответила я.

Они вывели меня из темницы, провели на третий этаж форта, но кто-то внезапно выскользнул из дверного проёма, стоило только свернуть за угол, и мы едва-едва избежали столкновения.

— Ох! — это была Мадлен Вольф. Она сделала крошечный шаг назад, но даже будучи столь удивлённой, всё ещё оставалась невероятно вежливой. Опустившись в реверансе, она скользнула взглядом по моему грязному платью. — Ваше Величество, с вами всё в порядке?

Разумеется, если бы со мной в таком виде столкнулась Мадлен Вольф, она бы мне только улыбнулась в ответ, и я вынудила себя сделать то же самое.

— Да, — ответила я, — я в полном порядке. Мне так жаль, что я не смогла отыскать вас, что ушла...

— Ваше Величество, это только моя ошибка.

Что ещё мне следовало сказать? Слишком поздно, слишком всё громоздко — да и воздух теперь казался таким тяжёлым.

— Мне очень жаль.

— Подождите, подождите! — Мадлен схватила меня за руку. — Мне бы так хотелось с вами поговорить, поблагодарить Вас, ведь вы спасли меня вчера! Я бы уже давно умерла, если б не ваша внимательность...

Я не заслуживала на её благодарность, ведь я сама виной этой опасности. И если б она не разговаривала со мной, она бы и вовсе не взяла в руки те проклятые пирожные. Я покачала головой, не в силах подобрать слова, и она сжала мою ладонь.

— Я вам безумно благодарна, — прошептала она.

— О... Я просто очень рада, что всё хорошо закончилось и вы в порядке.

Мадлен засияла.

— Ещё одно, Ваше Величество... Я не знаю, возможно, время совершенно неподходящее, и я не говорила с новыми придворными об этом, и хотела бы открыться вам перед тем, как говорить с ними об этом...

— О чём же?

— О приюте для детей в городе. Я много лет поддерживала его, как только могла, Ваше Величество, и мне бы так хотелось, чтобы вы могли посетить его вместе со мной! Они так сильно желают вас видеть!

— О, это было бы замечательно, но я не уверена, что сейчас это соответствует правилам безопасности...

— Разумеется, Ваше Величество. Сейчас всё так страшно, так неопределённо — но хотя бы подумайте об этом! Может быть, когда всё будет в порядке, тогда? Это так много значит для меня — то, что вы думаете о них и желаете им помочь!

— О, да, разумеется, вы правы, — кивнула я, — тогда, когда станет безопаснее...

— Да, я знаю, это покажется странным, — Мадлен поближе наклонилась ко мне, — думать об этом сейчас, тогда, когда у вас столько всего, и такой тяжёлый груз на плечах, но это невероятно важно для меня, Ваше Величество! И я надеюсь... Я смею верить в то, что всё это будет столь важным не только для меня одной, а и для вас тоже!

Она вновь поклонилась и посторонилась, пропуская меня и мою стражу. Я только кивнула ей, понятия не имея, что должна делать. Она сейчас казалась невероятно серьёзной, но зачем это было говорить в коридоре, да ещё и шептать мне на ухо... Странность заставляла меня содрогаться — но мне следовало спешить, ведь я кошмарно опаздывала.

Когда я добралась до двери Холта, то постучала, не успев и перевести дыхание.

— Входите.

— Мне очень жаль... — начала я, переступая через порог.

— Всё в порядке, Ваше Величество, — покачал головой Холт. — Королева просто не

может опоздать, — он улыбнулся и поднялся со своего стула. Он очень быстро обосновался в новых покоях, и теперь его стол был напрочь забит разнообразными бумагами, вдоль стен тянулись шкафы с книгами. Улыбка его казалась слегка снисходительной, когда он заметил мой внешний вид. — Что-то случилось, Ваше Величество?

— Нет-нет, — покачала головой я, сжимая подол платья, словно это заставило бы грязь исчезнуть, но вместо того только неосторожно встряхнула его, и в покоях Холта взметнулось облачко пыли. — Я просто немного убиралась.

— Но ведь для этого есть прислуга, Ваше Величество! — он казался весьма озадаченной.

— Я не хотела рисковать их безопасностью, — ответила я. Он может считать мою лабораторию чем-то совершенно не царственным, но с моим титулом запретить работать там никто мне не мог. Да, посоветовать, но не запретить. Да и это не секрет — то, что я там работаю, а ждать слуг, чтобы они сметали столетнюю пыль... — Я очищала пространство в подвалах, — это слово, впрочем, было слишком мягким, — которые собираюсь использовать в качестве лаборатории. Для... Для моих исследований.

Я слегка поёжилась, ожидая бурной реакции Холта и его неодобрения, но он только коротко кивнул.

— Да-да, ваш отец говорил, что вы очень заинтересованы в изучении всего нового. Это может быть очень полезным в такие дни. Вы намерены продолжать свои исследования здесь, в Форте?

— Так ведь нет правил, которые бы это мне радикально запрещали этим заниматься.

— Разумеется, нет, — покачал головой Холт. — Разумная королева... конечно, это многое меняет, но это очень приветствуется, как мне кажется. А вы планируете работать над изобличением яда, о котором упоминали на нашем собрании?

— Да, мне кажется, это то, чем нынче нужно заниматься.

— Совершенно согласен с вами, Ваше Величество. Если сейчас и есть дело первой важности, то это именно обличение яда, — он улыбнулся, глядя на меня, будто родной дедушка. — Но, конечно же, есть и многое другое, чему необходимо уделить внимание. Нам стоит присесть? — я кивнула. — Дегустаторам неплохо платят, Ваше Величество, и это довольно часто работает. Они вас за это не поблагодарят....

— Как можно не поблагодарить за сохранение своей жизни?

— О, Ваше Величество, я совершенно не пытаюсь заявить, будто это плохая идея! Это очень ценно, но ведь и дегустаторов мы не принуждаем к работе. Они сами оценивают риски, более того, они же считают их вполне оправданными...

— Это значит только то, что они в отчаянии, если продолжают приходить, даже после двух нападений на придворных! — но у людей зато был выбор... — И могли сказать, что выбор есть всегда с надменностью и превосходством, которое так любят, но всё равно это лишь изобличало отчаянье — нежелание поискать какой-нибудь иной вариант. На самом деле они ничего не выбирали. Нет, мы должны начинать работу, подыскать им другие рабочие места, чтобы люди больше не смели рисковать жизнью ради меня!

— Это дельная мысль, Ваше Величество, но стоит напомнить, что хорошая королева должна рассматривать все варианты и все последствия. Ситуация обычно не так проста, как кажется на первый взгляд. Смотрите на вещи в целом, Ваше Величество, это всегда помогает...

— Так почему же вы не поддержали меня на собрании? — слова эти бесконтрольно

сорвались с моего языка, — когда столько людей выступило против меня?

— На самом деле, пусть всё это мне и не нравится, но они правы — у нас нет должных ресурсов, чтобы тратить их тогда, когда всё под угрозой. Безопасность на первом месте. Но если эти исследования окажутся успешными... разве это не было бы прекрасно?

После этого он заговорил о придворном этикете, о правилах, которые я должна была знать — правилах, о которых и не слышала прежде. Какую вилку для какого блюда используют на банкете. Как встречают людей разного ранга. Реверансы, поклоны, и всё зависит от посыла. Реверансы, впрочем, он не показывал — описывал их только в мельчайших деталях, комментировал мои попытки, исправлял малейшие изменения в моей позе. Но стоило мне только замереть, как в голове вновь появлялись безумные мысли, и мой мозг всё никак не хотел отпускать действительность.

Казалось, это было совершенно бессмысленным, и какая-то часть меня всё ещё отчаянно желала просто рассмеяться, расхохотаться в ответ на бессмысленные полупоклоны и глупые движения. Но всего этого от меня ждали дворяне, а я обязана их успокоить. Обязана уцепиться хотя бы за то, что они сейчас знали, понимали — и принимали.

Но времени на обучение у меня было слишком мало. Через пару дней будут похороны, а значит — несколько отвратительных пиршеств. Ночь перед процессией, чтобы поприветствовать всех прибывших, и ночь после неё, уже в память погибших...

И, конечно же, речь, о которой мне даже думать не хотелось.

Холт, однако, явно считал это приоритетной задачей. Он вручил мне копию своего нынешнего проекта — словно ждал комментариев, — но всё это было таким прекрасным, таким дипломатичным и таким пресным, что мне стало противно — но я всё равно прочитала эту речь дважды, то и дело запинаясь. Даже просто читать, с одним только Холтом, и мне уже хотелось, чтобы сердце в груди остановилось — а как же я смогу заговорить перед всеми придворными?

Но Холт казался поразительно довольным.

— Я помню свои первые выступления, — заулыбался он. — Они были просто кошмарны, Ваше Величество. Я вызубрил их наизусть, но всё ещё запинаясь на каждом слове. Всё хорошо, Ваше Величество, просто немного практики — и немного уверенности в своих действиях.

О, не могла себе даже представить, как хоть когда-то, хоть перед кем-то, я — Я! — могла и вовсе попытаться выглядеть более уверенной.

— И просто не беспокойтесь, Ваше Величество, — промолвил Холт. — Да, есть вопросы этикета, но подражать покойной королеве вы не должны. И нашему покойному королю — тоже, главное — это вы сами. Изменилось очень многое, и, может быть, лучше всего подчиниться этому порыву.

Я на мгновение умолкла.

— И что же вы имеете в виду?

— Король Йорген... Нельзя говорить о нём плохо, да и он по-своему вёл нас вперёд, но надвигаются перемены. Может быть, наступило время обновить всё... Меньше блеска и шика, Ваше Величество, меньше дикости... И больше сердца.

Но что же мне остаётся, если вокруг только ритуалы и правила? И я за двадцатью слоями юбок. Может, это Мадлен была бы естественна, продемонстрировала бы всем своё сердце, но ведь её сердце было именно тем, что они все желали увидеть! Её — не моё.

— Мой отец считает, что я должна попробовать... — как описать это правильно? —

попробовать сгладить многое. Сделать так, чтобы люди даже не ощутили разницы между мною и предыдущим правителем.

— Но они всё равно её почувствуют. Им так же больно, как и всем нам, признавать смерть старого двора. И это... это ведь такие возможности, Ваше Величество! Для всех Забытые даруют нам шанс, который нельзя упустить.

— Забытые? — сглотнула я. — Вы считаете, это они всех обрекли на смерть?

— Нет, ваше Величество. Но, может быть, это не просто совпадение — ваше отсутствие в тот момент, когда двор был отравлен. Я вижу в этом веление свыше, и они, может быть, немного исправили ситуацию, сделали всё так, как надо было — чтобы помочь нам стать какими-то другими.

Словно Забытые вообще знали о моём существовании — словно они существовали и сами! Но Холт сейчас казался таким искренним...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы действительно полагаете, что они всё ещё имеют подобную власть, чтобы менять всё только по одному желанию, по одному взмаху руки?

— Но ведь они — божества, Ваше Величество, и их не ограничивают законы мироздания, в отличие от нас. Да, их нет в физическом проявлении, но ведь влияние никуда не делось!

— Мне казалось, что они пожелали уйти. Так зачем же всё ещё влиять на течение жизни, если они сами захотели этого?

— Они ушли, потому что мы для них слишком малы, мы не заслужили их присутствия, но они всё ещё жаждут, чтобы мы были достойны. Мы сотни лет пытались отойти от амбиций, от войн и той жестокой тьмы, что была в нашем прошлом, но всё ещё оставались слишком экстравагантными, эгоистичными и расточительными — так может, им это надоело? Потому, возможно, Ваше Величество, на вас и остановился их выбор — на новой, иной королеве! Той, что превратит Эприа в землю, на которую они вновь смогут взойти!

Если Забытые и вправду были всевидящими божествами, то как могли остановить свой выбор на таком ничтожестве, как я? Это должен увидеть даже Холт! Вправду ли он верит всему тому, что говорит, или это очередная ложь, призванная утешить и успокоить меня, сказать, что во всех этих смертях была хоть какая-то польза? Пояснить, что моё невежество стало даром, и всё это — не глупый результат бессмысленной трагедии, свалившейся на наши головы?!

Если б он и вправду это верил... Если так, то я, пожалуй, уж ему точно могла доверять. А уж если нет...

— Мне хочется верить, надеяться на то, что вы говорите мне правду — что оно так на самом деле и есть, — промолвила наконец-то я. — И хочется надеяться на то, что всё пройдёт хорошо...

— Так и будет, Ваше Величество. Пока вы будете помнить о том, что Забытые выбрали вас. Вас, а не короля Йоргена, не его брата... даже не восхитительную Мадлен Вольф. Они ценят вас за сильные стороны — значит, так и должно быть!

Вот только к правлению державой мои сильные стороны никакого отношения не имели. Но я кивнула — ведь он хотя бы верил в меня! Это было куда больше, чем большинство могло мне дать. Даже больше, чем то, что я искренне могла бы пообещать себе самой.

И я... Я только выдохнула, пытаюсь заставить себя стать немного сильнее.

— Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста. Мне нужен список присутствующих на

банкете — все умершие и все выжившие. Я должна узнать об оставшихся придворных всё, что только возможно. Это ведь...

Он только кивнул.

— Конечно, Ваше Величество, и ваше беспокойство делает вам честь. Я прослежу, чтобы это было сделано.

— И... Не могли бы вы дать мне копию книги Густава? Как я могу исследовать, если даже не понимаю...

Он только быстро поднял руку.

— Ваше Величество, вот на это я не способен. Конечно же, копии у меня нет — я сомневаюсь, что это поможет. Люди, нынче называющиеся Густавитами... убеждения их очень сильно отличаются от первоначальных взглядов, и они тоже очень коррупционны. Они пользуются былой славой, чтобы идти к своей цели, и надеются на то, что никто не увидит дыр в их суждениях. Здесь, позвольте показать... — он бросился к столу и вытащил из одного из ящиков всё содержимое, взялся его перебирать. — Да! — он вытащил потрёпанную дождями брошюру и вручил её мне. Я бросила на неё один взгляд, сжала пальцами бумагу, чувствуя, как к горлу поднимается дурнота. Дешёвая, с толстыми линиями, размытая — но всё это так легко представить... король на земле, обложенный золотом, кубок вылетел из его руки, и королева рядом, с линией, пересекающей её горло — кровавой, должно быть. И я, стоявшая на них сверху, вжимавшая в землю, стекающая драгоценными камнями и потягивающая из своего бокала.

— Убивайте коррупцию, — вещала я оттуда. А внизу были ещё какие-то размытые слова, что оскорбляли нынешний двор и моё правление — и они призывали сплотиться против нечестия, которое мы несли в королевство.

— Что это такое?

— Оно было разбросано по всему городу. Мы понятия не имеем, кто распространителем, но, Фрея, вы видите... Они не заостряют внимание на разуме, они не хотят вообще ни о чём думать...

— Это валяется по всему городу?!

— Да, но совсем немного. Мы уничтожаем всё, что находим, увеличили безопасность, увеличили количество патрульных — и ищем печатный станок. Мы их остановим.

Но после того, как стража поймает этих людей, их вера всё равно не умрёт. Они меня ненавидели — ненавидели нас. Даже если мы отыщем печатный станок, разрушим их жизни, они всё равно будут держаться за нас своими идеями — и я смяла бумагу в кулаке.

— Не беспокойтесь, Ваше Величество, — промолвил Холт. — Мы их найдём.

Мы провели ещё целый час, разбираясь в правилах этикета, но энтузиазм Холта приугас, когда он рассказывал об очередных эффектных ритуалах, что для него самого на самом деле ничего не значили. В итоге он решил, что поведал всё, что мог, и я поднялась.

— Спасибо вам, — промолвила я. — Спасибо за всё, что сделали для меня.

Он кивнул, и я быстро шагнула в сторону двери.

— Ваше Величество, могу ли я осмелиться посоветовать вам ещё кое-что? — его голос звучал вопросительно, словно он не мог рискнуть так сразу заговорить с королевой — хотя какая из меня там королева?! Но я остановилась и повернулась к нему. — Держитесь подальше от Уильяма Фицроя.

— Фицроя? Да я едва ли говорила с ним когда-то! — разумеется, это не казалось разговора в коридоре у банкетного зала в день моей коронации. И, разумеется, верен он мне

не был.

— Разумеется, нет, — согласился Холт, — и пусть лучше так и остаётся. Фицрой всегда был очень популярен, а теперь ещё и весьма опасен.

— Вы считаете, что он...

— Он сын короля. По крови наследник он — вопреки закону. И если он пожелает захватить трон, то будет слишком опасным преступником.

Я вспомнила слова Фицроя в ночь коронации и содрогнулась. Он говорил, что мне здесь не место — но казался таким убитым горем... Это были не слова убийцы.

— Спасибо вам, — тихо промолвила я. — Я запомню этот совет...

Одиннадцать

Пение Наоми доносилось до моих покоев. Голос её был мягче обычного и гораздо печальнее, но всё так же твёрд. Многие пели, когда были счастливы, но Наоми — тогда, когда не хотела ни о чём думать, позволяла словам песни вытолкнуть из её мыслей всё дурное. Я заглянула в её спальню, обнаружив, что платье её уже висело в шкафу, а волосы были заправлены за уши. Посреди комнаты стояли три открытые коробки, а всё остальное, пожалуй, уже разложили — вот и вещи из её городского дома.

— Привет, Наоми, — я проскользнула в её комнату, и Наоми улыбнулась в ответ.

— Здравствуйте, Ваше Величество!

— Надеюсь, это была шутка, — я подошла к одной из коробок. — Потому что если ты всерьёз станешь так меня величать, придётся пересмотреть вопрос нашей дружбы...

— О, простите, Ваше Величество, ведь мне не ведомо, что я не имела права так величать вас...

— О, я б не стала казнить вас за другое обращение, ведь мою величественность сотню раз за сегодня подтвердили все остальные!

Наоми умолкла, и улыбка застыла на её лице — я внезапно осознала, что только что ляпнула.

— Мне... Я... Прости, я не имела в виду ничего...

— Всё в порядке, — сказала она, но голос звучал слабее, чем прежде, — знаю, что ты хотела этим сказать.

Я открыла рот, собираясь возразить, но не могла подобрать нужные слова. Спасло меня только требовательное мяуканье — в дверном проёме застыла Дэгни, распушившая свой задранный хвост. Она потёрлась о мои ноги, а после прыгнула прямо в открытую коробку с платьями Наоми.

— Дэгни! — я сгребла её в охапку. — Она так беспардонна...

— Ну, она просто ищет себе место, где ей удобно, — отозвалась Наоми.

— Да ведь она повсюду оставит шерсть! — быть обладателем пушистого кота весело до той поры, пока ты сам не начинаешь состоять из сплошной его шерсти. В итоге шерстинки Дэгни будто бы очерчивали её путь, покрывая тонкие дорожки ровным серовато-цветастым слоем.

— Ну что ж, в таком случае, у нас есть шанс стать придворными законодательницами мод! — протянула Наоми. — Первые, кто осмелился носить прекрасную шерсть Её Высочества! — она потянулась, взяв Дэгни с моих рук, а после прижала её к своему плечу, как младенца.

— Ну, и что там у тебя? — протянула она, кивнув на вещицу, что я всё щё сжимала в руках — и принялась укачивать Дэгни.

— Это моя речь, — я разгладила её, вскинула вверх, словно победоносный флаг, текст на котором я уже давно успела вызубрить. — Холт мне написал. Потому что когда здесь соберутся все дворяне...

— О, так вот где ты была сегодня? А то ходили слухи... Со мной никто не говорил, но я слышала, как они постоянно спрашивали, почему ты куда-то пропала... Куда скрылась.

— Никуда я не скрывалась! — воскликнула я громче, чем хотелось. — Я занималась с Холтом большую часть дня, а ещё убиралась в своей новой лаборатории в подвалах.

— Новая лаборатория? — лицо Наоми будто просветлело. — Ты будешь пытаться выявить яд?

Я коротко кивнула.

— Ты должна была меня позвать! Я б тебе помогла...

— Прости, прости... Я просто так загорелась этой идеей, что...

Наоми рассмеялась.

— О да, мне отлично известно, на что это похоже! — Дэгни забилась у неё на руках, так что Наоми поставила её обратно в коробке. Дэгни подскочила, сминая под собою платя, и Наоми устроилась на полу рядом с коробкой, позволив юбкам смяться. — Сегодня я получила весть от родителей, — тон её дал понять, что весты были плохими. Да и письма от родителей Наоми редко приносили что-то хорошее.

Я присела рядом с нею.

— И что же, что они сказали?

Она полезла в следующую коробку, принявшись перебирать разнообразные книги и стопочками устраивая их рядом с собой.

— Они не хотят прибывать сюда.

— Что?

— Они решили не возвращаться в столицу, даже для того, чтобы поприсутствовать на похоронах. Мой отец боролся, но мама... ты ведь знаешь, что ей нравится. Я думаю, она обвинила двор в смерти моего брата. И она совершенно не желает их видеть... — она глубоко вздохнула, закрыла глаза и покачала головой. — Они потребовали тело Якоба, чтобы его похоронили в деревне, и я, может быть, тоже должна буду уехать к ним...

— Ты собираешься уехать?

Она вновь неуверенно покачала головой.

— Должна бы, но... не знаю. Я хочу остаться здесь. Много лет я туда даже не приезжала, и так странно — взять и отбыть в деревню прямо сейчас. Якоб... Он ведь ненавидел это место, да и с родителями никогда не ладил! Это всё безумно, безумно дико... — она говорила сквозь зубы. — Я хочу запомнить его таким, каким он был, а не таким, каким он будет сейчас — мёртвым, холодным! — она выпрямилась и взяла трясущимися руками книги. — Я должна быть здесь, при дворе... Может быть, я кого-то отыщу, кто сопроводит его к похоронам... Ему бы это понравилось — больше, чем... чем возвращение домой.

— Ему повезло, что у него была такая сестра, как ты...

— А мне повезло, что у меня был такой брат, как он, — она погладила Дэгни, и ладонь скользнула по спине до хвоста. — Столько людей будет на похоронах... Тебе сказали?

— Думаю, слишком много, чем я могу запомнить, — если б я хотя бы что-то помнила о

старых придворных — а что уж говорить о дворянах вне города, тех, кто выжил потому, что был в сотнях миль отсюда? Старики из известных семей, что предпочитали позволить молодому поколению поддаться шарму короля, ненавистники Его Величества, те, кого с презрением принимал двор, те, кто жил достаточно далеко, чтобы править своими землями так, как позволял себе этот король — ведь до этой поры он не был реальным правителем, даже не бывал там ни разу...

Все, кроме самых упрямых и тех, кто нынче болеет, приедут, чтобы присутствовать на похоронах старого короля — и увидеть их новую королеву.

Я подалась вперёд, пытаясь рассмотреть её книги.

— А как ты хочешь их всех разложить, по алфавиту?

— Может быть, сначала по жанру, потом — по размеру, и... Может быть, стоит по цвету?

Я рассмеялась.

— Это будет не слишком эффективно.

— Но зато на полках выглядеть будет просто замечательно!

Помощи от меня было слишком мало. На мой взгляд, большинство книг Наоми были обыкновенными глупыми романами. Для неё они казались такими разнообразными, и у каждой подкатегории было своё собственное пространство в их маленькой полочке, чтобы можно было подойти и сразу увидеть систему. Но всё это так весело — угадывать жанры, передавая ей книжки, удивляться тому, как она серьёзно задумывалась над тем, куда она их поставит...

По крайней мере, Наоми наконец-то заулыбалась и расслабилась.

Нас прервал стук в дверь. Я распахнула её — и узрела на пороге Рэйнольда Милсона с запечатанным конвертом в руках.

— Сообщение для вас, Ваше Величество. От Расмуса Холта.

— Благодарю вас.

— Не за что, Ваше Величество, — он низко поклонился, и мне пришлось сдержаться, чтобы не опуститься в ответном реверансе.

— Что это? — поинтересовалась Наоми, когда стражник поклонился ещё и ей и вернулся обратно на свой пост.

Я вновь провернула конверт в руках. Он был запечатан красным воском с оттиском орла и скрещенных мечей. Я до сих пор так и не завела свою печать — вероятно, об этом следовало позаботиться моим советником. У отца, конечно, была одна, с изображением ткани, что показывала его принадлежность к торговцам, уже со звездой, но это уж точно не для королевы. И мне надо было пользоваться чем-то, прежде чем я найду свою собственную — чтобы отправлять сообщения.

Бумага внутри была тяжёлой, немного жестковатой и мелко-мелко списанной. Имя за именем — наверное, больше полутысячи. Список гостей на банкете — и большинство вычеркнуты, а остальные отмечены звёздами или маленькими крестиками.

Имя короля вверху было зачёркнуто, и королевы, и его брата, и сына его брата... Все они погибли. Моё собственное имя было куда ниже по списку, отмеченное звёздочкой — отметка выжившего, — а вот имя Софии Торн было отмечено крестиком.

Погибшие, выжившие и те, кто по каким-либо причинам отсутствовал на банкете.

Если бы это был официальный список гостей, то в него не могли попасть те, кто явился без приглашения. Я осмотрела страницу, чтобы обнаружить, не добавили ли туда новые

имена и не вычеркнули ли кого-то, но никаких других пометок не обнаружила.

— Почему Холт вообще это тебе дал?

— Это всё для моего расследования, — ответила я. — Мой совет полагает, что за всё это ответственны Густавиты, но всё ещё под большим вопросом. Мне казалось, что следует просмотреть список гостей на банкете. Может быть, в нём тоже можно обнаружить что-нибудь подозрительное...

— О, ну тогда давай это сделаем, — согласилась Наоми. — Я возьму немного бумаги...

Когда она отошла к столу, я вновь пробежалась взглядом по списку. Но ничто не было выделено — это просто имена, в конце концов. Вот только нам следовало их осмотреть, исследовать, выяснить, что они делали в ту ночь. Некоторые из них выжили благодаря удаче, но вот некоторые могли и вправду знать, что же случилось — а ещё кто-то мог быть замешан во всём этом кровавом деле!

Большинство перечисленных я никогда не видела даже. Но всё равно выделялись несколько имён. Торстэн Вольф, лучший друг короля — и первый в очереди выживших, что были на банкете. Уильям Фицрой, королевский сын-бастард... Расмус Холт, новый советник. И отсутствовавшая Мадлен Вольф.

Наоми устроилась на полу рядом со мной с бумагой и пером для записей. Мы разделили страницы, и каждый выписывал выживших, что попадались в его части. Список оказался куда больше, когда мы разложили его на полу — целых двадцать четыре страницы!

Из всех выживших выше всего был Фицрой. Потом — я, Стэн и Наоми. Остальные дворяне были куда дальше в линии наследования — или и вовсе не входили в неё. Мои советники, несколько ещё более незначительных советников, далёкие тётушки, что всегда на всех неодобрительно косились...

— Ты считаешь, что он был именно среди гостей? Убийца... Ты правда так думаешь? — спросила Наоми.

— Я не знаю, — в любом случае, присутствие на балу давало им замечательную возможность подмешать что-то в еду, да и алиби — вдруг кого-нибудь поймают около блюд! Вероятно, были вовлечены и слуги — чтобы был доступ к кухне... А значит, кто-то мог отдать приказ о нападении, находясь довольно далеко от дворца.

Я записала на листах имя Мадлен, Густавитов, расплывчато-туманное «повар» и «кухонная прислуга», а ещё «дегустаторы», а потом мы с Наоми принялись работать над каждой из страниц. Всё, что знали о человеке. Близкие — из погибших и выживших. Отношения с придворными. Поведение после банкета...

Вклад Наоми был куда большим, чем мой собственный. Она подмечала детали — что бабушка Катрина обожала близнецов Элва, а значит, никогда не стала бы убивать их, что Каролина казалась какой-то зеленоватой весь вечер, а что вот эти два мужчины были пойманы на драке... Мои наблюдения ограничивались одними только сплетнями, которые я слышала и то случайно, да и подобные сведенья не были надёжными, а ещё тем, что я видела с того мига, как мы перебрались в Форт.

Дэгни каждый раз тянулась к нам, стоило только приняться что-то писать, так что Наоми вынуждена была вручить ей ещё бумагу — чтобы кошке было с чем играть. Пока она неистово гонялась за новыми игрушками, то успела разбить уже две склянки и разорвать что-то шёлковое, лежавшее на кровати, но, по крайней мере, нас больше не беспокоила — да и её бесчисленные бега заставляли Наоми нежно улыбаться.

— Нам придётся поговорить с каждым из них, это точно, — тихо проронила Наоми,

наблюдая за тем, как Дэгни гоняется за очередным бумажным шариком, нагло запихивая его под какой-то шкаф.

На самом деле, последним, что мне хотелось сделать, были разговоры с выжившими. Ведь надо не только поговорить с людьми... Их следует очаровать, бросить им вызов, направить их по пути, что выведет к правдивому ответу... Судить их поступки — принимать их оправдания.

Но я могла это сделать. Могла разговаривать с этими людьми. Ведь я говорила с Холтом, с Мадлен, даже оставалась спокойной, когда город был в состоянии хаоса. Я могла с этим справиться. Слишком уж это всё для мен важно, чтобы просто так взять и отступить, спрятаться за Наоми и верить в то, что ответы появятся на пустом месте. Просто ещё одна проблема, ещё парочка вопросов — и точка. Я действительно в силах совершить это.

— Итак, откуда стоит начать? — я провела кончиками пальцев по страницах. — Мои советники обвиняют во всём Густавитов, но мы уж точно не можем выйти из Форта и взять у них интервью. Будь у нас их книга или что-то из пропаганды... Но мои советники вполне ясно меня уведомили, что этого я точно не увижу.

— Но меня-то удерживать они точно не намерены! — воскликнула Наоми. — Значит, это станет моей завтрашней задачей, посмотрим, что я смогу сделать...

— Блестяще! — воскликнула я. — Ведь ты знаешь, что ты великолепна?

Она только пожала плечами.

— Догадывалась, но ты это уже говорила. Раз или два.

Тем не менее, разговаривать с выжившими должна была я сама. По крайней мере, от встречи со мной не отвертись — не то что с Наоми, ведь я королева! Но даже проведение времени вместе с подозреваемыми может многое прояснить...

Имя Стэна было ближе всего ко мне — словно бросало мне вызов, заставляя начать с него. Но тот разговор в библиотеке был таким страшным... Он, казалось, подозревал меня, причём на самом деле — разве мог так поступить убийца?

Нет, надо поговорить для начала с кем-то другим. Упростить немного собственное расследование. Я вновь осмотрела имена на листах бумаги и замерла — взгляд не отрывался от Уильяма Фицроя. Вне линии наследия, но так близко к королю... Всегда в центре двора. Даже если он был невиновен, знает же он что-то полезное, знает секреты, которые и вправду можно

— Итак, — с преувеличенной бодростью промолвила я. — Завтра!

Завтра я начну своё расследование.

Двенадцать

Отыскать Фицроя оказалось не так и просто, так что пришлось воспользоваться своей королевской властью и вызвать его к себе. Я едва ли могла заставить себя войти в импровизированный тронный зал, поэтому зашагала к своей наполовину укомплектованной лабораторией. Может быть, встреча в пыточной камере вызовет его на хоть какую-то честность?

Если моя стража и была удивлена моей просьбе, она этого не показала. Один из них ушёл, чтобы доправить сообщение, и я ждала у дальнего шкафа, пытаюсь продумать, что именно буду говорить.

Спустя минут десять мой стражник вновь постучал в дверь.

— Уильям Фицрой, Ваше Величество.

Я повернулась как раз тогда, когда Фицрой вошёл в комнату. Его преисполненный горем взгляд и помятый вид исчезли. Светлые волнистые волосы были красиво уложены, голубые глаза смотрели с прищуром — словно ничего и не изменилось. Он выглядел так, как выглядят принцы, и в один миг посмотрел так, словно бросал мне вызов. Я заставила себя встретиться с ним взглядом, игнорируя громкий стук сердца, и тогда он бегло посмотрел на меня.

— О, Ваше Величество... Чем обязан удовольствием присутствовать здесь?

Уильям Фицрой — о, как и все придворные! Зачем мне его бояться, ведь он никогда ни о чём серьёзном в своей жизни даже и не думал!

Думал — в том коридоре. Когда говорил, что я нахожусь не на своём месте.

Я шагнула вперёд, чувствуя, как неожиданно громко ударили о пол каблуки.

— Фицрой... Мне хотелось поговорить с вами.

— Ну, вот это я понял, — он прошёл вглубь комнаты, позволив двери за собой захлопнуться. — Но, Ваше Величество, не кажется ли вам это место для встречи немногонеобычным? Ну, конечно, если вы не собираетесь пытаться меня сегодня со всей жестокостью — мало ли, что можно ожидать от короля и королевы...

— Нет! — слово сорвалось с губ, и я покраснела. — Это моя лаборатория, — я промолвила это как можно спокойнее, заставляя себя говорить так, будто всё под контролем. — На самом деле, здесь не так уж и много свободных помещений.

— О, ну, именно поэтому вы вынуждены экспериментировать здесь... На мне? — он прошёл мимо меня, зацепив локтем край стола, и теперь всматривался в банки, что стояли на полках. — Мышьяк, цианид... Чем это вы здесь занимаетесь?

— Это уже было здесь, — слова сорвались с губ прежде, чем я смогла хотя бы подумать. Почему я позволила ему выбить себя из колеи. — С самого начала.

— Его сила должна была утратиться за эти долгие сто лет. А банки до того чисты... Должно быть, они благословлены самими Забытыми, если так хорошо сохранились, вам не кажется?

— Разумеется, именно так, — да, только идиотка будет надеяться на то, что он окажется не насмешливым и не грубым, учитывая то, что я вообще знала о нём. Его друзья всегда любили заставлять таких людей, как я, чувствовать себя идиотами. — Я изучаю всё это.

— Всё это — яды? Да на самом деле я просто уверен в том, что это они и есть.

Вот и проблема Уильяма Фицроя — или одна из них, если уж так говорить. Я должна была допросить его, но он так умело тянул нить разговора, что оборонялась я сама. Нет, больше я ему так себе вести не позволю.

— Я пытаюсь отыскать способ определять наличие яда в еде, не прибегая к помощи дегустаторов.

Он умолк. Чего б он ни ожидал от неё, явно не того, что я только что ему сама сказала.

— И вы действительно полагаете, что сумеете это сделать?

Я даже не колебалась.

— Да.

Он явно не ожидал от меня ничего подобного, поэтому сейчас бросил на меня долгий взгляд — я даже почувствовала себя победителем. Ему следовало знать, что он проиграл этот раунд — пожалуй, именно поэтому он и попытается сейчас сменить тему беседы.

— Значит, Ваше Величество... Почему же вы вызвали меня сюда, в вашу лабораторию для пыток? Полагаю, уж точно не для того, чтобы обсудить очередную ерунду. Или казнить меня, например.

— Совершенно, — он улыбнулся, и я выдохнула с облегчением. — Я просто хотела с вами поговорить, — я провела рукой по краю стола, позволив себе отвлечься на это движение. — Я хотела поговорить о том...

— О том, как я кричал на вас в коридоре? — он провёл ладонью по волнистым волосам. — О, я тогда был безумно груб...

Я смотрела на него. Он только что повинился, признавался в чём-то?

Вероятно, эта повинность — просто какой-то трюк, что должен в очередной раз вывести меня из равновесия.

— Я не нуждаюсь в извинениях.

— О, — промолвил он. — Может быть, позвольте мне попробовать ещё один раз?

Он встал передо мною на колени, склонив голову, и я отскочила от него.

— Ваше Величество, простите меня за те тяжкие оскорбления, что я вам нанёс! Я надеюсь на ваше прощение...

Он просто ужасен! Да и я не ожидала от него ничего другого. Уже появлялись первые намёки на панику — покалывало кончики пальцев, — но я лишь сжала руки в кулаки. Я не позволю ему манипулировать собой.

— Не стоит надо мною насмехаться.

Он поднял голову, удивлённо глядя на меня.

— Это ведь была просто шутка...

— Вы не шутили, — я отвернулась, считая вдохи и выдохи. Три удара — на четвёртом вдохнуть воздух. И успокоиться.

Он вновь встал.

— Я просто пытался пошутить. Я отнюдь не собирался расстраивать вас.

— Вы не собирались расстраивать меня, разумеется, но хотели повеселить себя моим прелестным обществом, — разумеется, он меня совершенно не уважал. Все представители старого двора были жестокими к кому-то подобному мне. Но он — придворный, а это означало, что он хотя бы немного должен быть культурен и тонок в своих насмешках — вот только я даже этого, кажется, не удостоилась.

Но чем быстрее я спрошу его то, что хотела, тем быстрее он оставит меня в покое.

— Я хотела поговорить с вами о ночи убийства. Хочу, чтобы вы рассказали мне всё, что видели.

— И зачем же вам всё это знать?

Он, кажется, попросту не умел оставаться серьёзным.

— Потому что старых придворных кто-то убил. И мне бы очень хотелось узнать, кто именно.

— И вы считаете, что это, может быть, был именно я.

Я повернулась к нему лицом. Он всё ещё занимал небрежную позу, но выражение его лица будто бы отражало яркое, просто осязаемое внимание.

— Я этого не говорила.

— Да, но ведь вы имели это в виду? Фрея, Фрея... Я вырос при дворе — и отлично разбираюсь в людях. А у вас тонкости куда меньше, чем у кого-либо, кого я только встречал в своей жизни...

— И что же случилось, что вы избавились от обращения Ваше Величество?

— Мне кажется, я имею право обращаться по имени, если вы обвиняете меня в убийстве.

Теперь что-то переменилось в его выражении лица, он казался не таким уж спокойным, и нечто неведомое вырывалось на свободу. Я ощутила укол вины.

— Я не обвиняла вас в убийстве, мне просто надо знать, что случилось.

Он приблизился ко мне.

— Вы меня совершенно не знаете — разумеется, нет. Почти все, кого я знал, умерли на том банкете... Мои друзья, мой отец. Вы вправду считаете, что я мог пожелать убить их?

— Их мог убить кто угодно, а король на банкете был очень зол на вас.

— Мой отец был зол на меня, кажется, как минимум половину моей собственной жизни. Он ненавидел меня уже за то, что я существую. Вот только это не повод убивать всех, кого я только знал.

— Я знаю, — вдруг вспомнилось, как он выглядел на следующее утро после банкета, когда я столкнулась с ним на лестнице. Такой сломленный... Вот только человек всё равно может быть виновным в убийстве — разве после этого он не стал бы мучить себя, съедать изнутри? Если он думал, что так следует поступить... — Но почему он на вас злился?

— Понятия не имею. Мой отец — слишком важная особа, чтобы рассказывать о том, что именно его не устраивает. Вам просто следует это понять. Мне повезло, что он менял своё мнение очень легко и быстро.

Никогда не думала об этом прежде... Я ведь знала, что король ругался с Фицроем едва ли не каждую неделю, но только это лишь придворные интриги, что никогда не приводили к человеческим смертям. Сейчас на Фицроя смотреть было как-то странно и неудобно — видеть в нём живого человека, а не важную фигуру при дворе.

— Но что же вы видели на банкете?

Он вздохнул, а после опёрся рукой о стол. Казалось, это его движение было последней каплей, разбившей рыцарскую броню. И когда он вновь заговорил, его голос звучал ниже и куда грубее.

— Я был там — хотя и не ел. Старался не расстроить своего отца, ведь он хотел сделать всё идеально — и уж точно не готовил ничего плохого для меня лично. И еды мне, впрочем, тоже не подавал.

— Прежде ваш отец толкнул вас на помост, чтобы вас поглотил огонь, стоит отметить.

— Да, он это сделал. Вот только я выжил, вновь сел и просто наблюдал за тем, как продолжалось празднество.

— И никаких тортов?

— О, торты... Он словно весь был сделан из золота — на меня отец это тратить не собирался. Так что все вокруг меня ели свои кусочки, а я получил обыкновенную губку, просто... Вот и всё. Это, конечно же, все комментировали, так что мне пришлось рассказать несколько глупых шуток, заявить, что на материке губка — это настоящий приз, который не способен получить кто-либо другой.

— И вы были расстроены? — в этом грустном, тихом Фицрое было что-то такое, что заставило меня подойти ближе. Он казался таким убедительным, почти притягивающим — словно обычный человек, брошенный в этот мир придворных. Такой же... Такой же, как и я.

— Был ли я расстроен? Пожалуй, совсем немного, ведь я привык к чему-то подобному.

Свершения Его Величества — смысл моей жизни, как и обычно. И оказалось, что мне повезло... Рядом со мной сидел Джеральд, шутил, смеялся — потом закашлялся, словно не мог дышать больше... Я спросил его, всё ли в порядке, а он отвернулся — и его вырвало. И прежде чем я отреагировал на это, все остальные вокруг меня внезапно попадали со стульев, побледнели...

— Все до единого?

— Нет, — отозвался он чуточку тише. — Это случилось не сразу... Вот что самое страшное. Многие люди рухнули на землю почти мгновенно, но многие всё ещё держались. Всех охватила паника, они толкались, пытаясь убежать из зала, как будто их спас бы свежий воздух...

Я закрыла глаза, чувствуя, как колотится сердце. Я могла представить себе эту толчею... Я не хотела, я пыталась спрятаться от мыслей, но те вспышками разрывались перед моими глазами — все те лица, которые я видела много лет, золото на полу и бесконечная паника.

— Мне так жаль...

Фицрой вздохнул.

— Люди ничего не понимали... У них кружилась голова, они чувствовали себя плохо — и они принимали это за яд, внезапно запаниковали... Но, может быть, это паника убила некоторых из них? Мы ведь сейчас ничего не знаем...

— А как вы себя чувствовали?

— Я просто смотрел, как все, кого я знал, страдали, умирали... Как я только мог себя чувствовать?

Я содрогнулась.

— Я... Я только пытаюсь понять.

— Так что, — продолжил Фицрой, — я просто не знал, что мне надо делать... Вы думаете, что, случись что-то страшное, вы бы поступили правильно? Может быть, вы бы не стали героиней, но что-то уж точно сделали бы, верно? А я просто стоял там и смотрел. Дрожал. А потом меня схватила стража и потащила куда-то из дворца.

— Почему?

— Почему я такой идиот или почему стража меня схватила?

— Вы совершенно не кажетесь идиотом, — на самом деле, я уже сотню раз величала его так в своих мыслях, но этого короткого разговора было достаточно, чтобы понять — это не правда. Да и никогда не было ею. Он был... Я совершенно не уверена в том, чем он на самом деле являлся, но вот уж точно не идиотом. — Я имею в виду, почему стража...

— Предполагаю, они подумали, что после смерти моего отца я мог бы стать королём.

По крайней мере, кто-то пытался короновать Фицроя в ту ночь... Предполагал, что это возможно сделать.

— А вы хотели бы стать королём?

— И что тогда? — он как-то болезненно, хрипло рассмеялся. — О, уж поверьте, это было последнее, о чём я только думал.

Я не могла смотреть на него спокойно, лишь вперила глаза в пол, пытаясь дышать.

— Мне так жаль... Так... Ваш отец...

Он умолк, а после тихо проронил:

— Что ж, по крайней мере, я выжил... Это куда больше, чем получило большинство людей в ту ночь — так что я настоящий счастливчик.

— Полагаю, я тоже, — руки мои тряслись, и мне внезапно так захотелось его утешить

— но могла ли я осмелиться на это? — Вы были столь честны со мной...

— Разве ж вы не желали этого?

— Желала. Но... — я никак не могла подобрать нужные слова. — Мне казалось, что вы... Я ждала не этого — я ждала, что вы станете надо мной смеяться...

— Так ведь вы королева.

— Это совершенно не остановило вас от грубостей и насмешек несколько дней назад...

— Это совсем не означало... — он вновь провёл рукой по волосам. Этот жест казался его выглядеть чуть младше — и напомнил мне о смешливом, шумном Фицрое, которого я привыкла видеть при дворе. — Это просто смешно, Фрея... Но — да, я учу. Именно так я пытаюсь выжить.

— Выжить? Зачем вам выживать? — казалось, этот текст был вырван из романа Наоми.

— О, мне это необходимо. Ведь я угроза для того мирка... И для этого, думаю, тоже. Так что, мне просто надо пытаться слиться с толпой, вот и всё.

— А разве вы не были для них достаточно хороши? — я не собиралась нападать на него, но вопросы сами по себе срывались с губ, требуя его ответа.

— Хорош? Для этого двора? Нет, это не обо мне! Стоит людям посчитать кого-то слабым — и этого человека разорвут на части! Или подумать, что это манипулятор — и опять на мелкие кусочки...

— Вместо этого вы просто пытались шутить над ними?

Он вздохнул.

— Это не означает, что мне доставляли удовольствие шутки — и над вами тоже. Я был слишком неловок — всё ли сейчас хорошо? И... Мне было так стыдно. Мне казалось, вы посмеётесь — но нет. Простите меня, Фрея.

Казалось слишком странным доверять ему.

— Это всё потому, что вы были честны со мной? Потому сейчас чувствуете себя виноватым?

— Я не знаю... — этот вздох был, казалось, уже разочарованным. — И уж не знаю, откуда у вас такое мнение обо мне, Фрея, вот только оно никогда не соответствовало действительности. Да, я был с вами честен, потому что скрывать мне нечего. Я не знал вас прежде, но сейчас и вы кажетесь честной. Не уверен, что это хорошо для правителя, вот только я вам доверяю. Понятия не имею, почему — вот только что-то заставляет меня не сомневаться в вас.

— И вы полагаете, что я должна вам доверять?

— Вероятно, всё же нет. Ведь я последний королевский отпрыск после того, как все... — эти слова так и не сорвались с его губ, он словно побоялся произнести это вслух — вспомнить о правде всего, что только случилось. — Не тот, что на самом деле имеет какое-либо значение, разумеется, вот только я уверен, что ваши советники уже давно рассказали о том, какая я угроза. Постарайтесь не отрубить мне голову, прошу вас... Она мне ещё пригодится на плечах.

Он всё ещё говорил серьёзно — настолько, что я содрогнулась.

— Я никому не собираюсь отрезать голову...

— Приму это как обещание, — он отвернулся и сделал шаг, выходя на середину комнаты. Напряжение между нами вновь вернулось, и мне показалось, что земля уходила из под ног.

— Вот почему вы мне можете доверять, Фрея, — начал он. — Если б не приступы

дурного настроения у моего отца, он бы уже давно сделал меня своим настоящим наследником. Он хотел сделать это совсем скоро. И если б он не умер, я стал бы следующим королём. Если вы считаете меня достаточно безжалостным, чтобы убить своего отца и всех придворных ради своего честолюбия... О, тогда это точно был бы не я! Такой человек не отказался бы от царствования. Я был бы в окружении всех, кого любил — тех, кого сейчас нет. Я не убийца, Фрея. И если вы его найдёте, скажите мне. Очень уж хочется содрать с него кожу...

Он коротко улыбнулся мне, склонил голову набок, словно это было очередной шуткой — ни единой капли серьёзности, — вот только плечи его всё ещё были напряжены. Может быть, он и вправду был готов убить того, кто ответственен за это — или шутил уж слишком талантливо, чтобы я могла это принять.

— О, конечно, я найду убийцу, — промолвила я. — Не беспокойтесь об этом, — хотелось сказать что-то большее, но я не могла подобрать слов. Он чувствовал, предвкушал что-то значительное — но между нами взамен воцарилось одно только молчание, и никто не мог рискнуть прервать его.

Какая-то часть меня хотела продолжить это разговор, заставить его говорить дальше, но руки дрожали, а сердце билось слишком быстро. Он чувствовал себя опасности — а я была слишком открыта.

— Спасибо вам, — промолвила я. — Спасибо, что пришли и что честно ответили на все мои вопросы.

Он коротко кивнул.

— Спасибо, это было очень приятно... Нет, конечно, не рассказывать о смертях, но... — он долго и пристально смотрел на меня. — Фрея... Надеюсь, ваши исследования будут успешными. Попробуйте дожить до этого успеха.

Тринадцать

Остаток своего дня я провела в прострации. Я была уверена, что Фицроя из списка подозреваемых можно вычеркнуть, особенно после этого разговора, но я так запуталась... Казалось, стало ещё хуже, чем до нашего разговора. Пыталась как-то привести в порядок вещи, которые принесли в лабораторию, но мне всё время казалось, словно на меня доселе смотрели его пронзительные синие глаза, и я всё ещё чувствовала в воздухе запах его духов.

В животе узлом скрутилось странное ощущение стыда. Мне всегда казалось, что Фицрой был обыкновенным дураком, и я даже не задумывалась, что он мог просто притворяться, прятать за этим что-то более существенное. Я ведь даже человеком его никогда не считала! Сначала Мадлен Вольф, потом Уильям Фицрой... неужели это человеческие смерти возымели на них такое влияние? Или, может быть, они всегда были такими, прячась за золотыми масками двора? И что ж говорить о моей наблюдательности, если я этого даже не замечала?!

Что говорить о моей человечности, если я даже не пыталась?

Во второй половине дня в комнату проскользнула Наоми, но она так и не приблизилась к своей истинной цели. Слишком уж опасно было показать окружающим, что она ищет книгу Густава, учитывая случившееся, и хотя Наоми была храброй, глупой её не назовёшь. Она говорила со столькими людьми, со сколькими могла, не вызывая подозрений, всё поворачивала к Густавитам, пользовалась лестью, чтобы старые придворные делились с нею

своими проблемами, вновь и вновь надавливая на больше места и пыталась убедить в собственной надёжности. Выжившие после банкета были более сдержанными, как говорила она, но вот те, что прибывали на похороны извне, казалось, считали эту ситуацию скорее источником для сплетен, чем огромным горем.

— Каждый считает Густавитов глупыми, впрочем, — продолжила Наоми, сжимая пальцами спинку своего стула. — Некоторые, казалось, даже их поддерживали, но я, впрочем, считаю, что они не могли бы гарантировать, что зашли бы хоть чуть-чуть дальше, чем просто болтовня...

— Предполагаю, что нет, — после встречи с Фицроем я на самом деле остерегалась общения с людьми. Слишком уж они непредсказуемы. Мне хотелось просто заниматься наукой — такой чистой, неоспоримой, такой простой для моего понимания.

— Давай-ка лучше займёмся тем, что поможет обнаружить яд, — Наоми с шелестом сгребла все бумаги, чтобы мне было куда что класть.

Я потянулась к толстым кожаным перчаткам, надела защитную повязку и вторую вручила Наоми, а после достала баночку с мышьяком, которую оставили предыдущие владельцы этой комнаты. Он походил на белый порошок — идеально для отравления врага, — цвета чистого металла, серебристо-серого.

Сначала я взялась за горение. Ведь разные материалы горят по-разному, когда их бросают в огонь, и если пламя от мышьяка будет достаточно заметным на вид, можно будет просто сжигать немного пищи, чтобы его обнаружить.

Не существовало и малейшего шанса, чтобы решение нашлось до того просто, но это было хорошим вариантом для начала исследования.

Я зажгла свечу, своими щипцами взяла немного чистого мышьяка. Наоми отступила назад, тщательно закрывая свой нос. Я задержала дыхание — и наконец-то опустила мышьяк в пламя.

Огонь стал синим, и в комнате почувствовался сильный чесночный запах.

— Ты сделала это? — промолвила Наоми, пододвигаясь ближе, и её голос зазвучал немного неуверенно.

— Ещё нет, — я положила остатки мышьяка в миску и погасила пламя. — Ведь для отравления людей использовался порошок — если б он возымел подобную реакцию, то...

Щипцами взять порошок не удалось, так что я зажгла ещё одну свечу, а потом посыпала его сверху, позволяя купаться в растопленном воске. Но ничего не случилось — по крайней мере, заметить я ничего не смогла. Может быть, более густым был дым, да, но порошок тут совершенно ни при чём. И он вряд ли собирался превращаться в некое предупреждение несчастным людям, что собирались вот-вот подвергнуться отравлению.

В любом случае, я всё записала, убедилась даже, что ни одной детали не пропустила. Может быть, ключевым был запах чеснока... Если б порошок испускал те же испарения, то обнаружить его было бы слишком просто.

Моё перо слишком громко царапало по бумаге, и я буквально чувствовала, как Наоми наблюдала за мною.

— Всё будет в порядке.

— Я знаю. Ответ кроется где-нибудь здесь.

— Это не то, о чём я думала, — она коснулась моего плеча. — Я думала о... о дворе, похоронах, обо всём этом. Разумеется, я уверена, что это ты точно сможешь сделать.

Я пожевала губу.

— Я здесь не для того, чтобы сделать это, Наоми. Мне надо было уйти, заниматься наукой, а не беспокоиться о придворных сплетнях, моде и правильных улыбках. Мне надо было бежать от всего этого — мне здесь не место!

— Фрея...

— Или ты считаешь, что я эгоистка?

Наоми посмотрела на меня.

— Нет, Фрея. Конечно же, нет. Ты...

— Я, — я устала сидеть на пятна на столе. Казалось, это было так важно — произнести вслух эту глупую фразу. Да, конечно, получить от Наоми подтверждение того, что я ошибаюсь или позволить думать себе, что я права... Да, во мне что-то билось такое страшное, отвратительное, то, что прежде я считала своей силой... Что мне теперь с этим сделать? — Фицрой — совсем не тот, кем я прежде его считала. Да и Мадлен, врезавшись в меня, просто хотела поговорить о благотворительности и о сиротах. Мне показалось, может быть, она просто играла на публику, но теперь... Теперь я думаю, что она была искренней, что её действительно всё это заботит. И я всегда отталкивала её — она ведь подходила им, а я нет... И как я могу быть королевой всех этих людей, если я даже ничего в них не понимаю? Я даже не могу принять себя саму!

— Фрея... послушай, — Наоми пододвинула свой стул, и теперь мы сидели очень близко друг к другу. Она обняла меня за плечи, и я буквально тонула в её объятиях. — Я совершенно не считаю тебя эгоисткой. Разное случается. Ты думаешь, что совершенно не подходишь этому миру... Да никто не подвохит! Ведь ты хотела уехать — разумеется, ты не пыталась с ними подружиться и не могла думать, что люди, что делали тебя несчастной, хороши и прекрасны! Но теперь всё изменилось, теперь ты — часть этого. Ты и вещи будешь видеть иначе. И разве всё это не входит в обязанности королевы? Ты совершенно не эгоистка, ты думаешь о них, как о людях. Всё прекрасно. Это то, что тебе нужно.

— Я не знаю... — я закрыла глаза, придвигаясь ближе, и теперь её волосы щекотали мне нос. — Но как я когда-нибудь смогу их понять?

— Ведь это просто люди, Фрея. Всё будет хорошо.

Вот только даже эта мысль казалась ужасной. Ведь люди так сложны, и я никогда не смогу угодить каждому из них.

...На следующий день Форт буквально наводнили посетители. Так как никто из этих дворян в ту ночь не присутствовал на банкете, а многие едва знали погибших, они не говорили так же мрачно, как и большинство, а друг друга приветствовали с радостью, и их голоса едва-едва утихали в притворном горе. Когда я проходила мимо них в коридорах Форта, они замолкали, кланялись, опускались в реверансе, а потом вновь возвращались к своим сплетням, стоило только мне пропасть с поля их зрения.

Я пыталась улыбаться так, как улыбалась мама, а ещё ходить, будто бы все коридоры принадлежали мне. Мне нужно было принимать визитёров, как раз за разом повторял папа. Они отбирали куда больше сил, чем хотелось бы признавать это любому правителю. Они собирали налоги в своих регионах, они были лицом закона и справедливости для всех, кто жил под их властью — и они оттягивали на себя огромную часть королевской власти. Простые люди знали их, уважали, боялись — всё зависело от обстоятельств. У них было множество связей, они хорошо знали землю, ресурсы, на которые никогда не смотрела корона, и я нуждалась в их поддержке. Ведь как можно объявить себя королевой одной лишь столицы, когда все вокруг будут настроены против меня?

Возможности отправиться в лабораторию у меня не было. Я вместо того декламировала отцу свою речь, пока не заучила её так, что, пожалуй, потом мой призрак будет блуждать по этим залам и читать вслух сию отвратительнейшую речь. Я отвечала на все вопросы Холта о столовых приорах и реверансах — а ещё всякий раз, когда мне удавалось улучшить свободное мгновение, я писала на бумаге идеи для разговоров, а ещё фразы, что могли заставить меня чувствовать себя в своей тарелке — готовилась так усердно, как никогда прежде.

В тишине Наоми помогала мне одеться — так уложила волосы, что это походило на некую невероятную спираль, лепёшку, удивительно сбалансированную на моей голове. Это выглядело просто смешно, и мне казалось, что Наоми добавит ещё с десятков булавок, чтобы это всё осталось на месте — но она ничепго больше не делала. Она говорила, что они к такому привыкли — а мне нужно казаться для них чем-то знакомым. Наоми серебром повела над моими веками, помогла подтянуть огромную вторую юбку, что слоилась каскадами шелка, была усеяна драгоценными камнями. Она тяготила меня — лицо и руки казались бесчеловечно малыми, и я хмурилась своему отражению, пытаюсь вернуть нормальные пропорции.

Когда ко мне пришёл отец — чтобы отвести туда, — он казался таким спокойным и уверенным, как и всегда при дворе — но всё равно волновался, дёргая то и дело свой рукав, а теперь ещё и удовлетворённо, одобрительно кивнул, кажется, будучи очень возбуждённым.

С Холтом мы встретились на подходе к тронному залу. Он окинул взглядом моё платье, волосы, драгоценности и нахмурился — но сейчас не посмел выступить против моего отца.

— Помните ли вы свою речь?

Я кивнула — мне было слишком страшно для того, чтобы хоть что-нибудь промолвить вслух.

— Сегодня забытые на Вашей стороне, — промолвил Холт. — И не только сегодня. Верьте во всё, что несли они в свою жизнь, и тогда они принесут вам удачу.

Это не казалось утешением, но я вновь кивнула, и Холт провёл меня к двери.

— Улыбнитесь, Ваше Величество, — промолвил он, — и всё будет хорошо.

Слуги открыли перед нами двойные двери, пропуская меня в тронный зал.

— Поклонитесь Её Величеству Королеве Фрее, правительнице Эприа! — закричал стражник.

Люди, казалось, и не спали вовсе, когда готовили эту комнату после моей коронации, этого поддельного празднества. Теперь тут были развешаны портреты короля Йоргена и всех его подданных — и казалось, теперь зал стал куда меньше, чем прежде, даже теснее подземелья. И вопреки толпе, что находилась здесь, внутри было всё ещё комнаты.

Несколько людей были мне знакомы — тот же Фицрой, Торстэн Вольф, — но и незнакомцев оказалось слишком много. Сотня незнакомых лиц, сотня пар незнакомых глаз, что так выжидающе смотрели на меня.

Улыбка. Я должна просто улыбаться. Я могла ощутить, как напряглось моё лицо, как задрожали уголки губ вместе с щеками. Они все видели, как я несмела, как я дрожу — в моих глазах сейчас уж точно отражался страх.

Я медленно пересекла комнату, направляясь к своему трону. Хотелось смотреть вперёд, делать вид, что я здесь совершенно одна, что всё вокруг — обыкновенная фантазия, вот только я не имела на это права. Я заставила себя осмотреться, посмотреть вправо и влево и встретиться взглядом с народом. Улыбнуться каждому из них. Не позволить себе заметить какие-либо детали.

На этот раз я не упала. Слава Забытым, хоть это мне удалось.

Я остановилась перед тронном, испытывая укол страха. Ведь это был трон короля, он был сотворён под его руководством и подходил для мужской одежды. А моя юбка — в два раза шире этого сидения, да и проклятый кринолин совершенно не собирался сгибаться. Я не помещусь. Я могла устроиться сверху, над этим тронном, и мои ненавистные юбки со звоном скрыли бы его от человеческих глаз, вот только это совершенно не достойное решение.

Но всё прекрасно, просто прекрасно. Просто стоять — и всё будет в порядке.

Я попыталась повернуться к вельможам как можно грациознее, но юбка казалась слишком огромной, и я пошатнулась. Прикрываясь ладонью, засмеялись несколько человек в зале, и я почувствовала, как сильно краснею.

Я могу сделать это. Могу. Я просто произнесу собственную речь — и всё закончится.

Слова застряли в моём горле. Я знала их — помнила! — но они никак не хотели срываться с языка. Сотня человек смотрела на меня, ожидая, как я наконец-то проиграю, и чем бол- Добрый день Всегда ли мой язык был столь огромен? Да и комната, кажется, раньше не кружилась так сильно...

Я могла сделать это. Могла. Просто следует заговорить — и всё закончится. Просто заговорить.

— Я рада приветствовать всех вас с прибытием в столицу — пусть меня и огорчает, что нас заставили встретиться столь трагические обстоятельства, — верно ли это? Слова казались такими жестокими, такими неестественными, но я продолжала их произносить... Всё в порядке, я не ошиблась, нет...

— Мы все потеряли стольких друзей из-за случившегося — и сегодня особенно ярко ощущаем их отсутствие. Но я знаю, что мы будем сильны, сможем собраться вместе, и горе нас только сплотит. Это честь для нас — помнить о том, что они были с нами и беречь воспоминания о них. Но теперь мы должны вести Эприа вперёд — и сделаем это! — слова рвались с моих губ, то быстро, то медленно, и мой отец бурил меня взглядом, даже не порываясь отвернуться. Постепенно возвращался ритм, и я будто бы забыла, что именно говорила, где находилась... Я только произносила знакомые речи и позволяла словам срываться со своих губ.

И тогда дворяне зааплодировали, а я отшатнулась, вернулась в своё тело, чувствуя, как сильно дрожать ноги.

Я сделала это. Да, я закончила эту проклятую произношу, не знаю, что сказала, но ведь папа мне улыбался, и Холт шагнул вперёд... Да, я правда сделала это.

Я чувствовала гордость — за то, что это был мой успех, — но мне казалось, что прошло целых два часа энергии на речь, длившуюся от силы три минуты... И мне нужно было вырваться — мне нужно было присесть и хоть немного успокоиться. Восстановить силы.

Но ведь мы всё ещё не закончили. Сначала мне следует встретить каждого из гостей, пуститься в нескончаемый пляс поклонов и реверансов.

— Это сэр Леонард, Ваше Величество, и его жена Изабелла, 0 представил Холт первую пару. — Они прибыли в столицу из вересковых пустошей на востоке нашей страны.

— О, мы были так убиты горем, когда услышали о случившемся на празднестве! — опускаясь в реверансе, воскликнула леди Изабелла. — Столько хороших людей — пожалуй, это просто кошмарно, находиться здесь и вспоминать, каковы они были, когда мы больше никогда их не увидим... А уж как вам было страшно наблюдать за этим...

— Меня там не было, — промолвила я. — И я не видела ничего.

— О, благодарите Забытых за подобное милосердие, как и мы делаем!

— Я помню вашу мать, Ваше Величество! — промолвила леди Изабелла. — Она освещала своим внутренним солнцем каждую комнату, в которой только находилась, и я была так огорчена, когда узнала о том, что она умерла...

— Спасибо вам, — тихо промолвила я. — Это очень приятно с вашей стороны — помнить мою матушку.

— Ваше Величество, — промолвил сэр Леонард, — когда закончатся похороны, надеюсь, у нас будет время обсудить вопрос налогообложения болот. Там небогатые люди, и я уверен, что вы знаете, насколько тяжёлым и ненужным бременем для них являются высокие налоги короля Йоргена.

— Я с радостью обсужу с вами эти вопросы, — спокойно ответил Холт. — Или, может быть, следует обсудить их с казначеем, отцом Её Величества? Разумеется, только после похорон.

— Я способна обсудить это с вами, — слова сорвались с моего языка прежде, чем меня успели остановить. — Если люди страдают, я должна знать об этом.

Холт посмотрел на меня, и я запнулась.

— Разумеется, мой отец окажет посильную помощь. Но если вы желаете обсудить... — я потеряла свои мысли так же внезапно, как и схватилась за них, но Леонард теперь иначе смотрел на меня, будто бы оценивая.

— О, разумеется, — промолвил он.

Подходило всё больше и больше людей, и каждого я старалась должно поприветствовать. Но я чувствовала себя такой оторванной от всего этого — будто бы действительно не существовало вещи, способной меня к этому миру привязать. Когда я натягивала на губы широкую улыбку, старалась быть дружелюбной и приветливой, казалось, я словно поддразнивала весь мир, слишком радостная для того, чтобы хоронить всех придворных прошлого. А когда я пыталась быть мрачной, то была слишком тиха, холодна и неприветлива — и ничем не примечательная. А когда сквозь всё это прорывались настоящие мысли — только на мгновение я ощущала прилив облегчения, прежде чем осознавала, что всё это не по-королевски, а потом и отталкивала все эти мысли прочь.

Казалось, вскоре всё успокоилось — и вечер потёк так, как должен был. По одну сторону зала была выстроена сцена, и толпа потекла к ней. Там стояло несколько стульев — очевидно, для пожилых дворян, — но самое близкое принадлежало мне. Там не было никаких подлокотников — и значит, мои юбки наконец-то могли поместиться.

Я опустила на него, благодарная за существование простого стула. Отдышаться не получалось, звуки казались слишком громкими, в ушах звенело, но зато у меня появилась секунда, чтобы восстановить силы — а потом я вновь столкнулась с пугающей неизвестностью.

Артист оказался рассказчиком — и рассказывал о мире из-за моря. Поведал историю, крутя рукоятку и меня изображение в своей шкатулке, о бедной девице, младшего брата которой поймали на краже хлеба. Она нарядилась мальчишкой и в качестве наказания вместо него отправилась в армию. Случилось это в тёмные дни Эприа, когда всё окутали война и боль, а Забытые бросили мир на произвол судьбы. Но Забытые всё ещё наблюдали за Эприа, показывали свою силу, и они вступились за храбрость и ум этой девочки. Они защищали её, подарили ей власть и дали спасти королевство от разрушения.

Забытых показывали тени, тихий шум ветра, силуэты драконового крыла и элегантные

изгибы лебединых шей. Эту историю, как и все при дворе, я прекрасно знала, но рассказчик был просто замечательным, и он превратил даже самые знакомые слова в нечто необыкновенно сказочное и красивое. Все привычные детали стали просто чудом для этой бедной девочки, в которой внутри пылала такая дикая, безмерная храбрость.

Сколько раз я видела это прежде, видела, как художник оживляет тень... Коробочка жужжала, показывая множество рисунков, превращая их в дополнение друг друга, мерцая огнями или шепча что-то для большего эффекта... Но такого я прежде не встречала. Рассказчику свет словно подчинялся, и его история была такая живая...

— Прекрасно, не так ли?

Я подпрыгнула на месте — даже не заметила, как Мадлен Вольф подошла ко мне. Она наклонилась очень близко, и рука с драгоценными камнями покоилась на моём запястье. — Он использует свет так, как будто был там... там, о чём рисует. Удивительно, но он может его и здесь контролировать. Фантастически!

Я кивнула. Она наклонилась чуть ближе, и её ноготки впились в мою кожу.

— Я хотела вас предупредить. Будьте осторожны с моим кузеном...

Что? Я вынудила себя оторвать взгляд от прекрасного представления.

— С вашим кузеном? — ошеломлённо пробормотала я. — Но почему?

— Он хороший человек — действительно хороший, — и желает только добра, но... Но он ослеплён своим горем по старому королю. И мне кажется, что он подозревает, будто бы вы тоже приложили руку к его смерти. Пока у него нет никаких доказательств, вот только он, Фрея, вам не союзник и никогда им не будет. Так что постарайтесь быть с ним более осторожной, вот и всё.

— Почему вы всё это мне говорите?

— Так ведь вы спасли мою жизнь — и заслуживаете знать. Вы куда лучше, чем он может позволить себе считать, — она отошла на шаг назад, сохраняя на губах всё ту же сладкую улыбку. — Это произведение столь талантливо... Надо будет пообщаться с этим артистом после того, как всё закончится...

Она ускользнула, оставив меня одну — просто смотрящую ей вслед. Сердце колотилось. Да, я знала о том, что Стэн подозревал меня, но никогда прежде никто об этом вслух не говорил, чтобы вот так взять и грубо подтвердить мои подозрения. Её поведение было таким странным... неужели она знает больше, чем сказала, понимает, что именно задумал Стэн?

Представление закончилось, и я зааплодировала вместе с другими, а после поспешила к артисту. Ведь слова Мадлен могли быть намёком, что он что-то знает — и я сама должна поговорить с ним. Но Холт положил мне руку на плечо, твёрдо останавливая и не позволяя ступить ни шагу.

— О, он был прекрасен, не так ли, Ваше Величество?

— Да, — кивнула я. — И я хотела бы его поблагодарить, немного пообщаться о его работе.

— О, эти люди никогда не раскрывают свои секреты... Пойдёмте, мне кажется, у придворных будет о чём поговорить после этого славного представления. Пора начинать.

Он потянул меня за собой.

Нам подали павлина на золотых тарелках, но, казалось, никто не мог заставить себя съесть эту птицу. Люди делали вид, накалывая мясо на вилки и поднося их к своему рту, но никто не проглотил ни единого кусочка.

Мне следовало начать есть, чтобы успокоить людей, но я едва-едва могла попробовать что-нибудь. Я должна была заставить всех есть — но не могла перестать думать о том, что во время представления сказала мне Мадлен. Я ведь не могла сказать леди Патриции, что влюблена в её волосы? Да, я собиралась вежливо обратиться к ней, но не звучало ли это так вынуждено? Ведь она, пожалуй, решила, что я её дразнила... а эта глупая улыбка, направленная на сэра Виктора — вероятно, он посчитал меня пустоголовой идиоткой! А моя речь... Я слишком мало помню, но и то звучало очень тревожно. А вдруг я перепутала слова и не заметила? И, наверное, это было скучно, монотонно, или они все посчитали, что всё это — моё отношение к ним...

Один из приглашённых встал. Он сжимал в руках свой золотой кубок, кивнул моему столу, слегка улыбнулся.

— Тост! — промолвил он, и голос его звоном разнёсся по залу. — За нашу законную королеву, что защитит нас от всех несчастий! — он высоко вскинул кубок и сделал большой глоток — все в зале последовали её примеру

Я замерла. Слова звучали почтительно, но в них таилось что-то злое — намёк на то, что я не законная королева. Он будто бы отметил, что есть кто-то, кто заслужил право на этот трон больше, чем я.

Я должна была что-то сделать. Что-то сказать, отреагировать как-нибудь и поставить его на место, взять ситуацию под свой контроль — но в моей голове было так пусто! Я не могла сейчас ошибиться — но что же делать? Нельзя принять намёк на угрозу... Надо ответить и воспользоваться самыми красивыми словами, самой красивой улыбкой... Но ведь во мне ничего этого не было!

Рядом со мной отец и Холт подняли кубки. И мне тоже следовало — или просто кивнуть, или сделать хоть что-нибудь... но моё сердце колотилось всё быстрее, руки дрожали, и я едва-едва могла двигаться, а уж о дыхании не было и речи...

Звон стекла. Я подскочила на месте — и все уставились на Фицроя, что улыбался, глядя на разбитый кувшин, точнее, его осколки у своих ног. Красным пятном на полу растеклось вино.

— Простите меня, Ваше Величество, — протянул он, вот только в его тоне не было ни единой капельки извинения, даже намёка на что-нибудь подобное. — Моя рука соскользнула, вот и получилось... Кажется, этой ночью я буду выступать вместо шута, вот и всё...

Я заставила себя кивнуть ему.

Он был совсем не тем парнем, с которым я разговаривала в подземельях, вновь вернулся в свою прежнюю шкуру, но дыхание вернулось ко мне, а мир прояснился.

— О, типичный Фицрой, — хохотнул мужчина рядом с ним, и голос его разлился мёдом по всему залу. — Такой невнимательный в самый ответственный момент.

Все рассмеялись, и разговор потёк живее и веселее.

Я попыталась поймать взгляд Фицроя, но он вновь не смотрел на меня.

Четырнадцать

Я наконец-то улеглась на кровать, и Дэгни выгнулась рядом со мной. В комнате было совсем темно, но мне казалось, что я всё ещё вижу узоры на балдахине, вышитые красные птицы, пантеры, что гоняются за ними, сверкающие звезды...

На рассвете будут проходить похороны. Похороны... Я повернулась на бок — да, я только на одних похоронах прежде бывала, и о тех мне хотелось вспоминать меньше всего на свете.

Они все повторяли, что моя мама умерла, и эти слова кружились в голове — они так жалели, так жалели... А я тогда им не верила. Потом наступили похороны — мой единственный шанс проститься с нею. Вокруг нас собралась толпа, и мне было так интересно, что там происходит, а ещё я ненавидела, что они воровали у меня секундочки — ведь никто из них не имел права находиться рядом с нею, только я одна. А потом я вдруг осознала, что моя мама пропала, она больше никогда не вернётся, никогда... Я не помнила, что было дальше — мне рассказывали люди. Я кричала, не дала священнику подойти к телу, отпиралась руками и ногами...

А завтра я должна разделить народное горе и сделать вид, что оно моё. Никого из тех, кого я любила, завтра вспоминать не будут. Я ничего не потеряла. И всё равно должна стоять перед ними такая, будто бы моя печаль имеет самое большое значение.

Я этого не вынесу. Я пошатнулась, встала с кровати — нужно отвлечься, нужно сделать что-то, отправиться в лабораторию. Там я наконец-то погружусь с головой в работу, займусь своими ядами — и никто больше не посмеет никого отравить.

Но когда я добралась до темницы, дверь в мою лабораторию была приоткрыта. Я её слегка толкнула, позволяя петлям заскрипеть.

Внутри сидел Фицрой, скользя взглядом по моим заметкам. Его светлые волосы были всколочены, глаза — мутными, и он вскинул голову, услышав мои шаги, и коротко кивнул. Вновь пропал тот харизматичный дворянин, которого я знала, оставив что-то новое, мягкое... Мне хотелось вырвать свои бумаги из его рук, защитить от него свои мысли... А ещё положить руку ему на плечо и немного успокоить.

— Фицрой? Что ты делаешь?

— Не мог уснуть, — промолвил он.

— И потому пришёл сюда? — я прикрыла дверь. Глухой звук эхом разнёсся по комнате.

— Не знаю... Очевидно, да. Надеюсь, что ты здесь окажешься.

— Я? — я медленно подошла поближе, чувствуя, как колотилось сердце.

— Ну, не знаю... Ничего, что на ты? — усмехнулся он. — Мне просто надо было чем-то заняться, и... и мы были честны друг с другом в последний раз. Я так устал от этой притворной вежливости, и мне надо было что-то... Я думал — может быть, ты работаешь, а я мог бы немного помочь...

Он казался таким потерянным. Уильям Фицрой среди моей лаборатории, бессвязно оправдывающий себя — мне следовало разозлиться, вот только сколько б я не призывала свою злобу, она так и не приходила. Я ведь могла его прогнать, а сама...

— Ну что ж, — промолвила я, — ты и вправду можешь помочь. Только дай мне добраться до материалов.

Моим следующим тестом было растворение мышьяка в воде. Я совершенно не надеялась на то, что это будет хоть немного заметным, но должна ж я была изучить все возможности, не позволив воле случая дать мне упустить хоть что-то.

Я уже подготовила две пробирки с водой, а Фицрой всё ещё листал мои заметки.

— Это очень... Любопытно.

— Должно быть, да, иначе какой в этом смысл?

Фицрой коротко кивнул.

Я поставила пробирки в центре стола, подальше от Фицроя, потом взяла кусочек чистого мышьяка, не давая себе взглянуть на Уильяма — он казался слишком напряжённым, и воздух между нами словно потрескивал. Опустила мышьяк в воду — но ничего. Я немного взболтала, словно это могло быть катализатором реакции, но вода даже не зашипела.

Порошок тоже не отреагировал. Как я и ожидала, он растворился в воде, но не открыл своего присутствия ни единым намёком.

Я записала на листе результат своего исследования, а Фицрой всё смотрел на жидкость. Раз — ну, ладно, два, — я всё же на него взглянула. Слишком много в лаборатории он занимал... Слишком много и тихо.

Ему казалось, что я его ненавидела, и я не могла оставить это таким. Он прежде мне не нравился, но я ведь с ним даже не разговаривала. А сейчас... Сейчас я просто не знала, что о нём думать — и не знала, что надо делать, когда он находился так близко.

— Это не так, как ты говоришь, — я посмотрела на мышьяк, и казалось, будто бы говорила с ядом, а не с Фицроем.

— Что? — я чувствовала на себе его взгляд, но не обернулась.

— Ну, раньше... Ты говорил, будто я тебя ненавижу — но это не так. Я просто не знала, — я посмотрела на свои заметки, пытаюсь подобрать нужные слова. — Теперь надо проверить реакцию на кислоту. Если хочешь помочь — отыщи в этих ящиках бумагу. Такую розово-фиолетовую.

Я не видела его реакцию, но слышала, как он приблизился к ящикам, открыл их, пытался что-то найти. Я примерно помнила, где что лежало, но не могла сосредоточиться настолько хорошо и настолько ясно думать. Я и заметки-то едва делала.

— Мне очень жаль, — промолвил он, и я подскочила на месте. — Никто не верит мне — ты тоже, — но мне очень жаль.

Он всё ещё решительно рыскал в ящиках, и я понятия не имела, что он имел в виду.

— Жаль относительно чего? — спросила я.

— Относительно той первой ночи. Твоей коронации. Я сказал, что тебе здесь не место. Я был расстроен — папа, и все... А ты там, стояла на его помосте, вся такая неподобающая и непохожая на них, мне просто хотелось вытащить тебя оттуда. Вернуть всё как прежде. Но это совершенно не твоя ошибка. Только моя.

Я не знала, что мне надо ответить.

— Фицрой...

— Каждый называет меня вот так, каждый так знает, — он полез в следующий ящик. — Фицрой, сын короля. Они только для меня придумали это имя — чтобы все знали, что я другой! А ты хоть знаешь, как меня на самом деле зовут?

— Уильям, — прошептала я. — Уильям Фицрой, — я вновь посмотрела на свои записи. — Я просто не думала... И если ты хочешь, чтобы я называла тебя Уильямом, то... я просто не знала...

— Нет-нет. Не беспокойся, — покачал головой он. — Все зовут меня Фицрой. Да я сам себя так зову! Просто не знаю... Меня никогда не считали чем-то отдельным от моего отца, от этого проклятого двора. Меня словно не существует!

— Ты существуешь.

Он мягко покачал головой.

— Ты думаешь обо мне лучше, чем я есть.

Я ничего не ответила.

В этот же вечер — чуть раньше, — он помог мне, когда этот дворянин пытался окрутить меня вокруг пальца. Почему? Зачем было это делать, выставить себя дураком, только для того, чтобы спасти негодную королеву? Ведь он не позволил мне пострадать. Я была в ловушке собственной паники, не могла отреагировать на брошенный мне вызов — и в тот же момент он всех отвлек, превратил беседу в что-то лёгкое и плавное.

Я подошла к рядам банок у дальней стены. Там не было ничего из того, что могло мне понадобиться, но надо ведь хоть что-то делать! Поэтому я просто переключивала банки, не глядя на этикетки, с места на место — и не прочла ни единой строки.

— Почему ты мне помог? Там, на банкете?

Молчание будто бы превратилось в третьего человека. Оно стояло за моей спиной, разрастаясь всё больше и больше — до той поры, пока не заговорил Фицрой.

— Я тебе совсем не помогал, — промолвил наконец-то он, — а просто по глупости опрокинул немного вина. Со мной такое часто бывает.

— Ты пошутил — и заставил их смеяться над собой, а не на мной. Я понятия не имела, что делать, и ты... — я сжала губы. — Я оценила это, правда, — эти слова срывались с губ тяжелее, чем следовало, и в них было слишком много смысла. Но я ценила это так сильно, что даже не могла выразить словами. — Спасибо тебе.

— Ты должна быть осторожна и не позволять людям вести себя вот так.

— Я не... Я действительно собиралась ответить. Но я даже не могла думать...

— Ты могла сделать что-нибудь, — проронил он. — Ты могла просто кивнуть, ласково ему улыбнуться — и стала бы победительницей хотя бы этого раунда. Да ты могла просто сказать ему «спасибо», показывая, что всё это относилось к тебе. И всё. Больше ничего не надо было — им хватило бы твоего осознания, что ты законная королева — этого подтверждения обычно достаточно, чтобы поверить человеку, занимающему трон. Даже больше, чем достаточно.

Он озвучил это так легко, и так просто... Наверное, для него это и было чем-то обыкновенным, элементарным и столь лёгким, что я никогда бы не ощутила.

— Всё не так уж легко. Я знаю, что должно, что я обязана соответствовать, н... — и оправданий у меня не было. Мне следовало быть уверенной, я старалась оставаться элегантной, чтобы превратиться наконец-то в королеву, ту, которой они искренне желали бы долгих лет царствования в этой огромной, удивительной стране на острове... И я много часов повторяла свою речь, репетировала, отчаянно пыталась быть такой, как им нравится. Всего на один-два вечера. Мне надо было сыграть роль, такую короткую и такую лёгкую. Да, я пыталась — но просто пыталась! Как только заканчивалась моя решимость, всё это превращалось в бессмысленный прах. Притворство длилось слишком долго для того, чтобы можно было продолжать его терпеть. Слишком.

— Ты очень умна, Фрея, — наконец-то промолвил Фицрой, своими словами разбивая тишину. — И я знаю — уверен! — что ты можешь перехитрить каждого из них.

Я умолкла на мгновение, и моя рука замерла над ртутью.

— Ты в это не веришь.

— Как я могу в это не верить? Ты вообще видела это место, Фрея? Ты видела, чем именно ты здесь занимаешься?

— Но при дворе всё иначе! Тут умным быть совершенно не нужно — да и вряд ли получается. Когда я там, все мысли словно вылетают из моей головы. Это как будто...

Словно я не в той комнате. Тут я могу доверять своим инстинктам, там — даже не знаю, что делать. И думать над тем, что надо делать, я тоже не могу.

— Так не думай. Следуй своим инстинктам, как только что сказала!

Но ведь мои инстинкты не были инстинктами королевы, и мне следовало действовать так, как от меня ожидали, иначе никто никогда меня не примет. Я закусила губу — огласить эту правду было слишком трудно.

— Я нашёл эту бумагу! — победно воскликнул Фицрой. — Займёмся тестом?

Для этого мне следовало к нему приблизиться, и я чувствовала каждый шаг приближения к нему, пока пересекла комнату. Он протянул мне бумагу, и я взяла её так осторожно, чтобы не прикоснуться к нему, что аж самой стало страшно.

— И чего мы ждём? — поинтересовался он.

— Если в мышьяке есть кислота, бумага покраснеет.

— И как это может нам помочь?

Я опустила бумагу в растворившейся яд, и она стала светло-алой.

— Это кислота? — поинтересовался Фицрой.

Я кивнула.

— Этого недостаточно, чтобы доказать присутствие мышьяка, но реакция сама по себе может быть очень полезной. По крайней мере, на кухне это могут использовать при испытании напитков, чтобы убедиться, что в них не подмешали кислоту.

— Да, это бы помогло, — он всё ещё смотрел на бумажку, — а что дальше?

— Кислота, — промолвила я. — Попытаемся растворить мышьяк в разных кислотах и посмотрим на реакцию. Если будет интересный запах, цвет, появится какой-нибудь дым...

— Кислоты, — послушно кивнул он. — А что мне сделать?

Я покосилась на свои руки.

— Боюсь, что у меня не найдётся перчаток, что подошли бы тебе, а кислота очень опасна...

— Я могу быть очень осторожным, — он посмотрел на свои ладони, а после перевёл на меня взгляд, в котором почти что чувствовалось отчаянье. — Фрея, пожалуйста... Мне нужно помочь тебе.

— Я... Я не могу, понимаешь, не могу. Хотя... Знаешь, подбери несколько мензурок, — вздохнула я. — И пипеток пару штук. Мне придётся менять их для каждого нового соединения, так что, надо запастись достаточным количеством.

Он был слишком уж близко. Между нами был, конечно, примерно один фут, а то и чуточку больше, но всё равно — слишком близко. Я понесла материалы к дальнему столу, почти радуясь, что все баночки с кислотами находились уже там.

Наука должна успокаивать. Она всегда помогала мне сосредоточиться, несмотря на то, что происходило вокруг меня. Но теперь, когда здесь был Фицрой, я чувствовала себя рассеянной, зная о нём то, что не могла знать даже о себе самой.

Некоторое время мы работали в тишине, задавая только случайные вопросы относительно экспериментов. Я маркировала каждую мензурку, каждую баночку, что мы использовали.

— Замечательно, — промолвил Фицрой, — если ты сможешь определить что-то подобное. Не только дегустаторы... Ты могла бы продать это в другие королевства или каким-нибудь дворянам да купцам, что страдают паранойей. Королевству всегда нужны деньги.

— Королевству нужно слишком много денег, не так ли? И что с ними делать, сотворить фонтан из жидкого золота?

— Фрея... — он молчал, пока я не подняла на него взгляд. — Ты действительно не знаешь, да? Придворные, конечно, богаты, но откуда, ты думаешь, они берут деньги? Казна пуста. Мы нуждаемся в золоте.

За все годы своей работы в казне, папа никогда мне об этом не говорил. Даже не заикался.

— Ты уверен?

— Более чем, Фрея.

— Ну... Значит, нам надо распродать богатства двора. Например, часть всех этих отвратительных драгоценных камней. У нас есть средства, даже если они не в монетах.

— Ты не сможешь этого сделать, потому что люди будут протестовать. Решат, что ты не имеешь права быть королевой, не будут тебе доверять, — он уставился на меня немигающим взглядом, и я чувствовала, что начинаю краснеть. — Это хорошая идея, — более мягко кивнул он, — распродать драгоценности. Но сейчас это нереально. А вот определитель яда... Вот это более чем удачно, если у тебя удастся это сделать.

Я отвела взгляд в сторону.

— Мне удастся.

— Но откуда ты можешь знать?

— Просто так. Ведь должен быть путь. Мы не можем вновь позволить себе потерпеть неудачу?

— Ты думаешь, что это поможет разобраться со всеми убийствами?

— И это тоже.

Мы вновь приблизились друг к другу, пока разговаривали, и теперь между нами было не больше полуфута — я буквально чувствовала прикосновение складок его рукава к своей коже. Он так тревожился — всё это было бессмысленно... И я провела пальцами по волосам, отчаянно пытаясь отогнать тревогу подальше от себя.

— Ты должна найти путь... — повторил он, — потому что заботишься о моём отце и покойном дворе или потому, что хочешь себя защитить?

Эти слова должны были жалить, будто бы истинное обвинение, но в устах Фицроя они звучали будто бы всамделишный вопрос, и ответ казался невероятно важным в первую очередь для меня самой.

— Частично для того, чтобы защитить себя, — тихо промолвила я. — Частично — чтобы защитить всех. Если нападения повторятся... Сколько ещё людей может погибнуть? И разве это не моя ответственность — убедиться, что ничего такого не будет? Не то чтобы это было виной твоего отца — смерть всего двора, — но теперь, когда мы...

— Мой отец был ужасным человеком.

Я смотрела на него. Это заявление было не внезапным, не взятым будто бы из воздуха, и оно словно разрушало весь его мирок — а он всё так же отмерял кислоту, словно вообще ничего не случилось.

— Что?!

— Мой отец. Он был просто ужасен. Никогда не заботился ни о ком, кроме себя самого, — его речь звучала абсолютно спокойно, но гнев плескался где-то в глубине души, прячась за слоями слов, словно он давно уже подавлял это чувство, а оно всё рвалось на свободу. — И он точно знал, кого хочет видеть вместо тебя — и наказывал, пока не

изменишься. А я никогда не был тем, кого он хотел видеть на моём месте.

— Фицрой... — я понятия не имела, что должна ему сказать, ведь не знала его достаточно хорошо, чтобы не согласиться. — Даже если ты в этом уверен, это ещё не означает, что это правда...

— Конечно же, это правда, — он говорил это так спокойно и так равнодушно. — Он хотел, чтобы я был его настоящим сыном. Реальным наследником. Но я не мог им стать — и тогда он мечтал, чтобы меня и вовсе не существовало. Но и этого я сделать не мог. Определись он, чего желал больше, то совершил бы это, но он менял своё мнение по нескольку раз на день. И даже если б я делал то, что он хотел, я бы никогда не успевал за его мыслями — он ведь менял решение каждую секунду.

— Ты — настоящий сын.

Он рассмеялся.

— Я ведь уже говорил тебе, Фрея, что всегда должен был делать что-то, чтобы люди пытались меня принять. Я ведь угроза. А если б у моего отца был настоящий сын, я б стал угрозой и для него. А если б его не было, я был бы угрозой для всех остальных... Будь я слишком серьёзен, я бы превратился в сплошное разочарование. Легкомысленен — не доказал бы им, что имею честь быть его сыном. А ещё у меня никогда не могло быть своего мнения, если оно не соответствовало с его собственным, и я должен был отбрасывать его каждый раз, как он требует. Каждую секунду своей жизни я пытался соответствовать — а ведь даже не знаю, кто я. И в итоге, это всё так бессмысленно...

Я не знала, как ему помочь — хотела, но не могла.

— А твоя мать? — спросила я.

— Понятия не имею. Её словно и вовсе не было в моей жизни, и мой отец... Просто хотел её забыть.

— А что с нею случилось?

Он только быстро пожал плечами.

— Она ушла — это всё, что кто-либо мог мне сказать. Я, конечно, узнал о ней совсем немного, когда сам искал, но... — он вздохнул. — После всего этого я его любил. Всё ещё мечтал о его одобрении. А теперь он мёртв, как и все остальные, и теперь уже...

Он покачал головой.

— Он спрашивал меня раньше, хотел ли бы я когда-нибудь стать королём. А я не знаю, хотел ли на самом деле править. Но будь я королём, может быть, тогда он наконец-то одобрил бы меня? Да, да, я хотел. Иногда это было моей единственной целью. Но я не боролся за власть, у меня не получалось сражаться... Просто это значило что-то раньше... А теперь и этого не осталось.

— Мне так жаль... — этот импульс казался слишком сильным, чтобы я могла воспротивиться. Я протянула руку, касаясь его ладони. Он смотрел на мои пальцы — как и я, — и я чувствовала жар его тела.

А после Фицрой отступил, потянувшись за следующей кислотой, и моя рука безвольно упала.

— Ну, а что ж ты? Готова к завтрашнему дню?

Я закрыла глаза.

— Я к завтрашнему дню вообще никогда не буду готова, — мне тоже следовало быть честной, но казалось так сложно оставаться правдивой — учитывая то, насколько эгоистичным мне всё это казалось. — Я чувствую себя будто какой-то воровкой... Они будут

смотреть меня и ненавидеть за то, что я тут, когда все те, о ком они заботились, давно уже отошли в мир иной.

— Нет, не будут, — покачал головой Фицрой. — Только не завтра. Завтра все их мысли будут сконцентрированы на них самих и их огромном горе, так что они не станут ненавидеть тебя за это.

— Но ведь я буду там! Прямо у них на глаза, королева, что занимает чужое место, когда не может... — я взглянула на него, чувствуя свой испуг. Я не сказала, конечно, что я не настоящая королева — не произнесла этого вслух. Но Фицрой лишь покачал головой.

— Если люди не будут тебя знать, они завтра тебя даже не заметят. Уж поверь. И если даже заметят — сил на ненависть у них не останется, а никто по-настоящему присматриваться не будет.

— Люди всегда присматриваются.

— Да, обычно они это делают — но сегодня совсем не тот день. И завтра тоже.

— Я всегда думала... — я запнулась, пытаюсь собраться с мыслями. — Мне казалось, что тебе было бы всё это очень легко и просто. Мне всегда казалось, что ты...

— А мне казалось, что это должно быть легко для тебя. Никто на самом деле не думает о том, что происходит с человеком.

— Я думаю, — возразила я яростнее, чем хотела. — И мой отец... Люди, которые помнят мою мать, то, какой она была прекрасной. Я чувствовала их взгляды на себе всё это время, и мне не хотелось быть частью этого! Мне просто хотелось запереться здесь и остаться наедине с наукой...

— Но ты ведь заставила себя попробовать?

— Нет, это скорее мой отец заставил меня, — выдохнула наконец-то я. — На самом деле я хотела сбежать и учиться, стать учёным... Совершать далеко-далеко открытия. Но теперь всё это невозможно.

— Ты могла бы... — тихо промолвил он.

— Нет, не могла. Ведь теперь я должна быть королевой, и если я не удержу за собой трон...

— Ты могла бы! — настойчиво повторил он. — Если б ты убежала далеко-далеко, за моря, если бы сменила своё имя и никогда больше не упоминала о своей жизни — о прошлой жизни. Они сделали бы королевой Мадлен Вольф, и до той поры, пока бы ты не появилась вновь на арене, они бы просто позабыли о тебе.... Особенно те, что, вероятно, не могли не найти тебя. Ты просто могла бы уехать.

Эта возможность никогда не приходила мне в голову. Да, я действительно могла сбежать на материк, далеко-далеко отсюда. Исполнить все свои мечты в одночасье... Но одна мысль об этом была не такой прекрасной, как мне казалось. Я просто почувствовала новый прилив напряжения и тревоги, ощутив возможность совершить то, на что я прежде даже и не надеялась. Этот план — план Фрей недельной давности, а от неё теперь не осталось и следа, равно как и ото всех мечтаний. Я не могла уйти. Не могла просто взять и оставить тут всё на произвол судьбы.

— Я не уйду, — прошептала я.

В лаборатории вновь воцарилась тишина, а после он так тихо, что я почти не слышала, пробормотал:

— Хорошо...

Пятнадцать

Мы были у реки, когда взошло солнце.

Все дворяне расположились вдоль берегов, нарядились во что-то жёлтое — символ весны и солнца. В рассветных лучах особенно ярко сверкали драгоценные камни.

Остальные выстроились вниз по течению руки. Толпа всё увеличивалась и увеличивалась, и люди почти что стояли в воде. Многие сжимали в руках флаги и плакаты, помеченные звёздами короля Йоргена, вот только некоторые из них были сшиты из обрезков старой ткани. Вдоль берега блуждало несколько недобросовестных торговцев — они всё предлагали продать волос короля перед его последним шествием, — а какие-то глупцы подбрасывали в воздух счастливые монеты.

И мёртвые на воде в сотнях деревянных лодок. Одни — простые, другие — с резными фигурами на боках, именными гравировками и просто изображениями гербов. А у самых богатых лодки больше походили на странных лебедей с изогнутыми шеями, на хвосты русалок или какие-то крылья, а шелка, в которых они лежали, были достойны лучшего, чем могилы.

Король и королева оказались в одной лодке, на драгоценных камнях — драгоценностях, которые должны будут утонуть. Люди бросятся в реку, стоит только закончиться похоронам, ведь даже один камень может прокормить семью на много лет вперёд. Люди будут за них сражаться, будут тонуть в реке, лишь бы отыскать хоть один.

Пустая трата времени. Пустая трата денег. Пустая трата жизнью.

Я взглянула на Фицроя. Мы стояли на деревянной платформе на краю берега, в нескольких дюймах от королевской лодки, от тела его отца, но он туда не смотрел — пристально глядел на деревья по ту сторону реки, сжимая челюсть.

Мне хотелось успокоить его, исправить хоть что-то из всего, что только случилось — но не могла и коснуться, потому что между нами стоял священник с моей коронации, продолжая что-то болтать, окружённый сиянием огромных факелов.

— Они получили покой после всего этого, — промолвил он, — и наш король и королева, все те, кого мы любили, теперь начинают своё путешествие к Забытым, чтобы стать одними из них или хотя бы верными их сподвижниками. Их тяжёлый труд и любовь к своему народу приближают их к истинному завершению судьбы этого мира, и они будут ждать нас в блаженстве, пока наконец-то мы не придём к ним.

Наступал алый, кровавый рассвет, и казалось, что золото буквально растекалось по всему небу. Священник повернул ко мне голову, и я шагнула вперёд, сжимая в руке огромный деревянный факел и старалась не рухнуть из-за безгранично тяжёлого платья.

Факел вспыхнул, и пламя рванулось вперёд, заставляя меня отшатнуться, содрогнуться от потока тепла.

Вдоль берегов реки все — родственники жертв, просто приезжие дворяне и ротозеи, — вскинули свои пылающие факелы. Наоми затерялась где-то там — я пыталась рассмотреть её сквозь потоки пламени. Хотелось верить, что с нею всё было хорошо.

Я приблизилась к телам короля и королевы. Они были облиты каким-то веществом, и приятный запах трав частично спрятал лёгкое зловоние распада, ведь ничто не спасёт тело от гниения. Оба они казались мирными, с закрытыми глазами, расслабленными лицами... Кто-то их, очевидно, укладывал — эта мысль смутно скользила в моём сознании, — ведь надо было спрятать кошмар их смерти. Королева без диких причёсок казалась моложе и

добрее, король был величественен, как никогда.

Разумеется, я знала, что они давно умерли, но в груди что-то сжималось от одной мысли, чтобы их сжечь. Они казались настолько реальными, насколько, может быть, мы могли бы их представить — стоит только крикнуть, и проснутся. Вот только если я их сожгу, они уже никогда не смогут открыть глаза...

— Ваше Величество? — тихо прошептал священник. Все меня ждут. Я протянула руку, и пламя, взметнувшись вверх, коснулось королевских ног. Огонь рванулся вперёд — и в одном порыве захлестнул два тела.

Я отступила назад, и Фицрой шагнул вперёд, сжимая в руках меч своего отца. Одним коротким ударом он отделил лодку от платформы. Течение подхватило её, швыряя вниз по течению, увеличивалось всё больше и больше пламя, а густой чёрный дым взмывался вверх. Когда лодка достигла середины реки, люди вдоль берегов зажгли и другие лодки, и те тоже последовали за своим королём.

— Пусть они обретут покой, — провозгласил священник, — и мы встретимся с ними вновь!

— И мы встретимся с ними вновь, — повторила покорно толпа, но торжественность слов, казалось, в одно мгновение превратила их в каменные статуи. Когда мимо проплывала королевская лодка, они махали флагами, бросали священные монеты, а некоторые радостно кричали, стоило монетам упасть на саму лодку, словно на долгие годы удача теперь принадлежала им. Словно это огромное везение — бросить какую-то монетку в могилу короля, погибшего в день собственного рождения.

С лодки посыпались драгоценные камни, падая в глубокие тёмные воды реки, скользя по течению. Сколько времени пройдёт, прежде чем за ними кто-то нырнёт?

Первая из всех остальных лодок наконец-то поравнялась со мною. Я смотрела, как на ней так же ярко полыхало пламя — она была на грани распада, того мига, когда от прошлого не останется ничего.

Рядом со мной, всего в нескольких дюймах, всё ещё стоял Фицрой, глядя на воду, словно ничего не видя. Мне хотелось его утешить, сделать что-то, но я едва знала его — и даже взять за руку казалось невыносимым вторжением. Поэтому я молча смотрела на воду — равно как и он, провожала лодки взглядом.

Монеты падали в воду. Потрескивало, умирая, дерево. И толпа приветствовала их, плакала, прощалась со старым двором навсегда.

...Моя повозка гремела по улицам после похорон. Лошади брели так медленно, что, наверное, пешком я дошла уж точно быстрее. Я сидела одна в открытой повозке, и толпа людей всё сжималась и сжималась вокруг меня кольцом. Мне казалось, что большинство людей избрало бы лодки, чтобы спокойно добраться до дома... И дать мне доехать. Но они то ли решили подождать здесь, то ли покинуть похороны раньше меня самой, но улицы были битком набиты.

Я заставила себя вдохнуть воздух. И Фицрою здесь было очень плохо... Дворяне слишком поглощены горем, чтобы следить за мною — вот только это не касалось многих из этих людей. Толпа растянулась просто до бесконечности, и людей были десятки тысяч — у каждого свой голос, свои мысли... И свои причины меня ненавидеть.

Люди кричали мне разные вещи — но их голоса просто смешивались воедино, обращаясь в один расплывчатый крик — «Ваше Величество!»

А после что-то мокрое ударило в моё лицо. Я отшатнулась, рукой коснулась своей

щеки, чувствуя на кончиках пальцев липкую красную жидкость. Она стекала по руке, капала на синий шелк платья — и ещё один помидор ударился в моё плечо. Я вскинула голову, чувствуя, как колотится сердце.

— Долгих лет царствия! — воскликнула женщина, швыряя гнилую репу в карету. Та ударилась в дверь, разорвалась на мелкие части. Толпа разбилась на группы, и моя стража рванулась вперёд, заламывая руки протестующим.

— Долгих лет царствования! — вопили они, и голоса превращались в сплошной звон. Я трясущейся рукой утёрла щеку. Но за какие грехи я это получила? Конечно, гнилые овощи — это серьёзная деградация после попытки отравления, но ради такого риска каким же сильным должно быть презрение!

Моя карета и дальше катилась по улицам, и я слегка подалась вперёд, пытаюсь расслышать крики толпы. Те всё ещё звучали неясно, размыто, но я могла расслышать слова, что бормотали люди — деньги, деньги, деньги...

Я обернулась, чтобы видеть тех, кто проходил мимо. Какая-то женщина, кажется, осознала, что толпа привлекла моё внимание, потому что быстро шагнула вперёд, хватая меня за протянутую руку.

— Ваше Величество! — громко, с каким-то удивительным надрывом воскликнула она. — Ваше Величество, прошу вас, Ваше Величество! Нам нечем платить за похороны, и мой муж был арестован — прошу вас, прошу вас, позвольте ему остаться живым... Мы не можем, у нас просто нет денег, правда! Мы не могли заплатить, но ведь никто не стал бы нас слушать, Ваше Величество...

Её мольбы прекратились, когда стражник схватил её, отшвыривая прочь от меня.

— Стойте! — воскликнула я. — Стойте! Что за плата за похороны? — вот только экипаж покатился дальше, и я почти не слышала криков женщины. — Остановитесь! — я повернулась к кучеру. — Остановитесь, мне надо поговорить с этой женщиной!

— Простите, Ваше Величество, но у меня инструкции... — покачал головой водитель. — Это не безопасно...

— Этот вопрос обязательно надо решить! Мне срочно нужно... — вот только женщину уже давно поглотила толпа, а мой экипаж неумолимо продвигался вниз по улице.

Я вновь посмотрела вперед, вдруг почувствовав себя виноватой. Я понятия не имела, о чём говорила эта женщина, но ведь должна была знать! Ведь я королева, и если от моего имени арестовывают людей, что не могут платить за всё это... Почему, в конце концов, мне никто не сказал?

Осознание случившегося выбило воздух из моей груди. Да, я королева — и я понятия не имела, что происходило за стенами Форта. Да, тут творилось столько, а я думала об убийстве и кланялась дворянам, когда от моего имени советники принимали решения, менявшие жизнь народа. Никто не упомянул о комендантском часе, никто не удосужился сообщить о плате за похороны. Я даже не знала, что спрашивать — но должна была это сделать. Ведь я несу ответственность за это, даже если мне никто ничего не рассказал.

...И драгоценные камни на лодках. Да, я смотрела на них больше часа назад и думала о кошмарном расточительстве. О том, что люди будут тонуть за них в реке... Да, я думала об этом, вот только ничего не сделала, хотя являлась тем единственным человеком, у которого была власть изменить всё это. И если люди утонут в реке — это я буду виновата. И если у нас слишком мало денег, чтобы позволить королевству протянуть после того, как утонут эти камни — это я буду виновата.

Нет, я не подумала! Всё своё время я истратила, горюя по погибшим вельможам, одной угрозе и паре сотен людей — пока сотни тысяч обыкновенных граждан ждали от меня мудрых решений и умирали из-за моих глупостей.

Мудрые решения? Да ведь я не принимала никаких, я даже не знала, что происходит в моём королевстве! Вот только, тем не менее, я все ещё королева, а невежество не может служить мне оправданием.

Как только моя карета остановилась у стен Форта, я выбралась из неё и направилась к парадным воротам. Я должна была отыскать своего отца — должна была немедленно поговорить с ним.

Долго мне искать, впрочем, не пришлось. Он и сам ждал меня в коридоре.

— Фрея! — воскликнул он. — Что-то случилось?

— О да. Мне нужно поговорить с тобой, прямо сейчас.

— Это помидоры, Фрея? Что...

— Прямо сейчас! — я подошла к ближайшей комнате, рывком открывая дверь, чувствуя, как дрожь гнева молнией пронзила моё тело. Да, я только что потерпела неудачу, а мой отец позволил всему этому случиться. Ведь разве не он был казначеем? И он мне ничего не сообщил! Он даже не подумал сказать мне о том, что наделал! — Что за похоронная плата? — я даже не закрыла за собой дверь.

Отец нахмурился, словно до сих пор не понимал, в чём именно состоял мой вопрос.

— Похоронная плата... Ну, Фрея, разве не понятно, что это то, чем мы оплатим похороны?

— Я не помню, чтобы давала своё согласие на какие-либо похоронные налоги!

— Ну, ведь надо было найти на них деньги... Но, Фрея, почему ты спрашиваешь меня об этом?

— На улице меня поймала женщина, — мой голос, моё тело — вся я дрожала. — Она сказала, что у них не хватило денег заплатить за похороны, поэтому её мужа арестовали.

Отец коротко кивнул.

— Да, потому что мы должны относиться ко всем, как к равным. Каждый должен внести свой вклад — соответственно, следовало продемонстрировать последствия отказа.

— Отказа? Это не отказ — не иметь шанса заплатить! Ты на самом деле считаешь, что должен арестовывать людей за то, что они не могут финансировать похороны, в которых мы жгли шелка и топили сотнями драгоценные камни?!

— Может быть, мне придётся напомнить, Фрея, — грубо и резко проронил отец, — что это ты настояла на том, чтобы все погибшие были соответствующе похоронены? Это совсем не дешево. Да, там были включены все погибшие горожане, и весь город должен за это платить.

— Вот только там были не все горожане! Только дворяне, что умерли — потому что они ели торт, сделанный едва ли не из золота! И теперь мы заявляем, что похоронить их себе позволить не можем — так что, народ, голодайте, ибо вы должны немедленно за это заплатить!

Отец опустил мне руку на плечо. Теперь он казался раздражённым, словно я потеряла всякий здравый смысл.

— Фрея, успокойся. Ты даже не представляешь, о чём говоришь...

— А не потому ли, что ты стандартно держал это в тайне от меня, от своей королевы? Это я — правительница этой страны! Я, а не вы с советом! И никто больше не имеет права

прятать от меня указы, совершать что-либо без моего явного согласия. Ты меня понял?

— Фрея...

— Ты меня понял?! — мой гнев, казалось, смыл всю мою застенчивость. Да, мой отец меня предал. Он совершил кошмарную вещь — и утверждал, что это было сделано мною. Я не имела права позволить этому повториться.

— Я твой отец, Фрея.

— Что ж, а я твоя королева. И либо ты соглашаешься на то, что все законы должны проходить через мои руки, либо я вынуждена искать нового казначея!

Он только молча уставилась на меня.

— Эту женщину схватили стражники. Я хочу, чтобы её и её супруга немедленно освободили. Деньги же вы должны вернуть каждому из плативших простолюдинов. Остальных вы должны отпустить.

— Фрея...

— Каждому из них.

Мне казалось, что я должна была воспламенить отца одним только своим раздражённым взглядом.

— Мы обсудим это на следующем заседании совета, Ваше Величество.

— О да, мы завтра обсудим, как тщательно вы выполнили мои приказы! А ещё — я хочу, чтобы мне принесли копию книги Густава. Потому что мне она нужна.

Я больше ни за что не позволю своим советникам держать меня в неведении.

Я повернулась к двери и едва ли не подпрыгнула. На пороге стояла Мадлен Вольф, занеся руку, чтобы постучать в приоткрытую дверь.

— Мне очень жаль, что вынуждена прервать вас, Ваше Величество, — промолвила она, — но вас ожидают в зале, и я слышала, что вам надо немного принарядиться. Я пришла помочь, но если сейчас не время...

— Нет, — я сделала глубокий вдох, пытаясь отогнать от себя гнев. — Нет, мы уже давно закончили. Спасибо большое.

Мадлен последовала за мною к моим покоям, не проронив ни единого слова. Когда мы добрались до моей спальни, она отступила на шаг назад, всматриваясь в пятна на платье.

— Ну что ж, пройдёт, — промолвила она. — Если немного поработать с волосами и кое-что переменить, может, не придётся отмывать. В другом случае вам придётся несколько часов провести здесь.

Она бросилась в сторону моего гардероба, собираясь что-то искать — то, что можно было надеть. Да, мой гардероб вряд ли вдохновил бы такую девушку, как она — несколько моих старых платьев, что-то из нарядов королевы, с которыми мы понятия не имели, что делать, ну, и пять или шесть новых — швеи не спали, заканчивая их.

— Хотела спросить, синий или жёлтый, но у нас, впрочем, нет никакого выбора... — она склонила голову набок, погрузившись в свои мысли.

— Красный! — воскликнула наконец-то она. — Подобно восходу солнца. Да, это будет гармонировать с желтизной, но станет выделяться... А ещё это будет просто идеально на тебе сидеть, если мы кое-что добавим...

Она потянула платье из шкафа и едва ли не споткнулась о Дэгни. Кошка появилась непонятно откуда, а теперь нагло обнюхивала её ноги.

— О, — выдохнула Мадлен. — Привет, прелесть!

— Это Дэгни, — представила я кошку.

— Дэгни! — проворковала она, наклоняясь, чтобы погладить её. Она замялась, будто бы не зная, что будет делать Дэгни — наверное, вполне привычная реакция для тех, кто не слишком любит кошек, но странно было видеть, как так поступила вечно идеальная Мадлен Вольф. Дэгни выгнула спину и повернула голову, требуя внимания к себе, и Мадлен заулыбалась. — О, как же она замечательна!

— А почему ты... вы мне помогаете? — спросила я. — С Наоми ведь всё в порядке?

— Наоми ещё у реки... — Мадлен встала. — Её брат погиб на банкете, нет разве? И это такое трудное для неё утро... Мне показалось, что я должна занять её место, пока ей не станет лучше...

— И ты заметила, что она не вернулась?

Она облегчённо улыбнулась в ответ на моё «ты».

— О, я многое замечаю... Да и, признаться, давно хотелось поговорить с тобой ещё раз. Может быть, даже о моде? — она повесила красное платье на спинку стула и подошла ко мне. — Ведь вы с королевой Мартой красивы совершенно по-разному... И хотелось бы увидеть, что мы могли бы с этим сделать, — она принялась расшнуровывать моё платье, не обращая внимания на то, как я нахмурилась. И что ответить? Ведь мы и вправду достаточно разны — вот только я б не сказала, что я красива. —

— А почему ты предупредила меня о своем кузене на том банкете прошлой ночью?

Мадлен подошла к столику, на котором ещё с утра стояла чаша с водой, макнула в неё губку.

— Мне казалось, что тебе надо знать. Ничего конкретного, но... я очень настороженно отношусь к нему. Он так разозлился, когда погиб король, сам на себя не похож... Теперь всякая тень ему враг, а ты — королева... вот он и винит тебя. Это не точно — может быть, я слишком недоверчива. Он не станет делать ничего особенного, мне кажется, но ведь ты должна знать. Поэтому следует быть осторожной...

— То есть, мне стоит его успокоить, об этом ты говоришь? Но как успокоить кого-то, кто подозревает меня в массовом убийстве?

— Нет-нет... Мне кажется, что когда он вернётся в своё обычное состояние, то будет тебя ценить. Но вот сейчас... Надо просто быть терпеливым. Он умён и хороший союзник, когда готов слушать — надеюсь, он сможет увидеть в тебе то, что увидела я.

— Ты думаешь, что видишь меня-настоящую?

Она рассмеялась.

— Не знаю, должна ли говорить это королеве... Ну, Ваше Величество, вас так легко прочесть! Ведь ты не пытаешься скрыть чувства, иногда даже сама о них не знаешь. Для кого-то вроде Стэна, пытающегося воспользоваться всем, что только есть под руками, это тоже может показаться ложью. Ещё одной хитростью. О, Ваше Величество, но это так естественно и прекрасно! По крайней мере, я уж точно так считаю.

Она коснулась моей щеки, присматривалась к тому, что пыталась убрать, и старательно принялась отчищать помидор.

— Я слышала, как ты говорила, продолжила она, — о плате. И мне кажется, что ты очень смела.

— Смела?

— О да! Это не так легко — восстать против своего отца и советников, против того, как привыкли править двором. Но ты смогла.

— Это не храбрость, это только то, что я давно должна была сделать. Правильный путь.

— Далеко не каждый способен понять, что именно — правильно.

Я прикусила губу, а она только склонила голову набок, проведя губкой за моим ухом.

— О чём не сказали тебе твои советники? — спросила она. — О плане за похороны? — когда я замерла, она поспешила добавить: — нет, я не подслушивала, Ваше Величество, — она всё ещё сбивалась на шутливо-официальную форму, — но трудно было не услышать...

Что ж, тогда такой смысл врать?

— Да, они мне не сказали.

— Люди всегда будут пытаться воспротивиться изменениям, тянуть на себя одеяло... Им нравится это влияние — мне кажется, они хотят больше власти. Но у тебя, Фрея, чудесная позиция — и ты можешь заставить всё это пойти по правильному пути.

— А что ж ты? — я чувствовала, что гнев всё ещё прорывался на свободу, пытался вырваться из меня. — На что ты хочешь повлиять?

— Я хочу, чтобы жить стало лучше, — сказала она. — Не больше — но и не меньше.

Казалось, пир длился много часов, хотя никто не пытался даже попробовать еду. Шёпот людей перерастал в резкий шум, а я всё пыталась заставить себя съесть кусочек фазана, но не могла перестать думать о том, что увидела в городе. А что ещё я пропустила, что случилось, пока я сидела здесь, в этом отвратительном месте, закрыв глаза на реальность, беспокоясь только о том, как правильно выступить и как найти драгоценности? Люди столько всего кричали, слишком много, чтобы эти слова... Чтобы эти преступления, совершённые от моего имени, но без моего ведома, были реальностью. Или были?

Но всё казалось таким кошмарно неправильным! Всё, о чём я думала, всё, что я знала, всё рухнуло! Я считала старых придворных чёрствыми, эгоистичными, поверхностными, но всего за несколько дней и сама поняла, как это несправедливо — осуждать. Было. А потом я вдруг подумала, а что же происходит с этим двором за пределами королевства? Может быть, король Йорген и не думал о своей стране — вот именно потому он был плохим королём, до смешного расточительным и глупым! Ведь требуется куда больше, чем просто научиться выступать перед толпой и примерять на лицо новые улыбки. Ведь судьба каждого находилась в моих руках! И я делала им только хуже... Как же я была слепа всё это время!

Когда так называемый пир наконец-то закончился, пришлось выдержать ещё больше развлечений, ещё больше глупых бесед, прежде чем этот жуткий день подошёл наконец-то к концу. Когда я вернулась, Наоми уже спала, свернувшись в постели в клубок. Я попыталась опуститься в кресло с Дэгни и хоть немного отдохнуть, набраться сил теперь, когда наконец-то закончились похороны, но в моей голове оказалось слишком много мыслей, чтобы просто сидеть на месте. Стоило только перестать двигаться, и сквозь меня будто рекой потекло всё, что я узнала сегодня днём — жуткие похороны, множество погибших, эта боль... А ведь на столько всего я не обратила внимания! Глаза теперь болели от усталости, но спать я не могла. Всё казалось до такой степени запутанным...

И я вновь направилась в собственную лабораторию, надеясь совершить что-то стоящее.

И вновь Фицрой оказался там. Теперь, увидев его, я почувствовала, как сильно сжимается моя грудь — он вновь заполнил собою всё свободное пространство.

— Ты не мог уснуть? — спросила я, закрывая за собой дверь.

— нет.

— И я тоже...

Сегодня он попрощался со своим родным отцом. Сегодня он попрощался со всеми, кого только знал — а потом пришёл сюда. Ко мне.

Ему просто не было больше куда идти.

— Ну что ж, хорошо, — мягко промолвила я. — В таком случае, пожалуй, нам стоит браться за дело? Можем начинать?

Шестнадцать

Эксперименты не удавались. Мышьяк упорно отказывался растворяться в большинстве кислот. Порошок же пропадал, стоило немного размешать, и сколько б я не использовала солей, не могла почувствовать ни запаха, ни ещё чего-нибудь, что помогло б его обнаружить. Может быть, вкус у него был заметным, но я зашла ещё не настолько далеко, чтобы я положила на язык мышьяк с кислотой в поиске ответа.

Тем не менее, вопреки отсутствию прогресса, вопреки своему истощению, я чувствовала себя удачливой. Присутствие Фицроя успокаивало, пусть нервы и были на пределе — и я вновь доверяла ему, позволяя всем опасениям пролиться в воздух — и зазвучать иначе.

— Ведь ты не знала, — промолвил он, когда я поведала о случившемся. — Но знаешь сейчас. Знаешь, что теперь надо делать со двором.

Может быть, я просто отчаянно искала защиты — но я поверила ему.

Когда следующим утром началось заседание совета, я была готова. Пусть меня истощило отсутствие сна, пусть сердце билось, а нервы были натянуты до предела, я оставалась решительной.

— Каждый новый закон должен проходить через мои руки, — голос мой едва лишь дрогнул. — Я должна одобрить каждый налог и каждое важное решение.

— Но, Ваше Величество, — возразила Торн, — это заберёт огромное количество времени! Именно для этого и нужны советники...

— Советники нужны для того, чтобы давать мне советы, — отрезала я, — а не править моими руками. И все тайные нововведения отныне под запретом!

— Они не были тайными, Фрея, — возразил отец. — Ты знала, что мы будем делать, мы просто не сообщили тебе о том, как...

— А теперь — будете. Облагать налогом людей, чтобы похоронить двор? Задерживать их за неспособность внести плату? И, кажется, я слышала что-то о комендантском часе!

— Ведь это обязательно, Ваше Величество, — вмешалась Норлинг, — во время расследования убийства. Мы должны были убедиться в том, что люди в своих домах, именно поэтому они никуда не смогут отправиться ночью... Устроить заговор...

— Значит, люди просто будут устраивать заговоры при свете дня — какая ж это помеха?!

Они все смотрели на меня так, как обычно смотрят на избалованного ребёнка, что бьётся в истерике, и всё потому, что не хочет уснуть. Все, кроме Холта. Он внимательно смотрел на меня, коротко кивнул в ответ. Он не проронил ни слова.

— С этого момента, повторюсь, я должна знать обо всем, — проронила я. — И мы должны выплатить всем похоронный налог. Скажете, что это было ошибкой.

— Ваше Величество...

— Я же говорил тебе, Фрея... — промолвил отец. — Это совершенно невозможно! Мы должны как-нибудь оплатить эти похороны — ведь они оказались невероятно дорогими, равно как и расследование относительно убийства. У нас нет денег...

— Значит, ныряйте в реку, — проронила я. — Вылавливайте погребальные лодки.

Драгоценностей, что вы положили туда, хватит с головой для того, чтобы заплатить за всё это — да там в сто раз больше! Раз уж мы бедны, то разбрасываться драгоценностями не имеем права!

— Ваше Величество, — медленно промолвил Холт. — Я не уверен насчёт разумности этого, ведь это может рассматриваться как оскорбление двора. Эти драгоценности были отданы мертвым в честь. Да, это может казаться расточительным, но...

— Мёртвые не могут воспользоваться драгоценностями — а мы можем.

Чем больше я говорила, тем больше чувствовала себя глупышкой — они смотрели на меня, изогнув брови, плохо скрывая собственное неверие. Но, вопреки тому, как они вывернули всё это, они не имели никакого права взывать с горожан-бедняков плату за похороны, когда выбрасываются сотни драгоценных камней. Да, я ошиблась — но теперь началось моё правление.

— Ваше Величество, — Норлинг подалась немного вперёд. — Могу ли я кое-что предположить? Вам в городе, как вы видите, не слишком уж доверяют. И, сделав это, вы потеряете доверие ещё и дворян. Может быть, лучше... отвлечь? Сделать открытый суд над теми, кто пытался вас отравить, над другими преступниками, что были в последнее время пойманы? Покажите людям, что в городе всё ещё правит справедливость...

Если люди полагали, что законы неверны, то никакой публичный суд не поможет. Вот только это дало бы шанс мне, да и всем остальным, увидеть, что именно происходит.

— Что ж, да, — кивнула я. — Хорошо.

— В таком случае, стоит убедиться, что Её Величество знает законы, — мягко отметил Стэн, — и понимать их механизм, чтобы использовать их во время суда.

Я посмотрела на него.

— Я знаю законы, — тихо промолвила я. — Но мне очень бы хотелось знать, что люди делают и какие привносят в государство изменения.

— Ну, может быть, мы просто не привыкли к тирании правительства. Ведь король Йорген всегда слушал своих советников... Своих друзей.

— Очень трудно слушать своих советников в том случае, когда они ничего не сообщают.

— Да, — кивнул он, впрочем, отказываясь отвести взгляд. — Что ж, полагаю, так и есть...

Он и вправду меня подозревает — я в этом ни капельки не сомневалась. Это было единственной возможностью объяснить этот взгляд, оценочный, недоверчивый, преисполненный кошмарной неприязни, который он пытался спрятать от всех.

— Но возвращение денег, — проронила я, — моё окончательное решение.

Мой отец проводил меня после встречи, крепко сжимая мою руку.

— Ты слишком вспыльчива и быстра, Фрея, — почти что прошептал он, стоило нам только покинуть зал и оказаться вне поле зрения всех остальных советников.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Это не вспыльчивость — дать людям жить лучше.

— У этого решения обязательно будут серьёзные последствия. Твой совет должен защитить тебя от этого — вот только ведь ты пытаешься игнорировать его...

— Я не собираюсь вас игнорировать, — ответила я. — Это вы были теми, кто проигнорировал меня. Я только... — я закрыла глаза, пытаюсь успокоиться. — Я не вещь, что может сыграть роль королевы, произносить речи, надевать платья и плясать на балах. Королева — это люди. Когда люди страдают от её решений, решений, противных ей... Нет, я

не буду оставаться в стороне.

— Это всё скажется на тебе, Фрея, — он обнял меня за плечи, склонился ближе, почти что умоляя. — Иногда, милая, правители должны делать то, что им совершенно не нравится — потому что это лучше, чем всё остальное. Потому что так пострадает куда меньше людей, чем при ином варианте развития событий...

— Но разве вы предоставляете мне варианты? — я отбросила его руки в стороны. — Ведь ты просто решил это за меня — и люди возненавидели меня за то, что я натворила! А знай я об этом — никогда бы не согласилась. Никогда...

— Фрея...

— И как мне теперь доверять? Ведь ты уже явно показал, что готов мне солгать. Откуда я должна знать, что вы все не манипулируете мною? М? — я покачала головой. — Нет. Я не могу доверять ни тебе, ни им. Я должна принимать все решения самостоятельно, — я отступила на шаг назад. — Пусть книгу принесут в мою лабораторию. Увидимся завтра.

— Фрея...

Вот только я уже ушла.

Книга — она наконец-то прибыла! — по большей части и вовсе не оказалась книгой. Признаться, я ожидала увидеть какой-то старый фолиант с сотнями страниц, испещрённых строками о философии и религии. Но трактат Густава состоял из страниц шести-семи, связанных между собой тонкой лентой. Мы с Наоми прочитали его, устроившись за центральным столом в лаборатории, и я всё записывала, пока мы продвигались дальше.

Да и внутри это оказалось совсем уж не тем, чего я могла ожидать. Густав был радикален, презирал дворянство и всё, на чём оно стояло — но его книга не взывала к массовым убийствам. Он утверждал, что дворяне возникли как лженаследники Забытых, ведь пока люди надеялись заполнить пустоту внутри себя, те заполучили их влияние — вот только их потомки оказались просто ошибкой, а не злом. Мы могли вернуть Забытых своими руками, работая и смиренно следуя законам. Мы должны были очиститься от грязи и воровства, стать примером для других, чтобы действительно искупить свою вину, чтобы в каждом человеческом сердце добра оказалось достаточно, чтобы вновь вернуть их к нам.

Его целью было преломить грань между дворянством и простым народом, ибо все были равны в глазах у божественных Забытых. Но он, впрочем, признавал, что путь будет очень длинным и тяжёлым, и только самый благочестивый и думающий ощутит первые шаги — шаги, которые должны быть сделаны самими дворянами.

И, судя по всему, этого с головой хватило для того, чтобы сослать его, а этот трактат запретить на веки вечные.

Я даже представить себе не могла, как они умудрились связать это с убийством знати. Но ведь Холт говорил, что этот трактат долгое время переиначивали, и теперь его уже окончательно переделали под человеческую мерку — так, как хотелось конкретному главарю в этот момент. Люди умудрялись слушать самозванцев, забывали правду, но даже это...

Я откинулась на спинку кресла, коснувшись пером бумаги в последний раз.

— Не знаю... Я думала... Но всё это — коту под хвост!

Наоми вытянулась рядом со мной.

— Вот уж что лет как этот трактат запрещён законом. Логично, что он не способен рассказать тебе, чего именно желают эти люди.

— Но ведь они именуют себя Густавитами! А это по меньшей мере означает, что они

должны пользоваться словами Густава, разве нет?

— Может быть, это и так, — тихо промолвила Наоми. — Вот только они уж точно не заостряют внимание на этих вопросах. Да и, может быть, твои советники ошибаются относительно них.

— Но что тогда относительно женщины, что пыталась меня отравить?

— Так ведь она — не целая организация. И могла не иметь ничего общего с основным отравлением.

Я считала, что это так маловероятно, когда впервые услышала подобные обвинения — так ведь... В голове крутилось множество мыслей. Столько всего следовало изменить, а сколько угроз... Я едва успевала следить за основными нитями — а они давно успели превратиться в сплошной клубок.

— Мне срочно нужна передышка... — я потёрла глаза руками.

Наоми встала, вновь потягиваясь.

— Ты, пожалуй, очень устала, — промолвила она, — ведь ты уже который день почти не спишь!

— Ну, кому, спрашивается, нужен сон?

— А куда ты уходила прошлой ночью? Я даже выходила, чтобы поискать тебя, но... — она только пожала плечами. — Тебя здесь не было.

Я вновь вскинула голову. А если она хотела поговорить со мною в ту ночь после похорон? Меня ведь там не было...

— Мне жаль, прости. Я думала, ты уже давно спала...

— Ну, проснулась, подумаете. Да всё в порядке, мне просто было интересно... Ты работала?

Я коротко кивнула.

— Не то чтобы у меня появились хоть какие-то успехи, — я забарабанила пальцами по столу, пытаясь придумать, что именно должна ей сказать. Но ведь мои слова не содержали никаких секретов, там не было совершенно ничего неприличного... — Там был Фицрой.

— Фицрой? — она бросила на меня косой взгляд. — Это причина, по которой у тебя не появилось хоть каких-то успехов?

— Наоми! — я заулыбалась, глядя на неё.

— Ну, что ж, ты никогда прежде не упоминала о Фицрое. Последнее, что я слышала — «я вообще его не знаю»! А теперь он помогает тебе в лаборатории? Как... опасно.

— Опасно? Ты считаешь, что он мог бы мною манипулировать?

— Не-е-ет, — она протянула это слово так, будто бы пыталась на что-то намекнуть. — Ну, вот почему, интересно, ты прежде о нём не упоминала? Откуда такие секреты? Почему ты никому другому подобную работу не поручаешь?

— Прекрати! Ничего такого не было! Мы просто разговаривали — об убийствах, я ведь уже рассказывала. И... Ну, как мне это описать? И он не считает меня здесь лишней и ненужной!

— Итак, после этого ты вновь пригласила его к себе? — она словно поддразнивала меня, растягивала слова, округляла глаза и то и дело подмигивала.

— Он просто был там, когда я пришла поработать в ночь перед похоронами. Да и прошлой ночью тоже. Он просто очень одинок, вот и всё.

— О, да, конечно. Именно поэтому он торчит в твоей лаборатории целыми ночами — спасается от одиночества, — она подалась чуть поближе. — А не кажется ли тебе, что он в

тебя влюблён?

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам — но это было просто смешно! Что за бред!

— Наоми, ты его даже никогда не видела!

— Ах, если б он только мог воспротивиться...

— С лёгкостью! — но почему-то мой желудок сжимался от этих слов. Фицрой не был в меня влюблён, конечно же, да и это полная нелепица. Мы просто работаем вместе.

— Ну подожди! — воскликнула Наоми. — А ведь между вами что-то есть! Я просто поддразнивала, но ведь он тебе нравится! Да это у тебя на лице написано!

— Не могу я ничего к нему чувствовать. Я ж едва его знаю!

— И это не помешало тебе в него влюбиться! — на лице Наоми расцвела улыбка, и она поудобнее устроилась на стуле. — Фрея, милая, — теперь голос её был привычно ровным, — пожалуйста, будь осторожна. В конце концов, он королевский сын.

— Да знаю я, знаю... — я провела рукой по своим волосам. — Просто он — это совсем не то, чем, как мне казалось, он является...

— А кем же ты тогда его считала?

— Да никем! Просто идиотом! Разве ты не видела, как именно он вёл себя обычно при дворе?

— И... Каким же он оказался на самом деле?

Ответ на этот вопрос оказался слишком страшным и слишком сложным, чтобы все свои туманные мысли я смогла облачить в привычные слова.

— Фицрой, — выдохнула я. — Просто Фицрой.

— Фрея... — голос её зазвучал как-то выше, словно в предупреждении, но я только коротко покачала головой.

— Нам следует вернуться к работе. Надо провести ещё огромное количество экспериментов!

— Да-да, — медленно проронила она. — Конечно. Но если тебе вдруг захочется о чём-то поговорить...

— Знаю! — только не сейчас. Её поддразнивания будто бы что-то во мне разбудили — словно осознание того, что кто-то порезал вам руку, от одного вида крови, пусть нет и никакой боли. Где-то на краю сознания будто бы гудели бесконечные мысли, но у меня было слишком мало времени, чтобы сейчас задумываться над этим.

Фицроя я едва-едва знала. Да, он интересный человек — вот и все!

В конце концов, было куда больше по-настоящему важного, о чём я должна была беспокоиться — а не только о нём!

Семнадцать

Суд начал свою работу следующим утром.

По правде, Норлинг говорила о том, что будет много людей, вот только в тронном зале на деревянных скамейках я видела сплошных придворных. Между ними была лишь узкая дорожка к трону. Мой совет устроился за большим столом, повернувшись лицом к остальной части двора, а у стен выстроилась стража.

Ну что ж, по крайней мере, на сей раз хоть кто-то подумал о моих юбках. Прежде они состояли по меньшей мере из десятка слоёв, и я выглядела в них, будто бы пышный говорящий торт размером с человека, который с какой-то радости устраивался на троне.

Что ж, мне наконец-то повезло — я даже обрадовалась тому, что достаточно высока, чтобы ноги доставали пола, когда я садилась. И я заставила себя выпрямиться, не позволяя трону спрятать меня куда-то. Я должна выглядеть так, будто бы всё контролирую.

После того, как все устроились на своих местах, а Норлинг оговорила формальности, стража привела отравительницу-служанку в тронный зал. Её чёрные волосы спутались, и она опустила голову низко-низко, а каждый шаг сопровождался звоном цепей, сковывающих ей руки.

— Фелиция Корнуэлл, — проронила Норлинг, — ты призналась в попытке отравить королеву. Если ты назовёшь имена своих сообщников, то Её Величество сможет помиловать тебя.

Женщина всё ещё дрожала.

— Мне никто не помогал. Я сделала всё это сама.

— Ты сделала всё это сама? — хмыкнула Норлинг. — Сама отыскала яд, сама приготовила еду, сама прорвалась в замок, сама оказалась в одной из комнат Её Величества? Вот что ты говоришь?!

— Я уже была слугой во дворце, — промолвила она. — Но в остальном вы правы. Я сделала это одна.

— Расскажи нам, кто тебе помогал, — прошипела Норлинг, — иначе ты будешь наказана за отравление и ложь!

Женщина смотрела в пол — лицо её казалось белым-белым, вот только она так и не испугалась, не дрогнула даже.

— Я всегда делала всё сама.

Но Норлинг, как мне показалось, задавала неправильные вопросы. Мы могли бы узнать, с кем она сотрудничала, если бы сделали всё верно. Если б мы хотели разобраться в причинах атак, то ни за что не потеряли бы такой шанс. Я подалась вперёд, заставляя себя не думать о толпе.

— Но почему ты хотела меня отравить?

Норлинг ошеломлённо уставилась на меня.

— Ваше Величество?

Но я так и не отвела от женщины взгляда.

— Для того, чтобы убить человека, должна быть причина. Ты знала, что рано или поздно окажешься здесь, и не имеет значения, как всё закончилось. Из этого следует, что причина у тебя всё-таки была.

Девушка молчала. Я пыталась разговорить её — если б она могла всё объяснить, то было бы настолько проще...

— Подсудимая Корнуэлл! — вмешалась Норлинг. — Её Величество задала тебе вопрос!

— Потому что, — вырвалось у неё, — это всё вокруг! Это всё! Двор с его бесконечным золотом, пока люди там, снаружи, голодают, страдают, мучаются! Вы поедаете сладостей в десятки раз больше за месяц, чем люди видят за всю свою жизнь! Да, Забытые хотят вернуться, и эти смерти — признак того, что они не смогут прийти, пока мы не выжжем всё это!

— Так считают все Густавиты?

Выражение её лица вновь стало нечитаемым, но теперь, когда она смотрела на меня, была вся красная, будто свёкла.

— В этой книге он упоминает о справедливости, а не об убийствах, — я старалась

заставить свой голос звучать дружелюбно, настолько, насколько это возможно. Я не могла позволить ей испугаться. — Я прочитала её, чтобы попытаться понять, за что вы боретесь — но это была книга о мире. Вы и вправду считаете, что он желал убийств от вас?

— Ваше Величество... — в голосе Норлинг чувствовалось предостережение, но женщина, казалось, разозлилась пуще прежнего.

— Мы должны выжечь всё это! — воскликнула она, встречая мой взгляд. — Выжечь всё зло!

Да, слова из книги — но только не полная их версия.

— Мы должны выжечь всё зло из себя, — поправила я её. — Любые изменения должны исходить изнутри. Он никогда не считал, что Забытые желали, будто бы мы стали убийцами. Читали ли вы и вовсе его книгу в своей группировке, или, может быть, просто слышали об этом?

— Большинство из них дураки! — отрезала она, и почему-то показалось, будто бы теперь она не сердилась, а заметила какую-то ошибку. — Они считают, что всё это можно сделать мирным путём — и они очень ошибаются! Он понятия не имел, что мы против! Но остальные знают! И если так, если для этого нужно умереть... — её голос сорвался на этом слове. — Если для этого нужно убивать, нужно умирать — я готова!

— Нет, умирать ты не должна. В Эприа нет смертной казни.

Тишина казалась слишком резкой, такой, будто бы кто-то заставил весь мир умолкнуть.

— Ваше Величество, — наконец-то довольно тихо промолвила Норлинг. — Много лет мы не казнили преступников, да, но это не означает, что мы должны проигнорировать подобное преступление. Одного нападения на вас хватило бы с головой. И эта женщина, возможно, была вовлечена в убийство вашего предшественника, забрав за собой весь двор...

— Нет! — всё тело женщины затряслось. — Это не я! Я не имею к этому никакого отношения!

— Что ж, в это не так уж и просто поверить.

— Да, я могла это сделать! Но я не убивала! Вы должны верить мне! — кричала она. — Должны!

— Я верю тебе, — ответила я. Её удивление, её паника — всё это было таким ясным, таким простым. — И никаких смертных казней в этом королевстве не будет.

— Ваше Величество, — вмешался наконец-то Холт. — Не хочу сказать ничего дурного, но, вопреки всем её убеждениям, эта женщина пыталась вас убить. Если б не ваша реакция, не быстрый ум, дарованный Забытыми, может быть, вы бы погибли. Мы не можем позволить повториться этому вновь.

Это не останется безнаказанным. Что обычно случается с теми, кто совершал покушение на убийство? Разве их не отправляют в тюрьму? В какую-нибудь изолированную крепость на торфяниках, в доброй сотне миль от столицы, может быть, в пятидесяти от обычного города? Довольно хорошо защищённое место, тихое, где все с каждой минутой убеждают в том, что их уединение никто уж точно не нарушит... Рядом нет ни родственников, ни друзей... Когда король умер, этот замок превратили в тюрьму — вот что я слышала о казематах Форты, никогда не предназначенных для столь мрачных целей.

— Преступница Корнуэлл будет сослана, потому что призналась в содеянном, — промолвила я. — Но, тем не менее, она не будет казнена.

— Ваше Величество! — воскликнула Норлинг, когда толпу пронзил яростный шепот. — Я — ваш советник, министр юстиции, и мои обязанности, моя ответственность в том...

— А я королева, — ответила я. — И поэтому вы не казните никого.

— Никого не казнят? — поднялся Стэн. Казалось, я никогда не слышала прежде, чтобы он говорил до того громко. Глаза его были черны и наполнены жестокостью, а обычная уравновешенность исчезла. Ярость, которую он излучал, казалось, отравила всех. — Эта женщина помогла отравить большую часть двора! Она погубила своего короля, королеву, сотни других! И вы окажете ей подобную милость?

— Она ведь сказала, что не убивала их! — промолвила я. — Она отрицала это, по крайней мере — но с радостью призналась в том, что напала на меня. За это мы казнить её не можем.

— Торстэн... — голос Холта звучал успокаивающе. — Ты всё ещё оплакиваешь своих друзей, как и все здесь присутствующие. Но королева Фрея оказывает милость, пока у нас нет неоспоримого доказательства вины. Она не позволит разрушить сто лет мира одному слишком сильному горю.

— Этот мир был нарушен тогда, когда такая дрянь, как вот эта, напала на короля! — Стэн сжал руки в кулаки. Он выбрался из-за скамеек и покинул зал, и только толпа шептала что-то ему вслед.

Мои руки тряслись, но я не сдвинулась с места.

— Никаких казней.

Холт кивнул.

— Как пожелаете, Ваше Величество.

Обвиняемую вывели из комнаты, и мои советники поспешно обратились к стражникам. Они обсуждали что-то, а шепот всё не стихал, и некоторые дворяне тоже покинули зал.

А после мои стражники ввели в комнату мужчину. Он был едва ли старше моего отца, с пятнистыми усами и седыми волосами.

— Генри Гудрам, — зачитала она с большого листа бумаги, лежавшего перед нею. — Обвиняется в сбыте поддельных алмазов, ставя под угрозу стабильность королевства ради личной выгоды в тот момент, когда больше всего королевство нуждается в спокойствии!

— Прошу прощения... — промолвил мужчина, — но ведь я не знал, что должно было случиться, когда делал их, и...

Несколько дворян подалось вперёд, заинтересовавшись, а кто-то поднялся, покидая комнату. Полагаю, они собирались обсуждать убийства, а не дешёвые подделки алмазов.

— Да и откуда мне было знать? Если б я... Я б никогда...

— Вы ожидаете, что мы поверим, будто бы вы не были намерены воспользоваться ситуацией? — спросила Норлинг. — Будто бы всё это имело чисто невинный характер?

— Я не знал, что это были ненастоящие алмазы! — быстро промолвил он, словно не признал свою вину всего десять секунд назад. — Некто продал мне их, и эта цена была слишком хороша для того, чтобы оказаться правдивой, но я не знал, что это подделка... Не знал?

— Они были реалистичны после всего этого? — спросила я. После этой суеты относительно бедности королевства, учитывая необходимость наряжаться в драгоценности, это могло быть полезным. Очень полезным, даже если в этом есть некий риск для экономики... Если, конечно, весь этот риск не ограничивается оскорбленной знатью.

— Посмотрите их, — промолвила Норлинг. — Она указала на человека по левую руку от себя, и тот выступил вперёд, представив мне крошечную горстку драгоценных камней. Я подняла один из них, проверяя на свет. Он светился тысячами оттенком, и стоило мне

прокрутить его в руках, как засверкал пуще прежнего. Да, я не эксперт по алмазам, но для меня это казалось реалистичным. Мадлен Вольф, пожалуй, тут же увидела бы, что не так, но я никогда б не заметила.

— Я не знал! — воскликнул мужчина. — Прошу, поверьте мне, Ваше Величество! Я понятия не имел, что это подделка...

— Но ведь вы сами признались в этом, — я немного сдвинулась. Его бессвязный, преисполненный отчаянья лепет вызывал раздражение — и я понимала, что он сам сделал всё, чтобы его никогда не отпустили. — Это было первым, что вы сказали. Вы понятия не имели, что случилось бы, когда делали это.

— И имел в виду, что даже не подозревал, — что это фальшивка! Да, я не эксперт, вот и пошёл на это — вот о чём я говорил... Я не... Нет-нет, я не признавался, нет! Прошу вас...

Я посмотрела на алмазы вновь. Они сверкали всё так же ярко, будто бы расцветая в моей руке. Так, как сверкали бы настоящие алмазы.

— И как же они были сделаны? Из чего это? — медленно протянула я.

— Из стекла, Ваше Величество, — ответила Норлинг. — Для блеска добавлено немного свинца. Предполагаю, нанесена некая паста, но у нас нет уверенности относительно точного метода.

— Они очень натурально выглядят! — быстро добавил обвиняемый. — И никто б даже не подумал, что они не настоящие!

— Есть ли у нас больше доказательств?

— Да, Ваше Величество, — Норлинг потянулась за следующим листом бумаге, описала ход расследования, тех, кто выступал против Генри Гудрама, рассказывал о том, почему он был ненадёжен. Добавить его признание в собственном промахе — и всё казалось просто очевидным.

— Что ж, не буду идти вразрез с рекомендациями своего совета, — осторожно начала я, пытаясь подобрать правильные слова, — вот только эти фальшивки впечатляют. Расскажите, как вы их сделали. Это может учестья при выборе наказания, и мы обязательно примем к сведению то, что вы помогли государству.

Кто-то в толпе рассмеялся.

— Её Величество планирует выпустить поддельные алмазы на рынок?

— Если мы сможем понять, как именно делаются фальшивки, то сможем воспользоваться знанием. Например, идентифицировать их или использовать каким-нибудь другим путём, — например, для того, чтобы сияние двора стало чуточку дешевле для этой страны. — Знание — это всегда хорошо, разве нет?

— Включая те знания, что будут преступными, Ваше Величество? — полюбопытствовала Норлинг.

— Так или иначе, это будет отражать вас ум. Изобретательность. А подобное всегда в цене. В этом мы нуждаемся — равно как и нуждались всегда.

— Но ведь я не делал их сам, Ваше Величество... Я только купил их, вот и всё, клянусь, я сам... Я никогда...

— Это было предложение с моей стороны, — я промолвила это тише, чем мне хотелось. — Ну, так сделайте то, что можете.

Суд длился много часов. Дворяне покидали зал один за другим, пока не осталось лишь несколько. Всё время просидела Мадлен, сложив руки на коленях, и Фицрой тоже был здесь. Я старалась не смотреть на него. Слишком уж свежим оказался разговор с Наоми — и

каждый раз, когда я смотрела на него, чувствовала укус совести, какую-то неопределённость, когда он перехватывал мой взгляд. Да, у меня было о чём думать — не хватало ещё допустить его в собственные мысли!

Норлинг была советником по вопросам юриспруденции, и именно она отвечала за принятие решений — конечно, слово королевы было выше её, и мне хотелось знать, что это и вправду справедливо. Я не могла позволить разрушить чужие жизни — и мне хотелось изменить этот мир к лучшему. Даже если получится совсем уж немножко.

Вот только часы общения с этими людьми, да ещё и на глазах у всех остальных, оставляли у меня в душе какое-то странное ощущение — я слишком устала, чтобы думать. И когда наконец-то закончился этот суд, я поспешила прочь со своей стражей, избегая внимательного взгляда Фицроя.

И я всё ещё была очарована этими фальшивыми бриллиантами, тем, как играл и менялся в них цвет. Да, я знала, что эти цвета будто бы таятся в самом сердце алмазов, вот только если обыкновенная смесь свинца и стекла могла возыметь такой эффект, значит, можно добиться ещё большего! Я даже потребовала, чтобы их отнесли в мою лабораторию — и они ждали в центре стола, когда я вернулась. Я взяла один камушек, вновь всматриваясь в цвета. А что бы случилось на свету?

Я зажгла свечу, поднесла к пламени драгоценный камушек, и цвета вновь слились в глубину. Поставила лист бумаги на стол — и они, казалось, образовали самую настоящую радугу.

Я посмотрела на свои материалы по другую сторону комнаты, а после замерла. Нет, что-то явно изменилось. Ведь я расположила все свои металлы в порядке способности реагировать — чтобы эксперименты было проводить проще, — а те, относительно которых не могла сделать чёткий вывод, отложила в конец, поставила в алфавитном порядке. Но теперь всё было не так — конечно, в большинстве своём порядок сохранился, вот только часть из них поменяли местами.

Здесь кто-то был.

Конечно, это мог быть Фицрой. Наоми знала о том, как в лаборатории всё организовано, а вот Фицрой не ведал о системе. Тем не менее, я чувствовала, как по коже пробежала дрожь. Я знала, чётко знала, что что-то пошло не так.

Я бросилась к банкам, просматривая их. Нет, ничто не пропало — вот только я могла точно сказать, что здесь кто-то что-то искал.

Я схватила банку с мышьяком. Казалось, он совсем не изменился — ну, слава Забытым, никто не прихватил с собой несколько кусочков!

Ну почему я не заперла дверь? Надеялась, что никто не интересуется мною до такой степени сильно, чтобы прервать? Но ведь я должна была понять, что это не так, когда тут появился Фицрой! Ведь тут столько химических веществ — следовало запереть дверь!

Дверь скрипнула. Я обернулась — но за спиной оказалась всего лишь внимательно всматривающаяся в мрак Наоми.

— Фрея? Что-то случилось?

— Нет-нет, всё хорошо... Ты в порядке?

Она кивнула, а после осмотрела расставленные на столешнице банки и склянки.

— А что ты делаешь? Меня бы ты убила, устрой я здесь подобного рода беспорядок...

— Значит, тебя здесь не было сегодня? Ты тут ничего не переставляла, точно?

— Нет, конечно же. Я б к ним даже не прикоснулась, и ты об этом прекрасно знаешь.

Может быть, сюда заходил Фицрой?

— Да, — кивнула я. — Может быть... — вот только всё равно я не могла в это поверить. Наоми устроилась на стуле и подтянула к себе мои заметки.

— Мне кажется, нам надо поговорить с большим количеством людей, — промолвила она. — Теперь, по крайней мере, ты исключила из списка Густавитом и Фицроя... Ведь исключила же его, я не ошибаюсь?

Я кивнула.

— Стэн на судебных разбирательствах вёл себя довольно странно. Да, он потерял своих друзей, вот только всё это не вписывается ни в какие рамки! Кто-то из нас в любом случае должен с ним поговорить...

— И ты полагаешь, что после всего этого он действительно сможет сказать мне хоть что-то?

Наоми только пожала плечами.

— Может, конечно же! Если ты сама с ним поговоришь, конечно же. Нет, я могу, конечно, попытаться поговорить с ним...

— Может быть, — кивнула я. — Но я очень сомневаюсь, что люди будут с такой готовностью открывать секреты, с которой сделал это Фицрой.

— О, так он с тобой много чем поделился, да? — Наоми склонила голову набок, весело улыбаясь.

— О, конечно! Прекрати! — я улыбнулась ей в ответ. — Впрочем, положим, ты права. Мои советники ничью вину доказать не могут, ни с кем больше случившееся не связали. Мне кажется, это кто-то... кто-то из них. Из тех, кто выжил. Стэн, пожалуй, мог что-то увидеть.

— И как мы узнаем, кто именно поработал над этим тортом? Может, узнать, кто его заказал? — спросила Наоми. — Да, я знаю, иногда люди платят за конкретные блюда, будто бы дарят их королю. Если б мы знали, кто это был...

— Это был мой отец, — мы обе подпрыгнули на месте. В дверях замер Фицрой. — Меня пропустила твоя стража, — ответил он на мой невысказанный вопрос, — наверное, потому, что они меня и так здесь достаточно часто наблюдают.

— Слишком часто, как по мнению стражи, — я посмотрела на него. Слышал ли он, о чём мы прежде говорили? Все эти глупые шутки Наоми — я должна была её остановить, но не сделала этого! — Что — был твой отец?

— Он платил за этот торт. А ты что, полагаешь, что кто-то ещё мог себе такое позволить? Вот почему таким сильным оскорблением было не получить кусочек торта. Он предназначался только для тех, кого он любил, ну, по крайней мере, делал вид, что любил. Хотел добиться их расположения.

— Да. Он всегда всё делал для зрелища, — кивнула Наоми.

— Но обычно он предпочитал выжить для того, чтобы всё это оценить по достоинству, — я закусила губу. — Если б были бы какие-то официальные документы, мои советники уже давно обнаружили бы их... — если, конечно, им вообще можно доверять.

— У них нет доступа ко всему, — возразил Фицрой. — Отец всегда запирал своей кабинет, особенно если оставлял там то, что считалось не слишком официальным. Личные письма, рабочие заметки, ну, и что-то вроде этого...

— И, полагаю, ты прекрасно знаешь о том, где может находиться ключ?

Он заулыбался.

— Разумеется! Ведь это был замечательный секрет моего любимого отца. Разумеется,

мне хотелось туда пробраться.

— Никогда не думала о таких преступных наклонностях...

— О, Фрея, как много ты обо мне не знаешь!

Наоми улыбнулась мне, и я поспешно отвернулась.

— В таком случае, нам пора, — как-то слишком уж по-деловому промолвила я. — Пойдём, может быть, посмотрим...

— Сомневаюсь, что твоя стража позволит тебе просто так покинуть дворец. Ну, а я могу сходить, — вздохнул Фицрой. — Всем будет наплевать, если я покину Форт. Могу собрать всё, что найду, вернусь обратно в лабораторию...

Это имело смысл. Я не ожидала, что буду прочить его рассказать мне о чём-то, но в этом, впрочем, был какой-то смысл.

— Что ж, тогда давай — когда принесёшь, тогда и решим, что нам со всем этим делать...

Восемнадцать

Я не могла дышать. Что-то сдавливало моё горло, перекрывая воздух.

Я проснулась, села. Что-то хрупкое нависало надо мною в темноте.

Я пыталась закричать, но звук утонул в холодном касании чужой ладони. Фигура склонилась надо мной, и лунный свет скользнул по медово-каштанному волосам.

Мадлен Вольф.

— Ш-ш-ш, — она быстро обернулась на дверной проём. — Тебе придётся уйти. Быстро. Я уберу руку, только, прошу, ни звука, — она отступила, и я выбралась из постели, чувствуя, как ударились о холодный пол ноги.

— Мадлен, — прошептала я, — что случилось?

— На тебя нападут! Я понятия не имею, сколько у нас есть времени, но ты должна скрыться. Или убежать! Уходи отсюда, скорее...

Я замерла.

— Кто нападёт?

— Мой кузен! Его сторонники... Мне удалось пробраться мимо твоей стражи, я сделала вид, будто бы тоже участвую в этом, но они тоже за него — и они долго ждать не будут. Тебе надо уходить как можно скорее!

Я смотрела на неё, пытаясь понять что-то. Ото сна моё сознание казалось совсем уж смутным — и зачем вообще Стену нападать на меня?

— Но почему ты пришла предупредить меня? — прошептала я. — Почему не сказала страже, не привела её с собой?

— Потому что я не знаю, где они находятся, и понятия не имею, кому из них можно доверять. Фрея, пока у нас нет времени... Надо уходить.

— Мы должны предупредить Наоми.

Мадлен схватила меня за руку.

— Они не тронут Наоми! Их цель — не она, а ты. Они хотят убить тебя, — она схватила меня за руку, и её прекрасные окрашенные ногти впились в мою кожу. — Ты полагаешь, что сможешь с ними сражаться, Фрея? Ты должна уйти как можно скорее! Ты должна скрыться! Сейчас же!

Это всё было бессмысленным. Стэн пытается меня убить? Стэн — убийца? Я вырвала

руку из цепких пальцев Мадлен, врываясь в комнату Наоми. Она всё ещё спала, и тёмные волосы, казалось, спрятали лицо, будто бы за маской.

— Наоми! — прошипела я, встряхнула, заставив волосы спутаться ещё сильнее. — Наоми, просыпайся немедленно!

Её рука взлетела вверх, отталкивая меня, и она, открыв глаза, ошеломлённо заморгала.

— Фрея? — она села, пытаясь привести себя в порядок. — Что-то случилось?

— Мадлен говорит, что Стен нападёт на нас. Нам нужно немедленно уходить, — я попятилась обратно в свою комнату. Ящики комода были выдвинуты, и Мадлен искала в них что-то с редкостным упоением. Она вытащила длинную, тонкую золотую цепочку с рубином, огранённым в форме звезды — ещё одна драгоценность с моей коронации.

— Мадлен, что ты делаешь?

— Надеюсь, тебе это не нужно? Как раз подойдёт!

Загрохотала входная дверь, и Мадлен подскочила на месте.

— Я подставила к двери стул, — сказала она, — но это надолго их не задержит.

— Здесь должен быть другой выход! — прошептала Наоми. — Ведь это место должно быть безопасным для короля, не так ли?

— Если и существует какая-то потайная дверь, я о ней не знаю.

— Тут есть где-то в гардеробах... — протянула Наоми, поспешив к двери. — Давай, за мной. Тут должно быть хоть что-то!

Я кивнула. Наоми повела нас из спальни в коридор, и стража вновь ударила в дверь.

Наоми схватила меня за руку, почти до боли, повернула за угол, в комнату в конце коридора, а после тихо закрыла за своей спиной дверь.

В комнате было темно — только одна лишь полоска лунного света, что пробивалась сквозь щель в плотных шторах. Я могла разглядеть только очертания мебели, вот только Наоми, кажется, отлично знала, куда именно она идёт. Она потянула меня к чему-то, что в темноте казалось обыкновенной стеной, протянула руку — а после, казалось, словно по велению неведомых чар впереди оказалось свободное пространство.

— Подожди! — прошептала я. — Дэгни! Они причинят боль Дэгни!

Я вывернула руку из цепких пальцев Наоми и рванула обратно.

— Фрея, стой!

Но я уже распахнула дверь и рванула обратно в коридор. Нет, я не могу сделать больно Дэгни! Она ведь доверила мне заботу о себе, и если они её хоть пальцем тронут...

Я распахнула дверь в свою спальню. Пожалуйста, пожалуйста, пусть она будет на виду! Пожалуйста! Она не должна была убежать куда-то!

Вот только Дэгни там не было. Я не могла её найти — откинула одеяло, заглянула на шкафы, но и тени кошки не увидела.

Скрипнула дверь — кто-то шагал по коридору.

Я пригнулась, заглядывая под кровать, но не могла ничего там увидеть. Ну почему там так темно?!

— Дэгни, — прошептала я. — Дэгни, да где же ты!

За моей спиной послышалось мяуканье. Я обернулась. Из приоткрытого ящика выбралась Дэгни, глаза её будто пылали в темноте, а хвост распушился.

— Дэгни! — я рванулась к ней, сгребла в охапку, утыкаясь в мех носом. Дэгни вновь мякнула, оцарапав мой подбородок когтистой лапой.

— Королева Фрея, — я обернулась. В дверях замер тот самый темноволосый охранник,

Рейнольд Милсон. — Почему б вам не отпустить кошку и не пойти со мной сейчас?

Я крепче уцепилась в Дэгни. Единственный выход из этой комнаты — это к Наоми в спальню, а там уж точно нет ни потайной двери, ни ещё какого-то коварного способа спастись. А это означало только то, что я должна была не бежать, а говорить с ним.

— Что вам нужно?

Он подошёл ближе, заступая дверной проём.

— Пойдёмте, давайте скорее. Не делайте всё ещё хуже, чем есть на самом деле.

Я сделала крохотный шаг назад. А если б я могла заманить его в комнату, вдруг тогда получится вырваться в коридор? Но разве он явился сюда сам, без союзников? Скорее всего, ему помогает множество других стражников... Мне стоит сдать? Притвориться, что я ему доверяю, заставить его расслабиться?

Нет, ведь Мадлен забаррикадировала дверь. Он отлично знает, что я его боюсь.

— Мне это не доставляет совершенно никакого удовольствия, — промолвил он. — Вот только правосудие всё равно должно быть свершено. Разве вы этого не понимаете?

Я немного сместила вес Дэгни, пытаюсь высвободить хотя бы одну руку. На столе стоял подсвечник, что весил уд точно больше кошки, и я могла бы добраться до него, конечно — добралась бы, воспользовалась бы, как оружием.

Мильсон вновь подступил ближе, и что-то блеснуло между нами. Меч.

Да, с подсвечником на мечях не фехтуют, но просто так я уж точно не сдамся. Я сделала шаг в сторону, пытаюсь краем глаза рассмотреть фигуру где-то вдали комнаты, не отвлекаясь от него.

Скоро придёт ещё больше мужчин, и они просто выволокут меня прочь. Со всеми я сражаться не смогу, но это не значит, что я сдамся просто так! Я схватила подсвечник и, ощущая громадный вес, выставила его перед собой.

— Это вам не поможет.

Громкий треск разрушил относительную тишину комнаты, и он пошатнулся, подаваясь вперёд. В коридоре стояла Мадлен, занеся подсвечник высоко над головой стражника, готовясь ударить вновь. Я рванулась вперёд. Стражник вскинул свой меч, но я отскочила в сторону, ошеломлённая нападением, и вскинула собственное импровизированное оружие. Удар был таким сильным, что выбил его из моих рук, но я даже не остановилась, чтобы подхватить подсвечник. Я промчалась мимо него, и Мадлен схватила меня за руку, утягивая за собой.

Вдали в коридоре чувствовались громкие крики. Если стражники и собирались действовать спокойно, то теперь уж точно этого не будет. Сейчас на нас вновь нападут.

Мадлен вновь втолкнула меня в комнату, и за спиной громко щёлкнул замок.

— Я их долго не удержу! — воскликнула Наоми. Она толкнула кого-то громадного вперёд, и в голосе чувствовалось усилие. Мадлен рванулась ей на помощь. Какие-то полки с грохотом упали на пол. Кто-то с силой дёргал дверь на себя, отчаянно пытаясь её открыть. Мы придвинули к ним полки и рванулись дальше, к следующей двери, всё дальше и дальше, пока не оказались в комнате хранения, а за нами не закрылась последняя дверь. Я прижала Дэгни к груди, наблюдая за тем, как Наоми и Мадлен быстро пересекли кабинет.

— Отсюда есть выход? — спросила я.

— Понятия не имею, — ответила Наоми, — но тут однозначно безопаснее, чем там.

— Проход точно должен быть, — покачала головой Мадлен. — Мы его уж точно должны увидеть!

Вот только тут было слишком темно. Я ударились ногой о какой-то стул, шагнула дальше, пыталась ощупать стены и найти дверь, что-то полезное, где можно укрыться, но ничего не видела.

— Ты вернулась за кошкой? — в неверии прошептала Мадлен. — Ты рисковала жизнью ради кошки?

— Разумеется, да. В конце концов, ведь она моя.

Я ударились бедром об угол стола, пытаюсь как-нибудь удержать жуткое желание громко выругаться. Нет, здесь мы скрыться не можем. Нападавшие видели, как мы сюда ворвались, и они нас обязательно найдут. А сколько времени потребуется остальным моим стражникам для того, чтобы понять, что что-то пошло не так? Когда это будет? Утром? Или, может быть, они все прекрасно об этом знают, просто все были против меня?

Я устроила Дэгни на сгибе локтя, чтобы придерживать её одной рукой, и попыталась обыскать комнату. Кошка громко мяукала на ухо, и её когти впивались в мою грудь.

Пальцы скользнули по изношенным гобеленам, но я чувствовала один только камень. Я отыскала одежные шкафы, но они были слишком далеко от стены, и тайных проходов за дверью не оказалось. Если из этой башни и был какой-то выход, то находился он точно не в этой комнате. И чем дольше мы искали, тем меньше было шансов на победу... Следовало просто придумать ещё один способ, ещё один план — как-то скрыться, сделать что-то...

— Нам надо выйти через входную дверь, — промолвила я. — Это единственный способ выбраться на свободу.

— Но они там! — прошипела Наоми. — И они хотят убить тебя.

— И они не прорвутся сюда, пока не сломают дверь — как думаешь, сколько это займёт? Ты слышала Мадлен. Никто нас не спасёт, — я принялась ходить по комнате. — Они не ожидают, что мы откроем дверь и рванём на свободу...

— Но это настоящее самоубийство!

— Это даст нам преимущество!

— Преимущество над мечами?!

— Но что-то же надо делать!

— А что ты можешь сделать? — хмыкнула Наоми. — У нас разве есть какое-то оружие или что-то ещё? Бомба, например?

— Не без моего оборудования и не в темноте.

Я вновь осмотрела комнату. Окно казалось крошечным, и через него никто не пролезет, даже если мы не так уж и высоко. Даже днём здесь слишком грязно и слишком темно, чтобы хоть что-то осмотреть...

— Тут должны быть факелы или фонари, — промолвила я. — И способ из зажечь. Мы должны их найти!

Мы вновь скользили по стенам, руки порхали над столами, пытаюсь наткнуться хоть на что-то странное или необычное. Что-то, что подарит нам свет.

Послушался глухой звук — словно что-то ударилось о металл, — и тихое шипение — Наоми бормотала себе под нос какие-то проклятия.

— Я нашла. Но я, кажется, его скинула, поэтому уверена в том, что всё масло давно уже вытекло.

— Ну так собери его! — прошипела Мадлен. — И зажги!

— Я не вижу! Не могу!

Я направилась к ней, пытаюсь удержать Дэгни — она извивалась у меня на руках. Это

был обыкновенный масляный фонарь — таких в городе тысячи! Я добралась до его основания, скользнула по материалу, что его покрывал, нашла небольшое ответвление — и коротко царапнула по основанию. Он вспыхнул — и в темноте даже такой маленький кружок света казался слишком ярким.

Стеклянная дверца была распахнута, и я быстро закрыла её, останавливая порыв пламени. Да, обожгла пальцы — содрогнулась даже, — но зато теперь лампа горела, и в комнате стало гораздо светлее.

Я передала её Наоми, чтобы прижать Дэгни к своей груди. Она любила, когда её обнимали, но кошке этого было недостаточно, чтобы смириться со всем этим шумом и хаосом.

— Ш-ш-ш... — пробормотала я, поглаживая её по спине, но она только укусила меня в знак протеста.

Наоми подняла лампу выше, и теперь я могла видеть её испуганное лицо и Мадлен, что упрямо и так спокойно разбирала другую дверь, которую закрыли ящиками.

— Здесь! — я рванулась к ней. Наоми и Мадлен отпихнули ящики в стороны, надавили на дверную ручку. Та, казалось, не хотела поддаваться — но спустя несколько минут распахнулась, едва не сбив нас с ног.

Свет освещал кружок пространства за дверью, открывая нашему взору узкую каменную лестницу, крутую, закручивающуюся вокруг башни. По стенам тянулась паутина, и ступеньки были покрыты пылью. Они, казалось, были готовы разрушиться от самого малейшего веса, от первого шага.

— Идём! — Я ступила вперёд. Дэгни вновь завозилась на руках, упёрлась в грудь хвостом, но отпускать её не собиралась. — Быстро!

Они не спорили. Мадлен бежала впереди, а Наоми жестом показала мне идти между ними, прежде чем закрыла дверь. Пол под босыми ногами казался ледяным, под ночную рубашку пробрался осенний холодок, заставив меня содрогнуться. Паутина оплетала мои руки, пока мы бежали вниз, молясь, чтобы эта лестница была безопасной, молясь, чтобы нас не ждало ещё больше мужчин там, внизу, где она заканчивалась, и то и дело ударялись локтями о зубчатые камни на стенах. Этот проход был явно одной из самых старых частей форта — тысячи лет здесь не ступала нога человека.

Мадлен, шагавшая впереди, ахнула, и Наоми выше подняла лампу.

Узкий коридор внизу заполняла вода. Казалось, там было не слишком далеко, но здесь было достаточно темно, чтобы первое впечатление оказалось обманчивым. Кто знает, сколько придётся пройти, прежде чем они доберутся до земли?

— Наверное, это ото рва, — прошептала я. — Как же далеко мы зашли?

Мадлен шагнула вперёд первой, высоко поднимая юбки, и я внезапно заметила, что она была обута.

— Тут где-то должна быть лодка, — промолвила она. — Вот, посмотри, её когда-то привязывали здесь! — она указала на металлическое кольцо в стене. Скорее всего, она была там, чтобы король не промочил свои драгоценные ноги, если ему внезапно понадобится бежать из собственных покоев. Вот только никакой лодки на самом деле сейчас там не оказалось. Я всматривалась в темноту, словно что-то могло подплыть к нам — но ничего не было.

— Придётся плыть, — вздохнула я. Плыть — когда у нас масляная лампа, мы в ночных рубашках, а Мадлен на каблуках. Вот только выбора у нас не было.

— Или нет, — Наоми шагнула вперёд, и её белая ночная рубашка расплылась вокруг неё пятном. Вода достигла ей до колен, до талии, до нижней части груди... И остановилась. — Тут вполне можно пройти! Вперёд!

Я не собиралась спорить. Подняла Дэгни повыше, но если Наоми достигло до груди, то мне — чуть выше, чем до пояса. Это будет довольно безопасно, если пройти быстро, чтобы не успеть ещё и заболеть. Хочется верить, что тут не слишком много бактерий — ведь вода стоит уже Забытые знают сколько лет...

— Прежде тут было чуть глубже, — промолвила я, кивая на стены. Примерно в футах над нашими головами виднелась тонкая линия — камни меняли цвет. — Наверное, её пытались здесь осушить, — вода била меня по ногам, делая каждый шаг подобным настоящему сражению. Белая сорочка, казалось, только ей помогала, раздулась шаром. Что ж, зато это выглядит модно — вопреки всему, я не смогла удержать короткий смешок.

Что-то скользнуло у стены, и Дэгни насторожилась, но я не остановилась, чтобы посмотреть, что там было.

Мы миновали развалившуюся лодку тогда, когда лестницы уже и близко не было. Что ж, по крайней мере, мне показалось, что это когда-то было лодкой — сейчас же остались одни только гнилые доски.

Уже спустя несколько минут впереди вновь показалась лестница, что поднималась над уже осушенной водой. Я перестала прислушиваться — впереди не было ни голосов, ни каких-либо признаков погони — да и за спиной тоже.

— Мы уже покинули Форт? — спросила я, когда мы выбрались на ступеньки. Холодный воздух хлестнул по ногам, и я содрогнулась. Юбка прилипла к ногам, демонстрируя их всему свету. Шелка Мадлен потяжелели от воды, но они, по крайней мере, не были такими тонкими — и она, вопреки всему, всё ещё оставалась на каблуках, будто бы и не заботясь о том, что идти в них не слишком-то и удобно.

— Не думаю, что это так, — она всмотрелась куда-то вперёд. — Мне кажется, что мы ушли не так уж и далеко, как нам бы хотелось...

Я оглянулась на воду. Туннель вновь растворился в темноте, и не было никаких признаков преследования.

— Мы могли бы подождать здесь, — Наоми тоже вглядывалась в темноту. — Наверное, здесь безопасно.

— Нет, — покачала головой я. — Я хочу увидеть, что именно произошло, — я не буду сидеть здесь и ждать, пока меня наконец-то обнаружат. Я шагнула вверх по лестнице, решительно ступая по камням босыми ногами.

Ступеньки закончились, упираясь в металлическую дверь. Было заперто — на засове висел огромный замок, и пусть он весь проржавел, но всё равно открыть эту дверь было трудно. Я толкнула её плечом, и та чуть сдвинулась, оставляя небольшой зазор. Ещё один толчок — и она накренилась, оставляя достаточно большое пространство, чтобы протиснуться вперёд. Первой пошла Наоми, выкрутив свою рубашку, после взяла Дэгни, прежде чем я наконец-то поднялась вслед за нею.

Мы оказались в подземельях, в тех отделениях, что были предназначены для стражи. Здесь оказалось поразительно тихо.

— Моя лаборатория, — прошептала я. — Этот путь...

Там можно было отыскать то, что помогло бы защитить себя — по крайней мере, достаточно химикатов, тяжёлых инструментов... А ещё вещей, от которых у меня горели

глаза. Но когда мы повернули за угол, кто-то уже стоял у входа в лабораторию. Мадлен замерла, но незнакомец повернулся на звук.

Фиурой.

— Фрея! — прошептал он. — Ты в порядке! Где ты была? — его голос звучал почти что в качестве упрёка.

— Я вынуждена была сбежать, — ответила я. — На меня напала моя стража, они набросились на нас прямо в моих покоях, и...

— Я знаю, — кивнул он. — Я искал тебя, а потом увидел твою лабораторию....

— Что ты имеешь в виду?

Он замялся, и я протиснулась мимо него.

Тут творился абсолютный хаос. Флаконы и банки были разбиты, по полу рассыпались порошки и растеклись жидкости. Казалось, часть древесины разъела кислота, мои журналы разорвали, страницы засыпали пол. Весы расколотили, металлическая тарелка над огнём была сорвана и измята. Моя прекрасная лаборатория, все мои труды...

— Зачем? Зачем это делать?

— Они охотятся на тебя, — сказал Фицрой. — Хотят привести тебя к стене. Я думаю, когда они тебя найдут, они не...

— Откуда ты знаешь? — я не могла позволить себе доверять ему. — Откуда ты вообще знал, что они меня ищут?

— Они попросили меня присоединиться к ним, думали, что я на их стороне — особенно если учитывать то, кем был мой отец.

— А ты не на их стороне? — спросила Наоми. — Ты не рассказал страже?

— Я узнал обо всём этом десять минут назад, — отрезал он, — а вся стража, что встретила на моём пути, участвовала в этом заговоре! Я надеялся, что смогу тебя найти и предупредить, сказал им, что смогу присоединиться к ним, отправился в твои покои, но стража была уже там, уничтожала всё, что только могла. Фрея... Я думал, что ты погибла, по крайней мере, попала в плен — пока не понял, что они просто не могли тебя найти! Поэтому я и подумал, что ты могла оказаться здесь. Я пришёл, чтобы предупредить тебя.

— И они тебя отпустили? — спросила я. — После того, как ты просто сказал им, что с ними заодно?

— Меня знают при дворе, Фрея. И они говорили, будто бы ты убила моего отца, лишь бы только занять этот трон. Разумеется, они мне поверили.

— Мой отец! — если они пришли за мной, то они и ему должны были причинить боль. Я вырвалась из лаборатории. — Что случилось с моим отцом?

— Не знаю, — покачал головой Фицрой. Я рванулась вперёд по коридору, но он только крепко схватил меня за руку.

— Эти люди считают тебя чудовищем, Фрея. Ты не должна туда ходить — они хотят убить тебя, ты понимаешь?

— А что будет, когда они отыщут его? Что...

— Совсем уж не так страшно, если они внезапно найдут тебя. Послушай, Фрея, ведь ты королева. Ты — самая ценная жертва во всём этом проклятом круговороте!

— О боже... — покачала головой я. — Но что тогда делать?

— Держаться подальше от них, — Фицрой осмотрелся. — Мы должны немедленно вытащить тебя отсюда. Неизвестно, кому можно доверять — тебе придётся уйти.

— Уйти? — я рассмеялась, и звук, будто бы разнося мою истерику, отразился от

стен. — Уйти и куда? Они будут охотиться за мной и в конце концов убьют. Форт, самое безопасное место в королевстве! — а если я уйду, то больше не буду королевой — и защиты у меня тоже не будет. Тогда уничтожить меня будет ещё проще.

Я не смогу работать. Меня убьют в любом городе, в любой деревне. Я прижала Дэгни к себе с такой силой, что та даже замяукала в знак протеста.

— Мы должны защитить Форт. Отвоевать его. Это мой единственный шанс.

— А где остальная стража? — спросила Наоми. — Не все же могли встать против нас?

— Я так предполагаю, на них совершили нападение, — покачал головой Фицрой. — Либо так, либо они просто присоединились к Стэну. Многие из них даже не хотят довести тебя до него живой.

Значит, от них помощи ждать не стоит. Но ведь я должна попробовать!

— Фицрой, иди и найди их. Приведи каждого, кто сможет нам помочь. А если все против нас, притворись, что ты на их стороне, пока не сможешь уйти оттуда. Они тебя не тронут, думаю, даже уважают...

Он кивнул.

— И что же ты будешь сделать?

А что я могла делать? Я должна быть спокойной, думать логично.

— А я отправлюсь в тронный зал, — промолвила я. — Если они хотят убить королеву, пусть сделают это, когда она будет восседать на троне. Посмотрим, хватит ли у них на это мужества.

— Они всё ещё достаточно хорошо помнят силу, — тихо промолвила Мадлен. — И Стэна может это поколебать... Наверное. Не знаю.

— Это всё, что мы сможем сделать против стражи, — я отказывалась вжиматься в угол тюремной камеры, надеясь на то, что они никогда меня не отыщут.

Фицрой покачал головой.

— Это слишком рискованно.

Мадлен шумно выдохнула воздух.

— Да, — промолвила она. — Это очень рискованно. Но пойдём же!

Её каблуки громко стучали по каменному полу, шагая прочь.

Я кивнула Фицрою.

— Выживи, пожалуйста.

Он сжал моё плечо, и сквозь его спокойствие всё равно порывался страх.

— Ты тоже... Ваше Величество.

Я рванулась прочь.

В коридорах нынче не было никого из стражи. Мы вообще не видели ни одной живой души, ни одного признака жизни — словно в этих коридорах не осталось в принципе ничего! Казалось, что во дворце вот уж много лет как никто не жив.

Мы повернули за угол. К нам направлялись два стражника. Слева была Мила, та самая молодая блондинка, что показала мне мою лабораторию, а справа — милая, застенчивая брюнетка, что часто охраняла залы, но со мной, насколько я помню, никогда не бывала. Я колебалась, но Мадлен не остановилась ни на миг. Она всё ещё шагала вперёд, высоко подняв голову и окинув из гордым взглядом.

— Мы идём в тронный зал, — промолвила она, — если вы, конечно, позволите.

— Ваше Величество, — выдохнула Мила. — Мы вас искали. Я так рада, что вы в порядке...

— Здесь небезопасно, по крайней мере, пока, — промолвила Мадлен. — Давайте скорее идти вперёд.

Они отступили в сторону, и мы прошли мимо, приближаясь ещё на шаг к тронному залу.

— Мы хотим защищать вас, Ваше Величество, — промолвила брюнетка. — Мы патрулировали, когда один из стражников сказал нам... Мы хотели отыскать вас! Прошу, скажите, как мы только можем помочь?

— Ждите у двери, — ответила Мадлен, — и не пускайте никого без представления.

Брюнетка коротко кивнула.

— Скажите, как вас зовут? — спросила я её.

— Карина. Карина Карлсен, Ваше Величество.

Карина Карлсен — я попыталась запомнить её имя, надеясь, что смогу доверять ей.

Тронный зал тоже был разрушен. Картины, гобелены — всё это снесли, стёрли с лица земли. Золотые тарелки сбили со стола, на полу валялся расколотый, разбитый хрусталь. Но Мадлен шагнула прямо по этой крошке, и я последовала за нею. Вдали комнаты маячил трон — а я сейчас впервые, кажется, действительно вписывалась в обстановку по-настоящему в этом пропитанном водой, перепачканном наряде, в жалкой ночной сорочке. Сомневаюсь, что я выглядела сейчас хоть немного подобно королеве. Но я была бы больше похожа на королеву, восседающую на троне, если б устроилась на него, а не маячила рядом — поэтому пришлось сесть.

— Выпрями спину, — сказала Мадлен. Умело провела по волосам, расправляя узлы, после вынула из своих волос булавки, зажала их в зубах, а после скрутила на моей голове что-то, похожее на привычную причёску. Я не видела, что она делала, но, кажется, это было совсем не так экстравагантно и гадко, как то, что принято было делать при дворе. Просто я вдруг села прямее, почувствовала себя более царственной и важной, ощущая прикосновения её тонких пальцев.

Я слышала, как люди говорили за пределами тронного зала — может быть, выше или ниже. Форт как-то странно распространял звуки — вот только они совершенно не заботили Мадлен. Она всё ещё приводила меня в порядок, не опуская рук.

Словно завершая картину, Мадлен вытащила спасённое ожерелье, опустила его на мою шею, и рубин замерцал алым на фоне моей белой ночной рубашки.

Сердце, казалось, вот-вот выскочит — к этому я не была готова.

А после за дверью раздались громкие шаги.

— Стоять! — воскликнула одна из стражниц. — Во имя королевы!

Я должна была пригласить их. Должна была принять их — и выглядеть так, будто бы мне ничего не грозило, и моё правление никогда не ставилось под вопрос. Я должна контролировать ситуацию — или сделать вид, если на самом деле на это не способна.

— Войдите, — проронила я так громко, как только могла. Слова, казалось, отражались от стен разрушенной комнаты и эхом бились в моё измученное этой ночью, этим кошмаром сознание.

— Ваше Величество... — начала одна из стражниц, но я повелительственным жестом оборвала её.

— Пусть войдут, кем бы они не были.

В зал зашёл Торстэн Вольф. В его руках сверкал огромный меч. Он был чист — и лезвие, и одежда, — а значит, ещё никому не успел причинить вред.

— Кузен! — воскликнула Мадлен, делая шаг вперёд. Голос её, казалось, всё ещё лучился

светом и радостью. — Как я рада тебя видеть.

За Стэном вошли другие мужчины. Никто не скрывал лица — да, они не заботились о том, чтобы кто-то заподозрил их в участии в этом. Может быть, они и вовсе не ждали, что выживет кто-то, кто мог бы после свидетельствовать не в их пользу.

Я старалась оставаться всё такой же бесстрастной — настолько, насколько вообще могла. В конце концов, я должна казаться царственной — выглядеть, как истинная королева.

— Леди Фрея, — промолвил Стэн, — восседающая на ворованном троне.

— Разве это такая уж большая тайна, — промолвила Мадлен — и голос, будто мёд, — что королева всегда занимает место на своём троне?

— Да, — согласился он. — Это место для королевы, а не для самозванки.

— О, милый, ты явно ошибаешься.

— Как ты можешь стоять рядом с нею, Мадлен! — прошипел он. — Она убила наших друзей!

Я уцепилась в подлокотники трона.

— Я их не убивала!

— Разве ты считаешь, что это так незаметно? Я был в твоей лаборатории, Фрея, и там полно ядов! И отметки относительно того, как они должны работать! Ты ставила эксперименты в старой камере пыток — неужели ты вправду считала, что никто тебя не будет подозревать?!

— Я пыталась раскрыть преступление.

Надо успокоиться. Просто успокоиться. Да, я не могла говорить так, как Мадлен, но могла, по крайней мере, казаться собственной.

— Зачем было бы мне держать мышьяк в лаборатории, если б я воспользовалась бы им ради убийства двора? Вы не можете считать меня до такой степени глупой.

— О, да, это было бы глупо, — согласился Стэн, — вот только я не уверен, что ты не полная дура. Я подозревал тебя с самого начала! Ты была на банкете, а после убежала со своей подружкой ещё до того, как подействовал яд. Но я не знал точно до вчерашнего дня, когда ты решила помиловать свою соучастницу!

— Я её не помиловала, — спокойствие. Я сделала глубокий вдох. — Я просто не хотела её казни, вот только это отнюдь не значит, что я поддерживаю её во всех её начинаниях.

— А у тебя даже нет никакого уважения к мёртвым! Ты предлагаешь украсть дань им. Ты призналась, что читала книгу, что говорит о том, будто бы все мы должны умереть! И ты ставишь свои странные экспериментикши на ядах! Ты не можешь быть королевой!

— И именно поэтому ты решил спланировать моё убийство? — я гордилась тем, как звучал мой голос. Склонила голову набок, совсем немного — но теперь будто бы смотрела на него сверху вниз. Властно.

— Я лишь хочу, чтобы ты, — спокойно промолвил он, — сполна ответила за все свои преступления.

— Я этого не делала, Стэн. И никакой вины на мне нет.

Он сердито посмотрел на меня, и ненависть оказалась до такой степени сильной, что я едва ли не содрогнулась.

— Давай, — промолвил он. Взгляд задержался на ожерелье, что мне дала Мадлен. — Отдавай все эти драгоценности и просто уходи. Не хочу убивать тебя, что б ты ни делала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Если б я сдвинулась хоть на дюйм, показала бы хоть один признак страха, он убил бы

меня — и только кровь растеклась бы по полу тронного зала. Я видела это в его взгляде. Так или иначе... Мне всё равно не выбраться отсюда живой, вот только Мадлен... Мадлен верила. Мадлен совершенно не походила на испуганного человека.

— Это мой трон, — тихо промолвила я. — И я не стану сходить с него по твоему приказу.

Стэн шагнул вперёд, вытягивая меч вперёд, и Дэгни громко зашипела на него. Он вновь посмотрел на ожерелье.

— Ты думаешь, что сможешь править? — спросил он. — Что сможешь укрыться в этой крепости и в самом деле быть королевой? Да ведь тебя никто не поддержит! Половина уже присоединилась ко мне. И ты сгниёшь здесь, как в каземате!

— И она это сделает, — голос Мадлен всё равно казался вежливым. — Да, она будет гнить, но как королева. Как королева в своём дворце.

Крики разрушили напряжённую тишину. Кто-то кричал «Ваше Величество», и среди потока голосов выбивался голос Фицроя, его звонкое «Фрея».

У зала толпилась стража. Этого хватило, чтобы я села ещё прямее, чтобы уверенно встретила взгляд Стэна.

— Моя стража пришла, — промолвила я. — Если ты собирался меня убить, то следовало, пожалуй, немного поспешить.

Он вновь посмотрел на ожерелье, а после протянул свободную руку, хватая меня за запястье. Зашипела вновь кошка, ударив его лапой и оставив на руке несколько кровавых полос. Стэн содрогнулся, и стоило ему только поколебаться, как стража прорвалась сквозь дверь.

— Остановитесь! — воскликнул один из них. — Во имя королевы!

Стэн обернулся, поднимая меч. В помещение ворвалась стража, пусть в обыкновенной одежде — обычные куртки, свободные рубашки и галифе. Одни держали в руках мечи, у других, казалось, единственным оружием был их крик — и физическая сила.

— Отойдите от королевы!

— Эта девушка, — прохрипел Стэн, — убийца. А значит, ей должен быть вынесен приговор!

— Спустись вниз, Стэн, — это был голос Фицроя, и моё сердце забилося ещё быстрее. Оружия у него не было, но он ступил вперёд, когда новоприбывшая стража окружила тех, кто выступал за Стэна. Кто-то шагнул ко мне, загораживая трон от врагов. Вот только они были безоружными — и мне казалось, будто бы я чувствую то ли привкус крови, то ли привкус страха на языке.

Никто не атаковал — они просто смотрели друг на друга, будто бы стремясь принять хоть какое-то решение.

А после один из моих стражников схватил Стэна за руку. Он махнул мечом — не так, чтобы ранить мужчину, а лишь чтобы он отскочил назад. Но этого хватило для того, чтобы все внезапно пришли в движение, вынули свои мечи, обращая немое противостояние настоящим боем.

Я не могла видеть, что происходило дальше. Двое стражников оказалось ко мне до такой степени близко, что почти наступали мне на пальцы, и все голоса смешались в сплошную какофонию. Слишком много людей в одинаковых одеждах, в одинаковых камзолах — и все в бесконечном сражении. Я чувствовала в воздухе запах крови, слышала крики и звон металла, слышала, как в плоть впивались мечи.

Но мои люди превосходили их в силе, и теперь они вытесняли врагов из тронного зала. Мы побеждали.

Наверное, Стэн пришёл к тому же выводу.

— Ваше право, королева Фрея! — его голос, казалось, вновь околдовал комнату, заставляя всех до единого замереть на месте. — Оставляю тебе этот трон! — он сплюнул на пол. За его спиной, кажется, ютились раненные бойцы, кто-то из верных мне тоже пострадал — но, по крайней мере, ещё никто не умер.

— Но ты пожалеешь, что ты не сдалась! Обещаю тебе это!

Девятнадцать

Стэн уверенно зашагал прочь. Его люди бросились следом, защищая его, прорезая путь. Кто-то из стражи попытался заблокировать дверь, но Стэн только толкнул её сильнее, уходя.

Я сжала кулон, висевший на своей шее, и теперь смотрела на дверь, прислушиваясь к громким шагам. Фицрой и стража погнались за ним — и я затаила дыхание, ожидая крики, звуки ещё одного боя.

Закричал кто-то незнакомый, и я вскочила на ноги, сбрасывая Дэгни на пол. Мадлен схватила меня за плечо, заставляя сесть.

— Жди здесь, — промолвила она. — Они вернутся.

— Но ведь стража... Фицрой...

— Если б он хотел убить твою стражу, то поступил бы иначе. Он считает, что должен быть очень благородным, Фрея. Думает, что у него есть на всё это права. Он не хочет никого убивать — лишь мечтает о том, чтобы всё стало так, как в прошлом.

— И что будет, если моя стража на него нападёт?

— Он будет защищаться, — сказала она, — но только для того, чтобы потом уйти.

— Но... Когда?

— Тогда, когда решит, что он сильнее — тогда же и вернётся. Но на всё нужно время.

Моя стража захватила несколько людей Стэна, но большинство из них уже убежало. Но я едва ли что-то понимала — и не знала никого из них.

Я отступила в сторону, сжимая в своей руке рубин. Плотно вжимала босые ноги в холодный камень — это помогало хоть немного сосредоточиться. Разве у меня была на панику хотя бы одна свободная минута?

Крик вновь пронзил пространство, и я, только-только опустившись было на трон, вскочила, схватившись за ожерелье.

— Что это? — поинтересовалась Наоми, кивнув на цепочку. — Стэн так на неё смотрел...

— Звезда Валанте, — ответила Мадлен.

Я опустила взгляд на драгоценный камень, теперь воспринимая его совсем иначе. Валанте — одна из забытых, по крайней мере, так утверждала легенда, и была известна своей справедливостью и добротой. Она была последней, кто покинул Эприа, и труднее всего ей было отказаться от царства — поэтому она оставила нам драгоценный камень как напоминание, что желает вернуться к смертным. Так вещали легенды.

— Мне бы хотелось, чтобы он дважды подумал о возможности нарушить завет Забытых, — сказала Мадлен. — Чтобы вспомнить о том, что ты — истинная, помазанная королева.

— Разве это имеет хоть какое-то значение, если он продолжает считать меня убийцей?

— Не так уж и много. Но этого хватило для того, чтобы он остановился на миг, разве нет?

Дэгни потёрлась о ноги Мадлен, и девушка наклонилась, чтобы погладить её по голове.

Эхом доносились новые шаги. Я замерла, натянутая, будто та струна, чувствуя, как в животе сжался клубок страха. Ох, пожалуйста, пожалуйста, пусть это будут мои люди. Пожалуйста, пусть с Фицроем всё будет в порядке...

Фицрой вошёл первым — и я почувствовала, как с плеч упал страшный камень. Он выглядел и вовсе идеально — и я бросилась вперёд, обвиняя его своими руками. Он на мгновение замер, кажется, удивившись, а после крепко обнял меня за талию, и моя голова теперь покоилась у него на плече.

— Ты в порядке? — тихо спросил он. Тёплое дыхание щекотало мне шею. Казалось, что-то тёплое растекалось по моему телу, вниз по спине.

— Да, — прошептала я. — Да-да, со мной всё прекрасно... А ты? Ты...

— Да. Да, я в полном порядке, — я отступила на шаг назад, вдруг осознав, насколько близко мы оказались. Непозволительно близко. Он провёл рукой по своим волосам, делая это даже небрежнее, чем прежде, и кивнул мне — что-то вроде неуклюжего поклона. Я понятия не имела, что Фицрой тоже может смутиться.

— Кто-то пострадал? — быстро спросила я. — Стэн и его люди ушли, да? Без жертв?

— Они сбежали, Ваше Величество, — вмешался один из стражников. — Мы послали за ними своих людей, разумеется, но они умудрились сбежать от наших солдат.

— Следственно, никто не пострадал?

— Ни одна живая душа, Ваше Величество.

Слишком хорошо для того, чтобы это было правдой — чем-то настоящим, реалистичным. Конечно, мы не могли так легко пережить всё это!

— Спасибо тебе, — промолвила я, обращаясь к Фицрою. — Если б ты не нашёл стражу...

— Они уже тебя искали, я просто указал им правильное направление.

Один из стражников уверенно шагнул вперёд.

— Когда мы поняли, что Форт атакован, Ваше Величество, мы хотели помочь.

— Хотели помочь мне?

— Ведь это наш долг, Ваше Величество. Да и вы — не убийца. И некоторые из нас очень ценят то, что вы сделали, уж простите, если я что-то не то сказал...

— А что я сделала? — о да, я вряд ли успела сделать хоть что-то.

— Вернули деньги, Ваше Величество. Сейчас очень трудные дни — не для рабства, поверьте. А вы ещё и отказались убить служанку. Кто-то считает вас слишком мягкой, но остальные — все мы, — очень ценят это, Ваше Величество. Конечно, сейчас просто не бывает, но вы обо всех заботитесь.

Казалось, все эти слова доносились до меня, будто бы из-под воды — я едва-едва разбираю их смысл. Кажется, я даже не знала, о чём именно мне сейчас говорили.

— Спасибо вам, — я понятия не имела, что ещё должна была сказать.

— Стоять! — крикнул в коридор тот стражник, что стоял у двери. Я обернулась, увидев замершего на пороге Расмуса Холта. Он был бледнее, чем я когда-либо видела, а борода его, казалось, дёргалась с непрерывной частотой.

— Ваше Величество... Вы в порядке. Когда я услышал, что задумал Стэн... Вас и

вправду хранят Забытые!

Я поспешила к нему. Он казался невредимым — разве что очень испуганным и немного потрёпанным.

— Вы видели моего отца?

— Ваш отец... — Холт нахмурился. — Он был со мной, когда всё это началось.

Мой желудок сжался. Ведь он сказал бы мне сразу, если б всё было хорошо, разве нет?!

— Что случилось?

— Они нас закрыли, чтобы гарантировать невмешательство, и ваш отец... он очень беспокоился о вас. Потом Торстэн Вольф заявил, что они уходят. Я подумал — вы мертвы, но... — он покачал головой.

— А мой отец? Что с моим папой?

— Он пошёл с ними.

— Нет, — я отступила назад, качая головой. Всё это было совершенно бессмысленно. — Как он мог с ними пойти?

— Стэн заставил его. Он решил воспользоваться им, как рычагом управления, влияния на вас.

— И вы даже не попытались его остановить?!

— Я? Остановить Торстэна Вольфа? Ведь я стар, Ваше Величество, я советник — не солдат. Да и должен был кто-то остаться здесь, помочь вам, если вы остались целы.

Боже... А ведь я с ним ругалась. В последний раз, когда я виделась со своим отцом, я даже закричала на него! Тогда во мне было столько гнева — равно как и сейчас...

— Тогда вам следовало пойти вместо него, защитить его!

— Они не посчитали меня ценным заложником, Ваше Величество. Оставили меня только потому, что я для них ничего не значу. Да и совет вам нужен сейчас куда больше, чем когда-либо, Ваше Величество.

Он был прав. Он ведь совершенно ни в чём не виноват. Но мой отец...

— Что они с ним сделают? Что вообще они собираются делать?!

— Уверен, что он в полной безопасности, Ваше Величество. А вам сейчас, пожалуй, следует сосредоточиться на собственном состоянии.

— Да как здесь вообще может быть безопасно? Ведь Стэн только что и вовсе пытался меня убить!

— С этим вы ничего не сможете сделать, Ваше Величество, — впервые голос Холта зазвучал чуть громче обычного, а глаза засверкали. — Ушла половина придворных и несколько стражников. Вне всяких сомнений, Стэн отправится на юг, где находятся его земли — там он отыщет людей, верных ему и готовых его поддержать. Сражаться с ним вы не сможете.

— Я должна, — я сжала кулаки. — Сзывайте совет — или то, что от него осталось. Нам нужно продумать действия.

Он поклонился.

— Разумеется, Ваше Величество.

Оказалось, что из совета остались только Холт и Норлинг. Что ж, это вполне логично — то, что нас предала Торн. Разумеется, она, как разведчик, знала бы о плане Стэна — даже если б не принимала участия во всём этом.

Комнату, где проходил совет, не тронули, поэтому она осталась привычно холодной и мрачной. Стол — всё такой же безгранично огромный, но я всё равно села во главе, отгоняя

от себя страх. Слишком мало сил на страх — слишком мало сил на пространственные вступления.

— И сколько у нас есть времени, прежде чем он вновь атакует?

— Это довольно трудно предсказать, Ваше Величество, — промолвил Холт. — Он будет искать поддержку в другой части страны, да и ещё ему нужно доказать своё право на трон — в таком случае, без сомнения, он вернётся.

— Он уже начал кампанию против нас, — промолвила Норлинг, — начал в тот момент, когда заклеил Её Величество как ту, что отравила придворных. И если ему поверят люди, ему, возможно, даже не придётся сражаться с нами самому.

— По крайней мере, мы знаем, что ответственен за нынешние нападения, — вздохнул Холт. — Ведь Стэн давно уже продемонстрировал, что мечтает заполучить трон...

— Нет, — возразила я. — Вы не правы. Та вторая отравительница... У меня сложилось такое впечатление, будто бы она и вовсе хотела избавиться от престола, от наследников и возможности продлить династию. От королей в целом. Зачем Стэну участвовать в чём-то в этом роде?

— Он вполне мог вступить в союз с ними, даже если не разделяет подобные убеждения. Да и, кажется мне, скорее всего, именно он и участвовал в нападении на банкете.

— Возможно, — кивнула я. — Но я не верю в то, что это был он. Ведь он так убеждённо самолично убеждал в том, что я была убийцей! Он был в ярости. Да, конечно, он может оказаться просто достаточно хорошим актёром, но... Нет, я не верю в это, да и у нас нет никаких доказательств. Как вы считаете, у него есть шанс получить масштабную поддержку?

— К сожалению, Ваше Величество, да. Кое-кто уже ушёл с ним, а за пределами города он сыщёт ещё больше своих последователей. Люди его знают, доверяют ему, вы же для них, увы, лицо незнакомое.

— Но он напал на меня, пока я спала, схватил моего отца! Люди просто не могут поддерживать его!

— Не все, Ваше Величество, — промолвила Норлинг, — но те, кто посчитают это отражением высшей справедливости — а так подумают те люди, что считают вас виновной в убийстве. Вы не должны были помиловать того, кто напал на вас, оскорблять память о мёртвых, поднимая из реки драгоценные камни — поэтому люди не слишком-то и склонны к тому, чтобы вас поддерживать.

Да, это дворяне не слишком-то склонны, чтобы меня поддерживать, а вот стража казалась достаточно счастливой. Вот только всех моих усилий, принятых для усмирения двора, оказалось недостаточно, и эти дворяне... Я покачала головой.

— Если его аргумент — это то, что я убила короля, нам следует сосредоточиться на том, чтобы выяснить, что же случилось на самом деле. Если я смогу доказать, что это — совсем даже не моих рук дело, он потеряет поддержку, — может быть, может быть, если б я только нашла доказательства, Стэн и атаковать перестал бы... Может, это всё глупо звучит, да? Или это слишком наивно? Но мне так хотелось в это верить! Ведь он был так искренен в своём горе, он так хотел найти истинного убийцу... Если б я доказала, что не виновна, то он не стал бы нападать на меня, не повторил бы это вновь. — Я нуждаюсь в том, чтобы в лабораторию принесли отравленный торт. Я должна его исследовать.

Норлинг нахмурилась.

— Ваше Величество, вы не...

— Что я не?

Холт только коротко покачал головой.

— Мы не можем тут же броситься в бой со Стэном. Сначала надо обезопасить город, собрать верных вам людей. Придумать нашу стратегию.

— Да, мы это сделаем. Но мне всё равно нужен будет торт.

Я смотрела на него, пока он наконец-то не кивнул.

— В первую очередь он отправится к тем землям, которыми владеет, — промолвила Норлинг, пытаясь не позволить воцариться в кабинете тишине. — Так что надо собрать силы. Но я не сомневаюсь, что это только начало. После случившегося в королевстве нарушен баланс сил. Если б только я была азартной женщиной, я бы заявила, что он начнёт с юга страны, а потом подомнёт под себя всё вокруг, будет овладевать одновременно только одним регионом...

— Если он это сделает, нам будет довольно трудно не позволить ему заполучить поддержку народа. У нас нет никого, кого можно было бы отправить как посланника в другие регионы, — вздохнул Холт, — не тогда, когда любая защита может понадобиться Её Величеству. Нет, следует сосредоточиться на столице — мы должны выиграть эту войну на словах.

— И на действиях тоже. Меня многие не любят — но ведь они меня совсем не знают. Если я могу помочь им, сделать то, что считаю правильным, может быть, они станут доверять мне намного больше.

— Труднее всего будет убедить дворян, — проронил Холт. — Да и остановить тех, кто ушёл, будет невозможно. Но вы, возможно, правы. Жители города почти не видели вас, да и им постоянно на ухо бормотали что-то эти... подрывники. Если же вы докажете, что не столь коррумпированы, как двор короля Йоргена... — он задумчиво кивнул, — выход в город будет первым шагом. Благотворительность, может быть? Ходили слухи, что Забытые ответственны за то, сколько людей умерло на банкете. Если покажете, что достойны уважения Забытых — мы-то это знаем, — то многие встанут на вашу сторону. Люди всегда будут сражаться за королеву, избранную Забытыми.

Я вновь провернула в руках рубиновый кулон. Однажды идея с Забытыми сработала, не так ли? Вид кулона Валанте заставил Стэна засомневаться — этого хватило, чтобы прибыла стража. Может быть, эта идея вдохновит народ, и они встанут на мою сторону? Ведь если так будет, они не вынуждены будут рисковать жизнью за чужую ложь... Но... Я чувствовала страх — как и каждому человеку, меньше всего на свете мне хотелось умирать.

Нет, до этого не дойдёт. Должен же быть способ избежать прямого сражения с ним! И, к тому же, я смогла бы помочь людям, даже если всё началось с желания спасти себя.

— Мадлен поддерживает один детский дом, — медленно произнесла я. — Я отправлюсь туда, а вы убедитесь, что люди это увидят. Разве это не поможет?

— О да, Ваше Величество, — кивнул Холт. — Просто отличная идея!

— А ещё я хочу, чтобы вы распространили копии трактата Густава. Разместили их повсюду, так, чтобы их мог прочесть каждый человек.

— Ваше Величество?

— Эта книга стала легендарной, потому что её запретили — и это использовали против меня. Вот только текст может выступить в мою поддержку. По крайней мере, он может остановить их от убийства. Мне кажется, это может сработать.

— Если вы так уверены, Ваше Величество...

— Уверена, — на самом деле — нет, но стоило хотя бы попытаться.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — сказал Холт, — но тогда у нас есть ещё один вопрос — это следует учесть. Если вы собираетесь представиться как та, кого одобряют Забытые, то следует присмотреться ко двору и той компании, что вы выбираете.

— Компании, которую я выбираю? Простите, что?

— Люди заметили, Ваше Величество, как сблизились вы с... С Уильямом Фицроем. Понимаю, он привлекательный молодой человек, но при таких обстоятельствах не слишком хорошо, что вас будут видеть вместе. Как я уже однажды говорил...

— Вы говорили, что он может быть угрозой для меня — но разве не он защищал меня во время нападения Стэна? Ведь он мог с лёгкостью встать на его сторону!

— Да, но это — не единственная проблема, что у нас есть, — проронил Холт. — Ведь само существование Фицроя — это символ прошлого двора, коррумпированого и кошмарно относящегося к людям. И если вы хотите, чтобы вас не ассоциировали с этим, то придётся находиться подальше от него.

Я чувствовала, как во мне уже в который раз закипает гнев.

— Он — не символ! Он обыкновенный человек, и я не могу позволить себе вышвырнуть его со двора из-за глупых предрассудков!

— О, Ваше Величество, не вышвырнуть, нет-нет... Но, может быть, не стоит быть так близко с ним? При всех наших неприятностях...

— Есть ещё одна возможность, которую мы должны принять во внимание, — голос Норлинг, казалось, разрезал воздух, убивал оставленную Холтом тишину — она явно планировала сменить тему для разговора. — Да, Стэн сейчас вне нашей досягаемости, но его кузина Мадлен всё ещё здесь. Она может быть полезной при переговорах о мире.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, ведь они забрали вашего отца, Ваше Величество — а значит, попытаются использовать это против вас. Но у нас в руках его кузина — а значит, мы тоже можем воспользоваться этим. Я предлагаю заключить её под стражу.

— Нет, — я не собиралась слушать это и дальше.

— Ваше Величество! Если это может помочь...

— Нет, — вновь ответила я. — Мадлен не совершила ничего плохого! Этой ночью, более того, она спасла мне жизнь!

— Это война, Ваше Величество, — тихо возразил Холт. — И иногда мы должны делать то, что...

— Нет, Мадлен должна быть в целости и сохранности. Стэн отлично знает о том, что она всё ещё с нами. А этого, мне кажется, будет более чем достаточно для влияния, как вы выражаетесь, на него!

Когда я вернулась в покои, только-только взошло солнце, и мне казалось, что я не смогу больше ходить. Мила и Карина стояли на часах — обещали, что будут хранить меня, вопреки тому, что сильно истощены. Я всё равно, впрочем, закрыла дверь в свои покои и приставила к ним маленький столик — только для того, чтобы создать видимость безопасности.

Покои мои были наполовину разрушены. Они опрокинули стулья, порвали гобелены, изрезали платья в гардеробе. Наоми явно пыталась убраться, но теперь уснула, свернувшись в кресле в кругу настоящей чистоты. На коленях у неё устроилась Дэгни — её уши дёрнулись, когда я вошла в комнату, но больше она не двигалась.

Я медленно, осторожно раскладывала вещи — слишком уж трудно было уснуть.

— Ваше Величество? Фрея? — я обернулась. В дверях стояла Мадлен Вольф, протяну

руки, словно пыталась защититься.

— Мадлен? Ты что здесь делаешь?

— Надеялась, что смогу немного помочь тебе.

— Я закрыла дверь. Я её даже забаррикадировала!

— Так я ведь ждал твоего возвращения. Не хотела будить Наоми — так что осталась здесь... Немного посидела, укрылась... Надеюсь, я тебя не очень испугала? — она сделала шаг в мою сторону. — Ты в порядке?

— Я в порядке? — я откинула волосы со своего лица. — Нет. Нет, не в порядке, — они забрали моего отца, на меня напали, и опасность теперь казалась такой ясной, словно к моему сердцу только что поднесли кинжал. — Почему ты всё ещё здесь?

— Потому что считаю тебя хорошим человеком. Не хочу, чтобы ты пострадала. Я подумала, что тебе может понадобиться моя помощь, — она подошла ближе. Она так и не сменила своё мокрое платье, но выглядела так, будто бы сделала это специально. — Я могу помочь тебе, если ты, конечно, мне позволишь. Тебе надо завоевать доверие людей, сделать союзниками тех, кто постарше — да кого только сможешь! И ты говорила, будто бы во мне есть талант к очарованию...

— Зачем ты мне помогаешь? Твой кузен...

— Мой кузен ошибается. И... — она замерла, и её пухлые розовые губы плотно сжались. — И ты сохранила кошку.

Это было последнее, что я ждала от неё услышать.

— Что?!

— Ты не пожалела свою жизнь! Ты вернулась, чтобы просто забрать свою кошку — и я поняла, что ты однозначно не заслуживаешь того, что удумал Стэн. Да, я знала, что ты хотела быть хорошей королевой, потому и предупредила тебя. Но когда я увидела... Ты очень добрый человек, Фрея, и я хочу тебе помочь. И я знаю, что если дать тебе хоть малейший шанс, ты будешь просто прекрасной королевой!

Она поддерживала меня из-за Дэгни? О Забытые!

— Ты считаешь, что я могу быть лучше, чем Стэн?

— Какое это имеет значение? Стэн — часть старого двора, и, может быть, он стал бы хорошим правителем. Вот только этот трон ему не принадлежит.

Мадлен спасла мне жизнь. Но променять это на своего кузена и всё, что она знает... Могла ли я ей доверять? Всё казалось таким странным и бессмысленным...

— Тебе ведь нравился старый двор. Разве нет?

— Да, — тихо ответила она. — И в тот же момент нет. Мне нравились люди, нравился смех и бесконечное сверкание. Быть среди разных людей, изучать их преимущества и недостатки... Это было прекрасно. Вот только это такое холодное, такое бездушное место, и здесь все так замкнулись на собственной блистательности, что перестали в этом блеске замечать что-либо другое. Да, это трудно — но в это были мои друзья и моя жизнь. Каждый раз я уходила — врачи отправляли меня в деревню. Они слишком мало знали меня, если считали, будто бы покой и тишина могли бы мне помочь. Но, полагаю, в итоге они всё-таки спасли мою жизнь.

— Но что с тобой было? — слишком глупый вопрос, но если Мадлен ответит, может быть, я наконец-то смогу окончательно довериться ей?

— Меланхолия, не больше и не меньше. Я часто этим страдала — не потому, что мне не нравился двор, а потому... Не знаю. Просто что-то из всего этого, — она откинула волосы за

спину и улыбнулась. — Впрочем, в это время было хуже всего. Так сильно... Словно я действительно заболела! Да, живот прежде у меня никогда не болел, но врач сказал — это тоска, тоска, которую не способно исцелить даже время. Они называли это... чувствительностью! — она весело рассмеялась. — Оказывается, чтобы грустить, надо быть такой чувствительной!

— А почему же ты грустила?

— О, не знаю, можно ли задавать этот вопрос так. Ведь я не грустила о чём-то конкретном — просто испытывала жуткую грусть. Разве у тебя такого не было? О, если нет, то тебе очень повезло! — она опустила на пол, позволяя юбкам раскинуться вокруг неё. Дэгни спрыгнула с колен Наоми и ткнулась носом в руку Мадлен. — Тебе стоит устраивать больше развлечений... Да, это так глупо звучит, учитывая обстоятельства, но раз уж люди не видят в тебе королеву...

— Да, да, я всё понимаю, вот только не могу быть тем, что они хотят увидеть.

— И что же тебе всегда говорили?

— Они всегда осуждали меня, даже до того, как всё это случилось...

— Ты так в этом уверена? Ведь мало кто из людей, что пережили банкет, были близки к королю. А разве ты давала им повод, разговаривала с ними когда-то? О, может, они куда лучше, чем ты и вовсе могла бы себе представить! Просто будь собой, Фрея — потому что сейчас это единственный путь, что вообще может привести тебя к успеху — другого пути нет! — она почесала Дэгни под подбородком. — Мне бы так хотелось помочь тебе! Если б ты только меня приняла... Мне бы так хотелось остаться здесь. Да, ушёл мой кузен, все мои друзья, но... прошу, Фрея. Примешь ли ты меня?

Я закусила губу.

— Да, — промолвила я — потому что другое и не приходило в голову после теплоты её слов. — Да. Помоги мне. Пожалуйста.

Двадцать

— Скажите-ка мне, государыня, где же вы были вечером во время банкета?

— О, я отправилась домой.

Фицрой покачал головой. Я сидела сбоку на центральном столе в своей лаборатории, будто бы делая вид, что на троне, а Фицрой ходил туда-сюда, досаждая меня вопросами. Рядом блуждала Дэгни, ступая по мне своими мягкими лапами, а Наоми замерла рядом с шкафом, готовя металл к следующему исследованию.

— О, что ж, если вы мечтали оказаться под подозрением, поздравляю. А противном случае — увы...

Да, я выслушала советы Холта, даже на мгновение поверила в них — но мне нужно было время, чтобы подтвердить свои мысли о Фицрое, что он хороший человек и что я никогда не смогу отогнать его от себя только потому, что он — родился от короля. Я хотела выжить, но жертвовать им совершенно не собиралась.

— Но ведь это правда! — обратилась я к нему. — Я пошла домой. Ушла с Наоми!

Она покачала головой, не отрываясь от собственной работы.

— Я не смогу спасти тебя от этого, Фрея. Это звучит, будто оправдание.

— Это не то, что я говорю, — вздохнул Фицрой. — Но это то, что говорят остальные. Как думаешь, твои слова могут быть причиной следующих смертей?

— Только если следующей смертью будет именно моя, и ничья другая.

Фицрой изогнул брови, пытаясь казаться строгим.

— Хорошо. Что ж, как тогда на это стоит отвечать? — я нахмурилась, глядя на бумагу, на которой были выведены все стандартные вопросы и ответы, что вы пытались практиковать. Фицрой не позволял мне делать одни и те же ошибки, оправдываться, когда кто-то будет бросать мне вызов, но я всё равно казалась слишком неподготовленной. — Если скажу, что отправилась в свою лабораторию, дабы ставить эксперименты, я себя только больше дискредитирую! Ведь Стэн обвинил меня именно из-за того, что умудрился там найти!

— Таким образом, если ты не способна скрыть всё это от народа, — вздохнула Наоми, — ты могла бы быть просто честной с людьми. Мне кажется, что это сделало бы тебя довольно... Интересной. А самое главное, ты звучала бы очень умно.

Я бы звучала очень не по-королевски.

— Это не тот ответ, которого бы они ожидали, — вздохнул Фицрой. — Но, может быть, это и хорошо? Ведь ты не какая-то там опасная лгунья, да и двору всегда нравится новизна. Быть может, это их заинтригует...

— Эксперименты — это не новизна, а в первую очередь важные исследования, и...

— Знаю, Фрея, — вздохнул Фицрой. — И, думаешь, торчал бы здесь, если б для меня это не было понятно? Но так ли это важно, если люди полагают иначе? Если это основано на правде, и если она открывает тебя настоящую, это следует использовать! — он откашлялся и вновь выпрямил плечи, притворяясь следователем. — Итак, государыня. Что вы делали вечером в день банкета? Там я вас не видел.

— Я отправилась домой, потому что хотела... потому что я хотела эксперимент... я...

— Нет.

— Ты не помогаешь!

— Да во имя Забытых! — он остановился передо мной. — Просто скажи мне. Перестань запинаться на каждом слове и дай ответ на каждый вопрос.

— А я не могу перестать запинаться на каждом слове! Почему нет? Ведь мои слова совершенно бесполезны, они...

— Будь умной, Фрея — ты такова и есть. Ты убедительна, когда перестаёшь дрожать. И когда ты рассказываешь о своих экспериментах, о своих теориях, ты будто горюшь — так почему бы не позволить себе и сейчас звучать подобным образом?

Я сделала глубокий вдох. Фицрой не давал меня чувствовать себя совершенно спокойной, но, по крайней мере, я могла доверять ему и его честности. Его эмоции и чувства казались всегда до такой степени ясными, что мне не приходилось заботиться о том, что он мог подумать, но так и не произнести в слух. Мне просто следовало спросить ему.

— Я испытала на балу приступ... вдохновения, — промолвила наконец-то я. — Подумала, что шпилька может стать ключом к эксперименту. Я работала над... над созданием портативного обогревателя, что работал бы без пламени, чтобы держать руки в тепле зимой. Я поспешила домой вместе с Наоми, чтобы заняться работой, и была там, когда услышала новости.

— Это всё ещё слишком мягко, — покачал головой Фицрой, — но куда лучше, чем прежде.

Я провела пальцами по спутанным волосам, освобождая их от надоедливой ленте. Ну что ж, я прогрессирую — значит, рано или поздно, смогу добиться успеха.

— А как прошёл твой эксперимент? — вдруг поинтересовался Фмцрой.

— А это может как-то помочь в моей защите?

— Не знаю. Вдруг интересно стало, вот и всё. Так что, у тебя получилось?

— Нет, — тихо отозвалась я. — Не получилось, — я покачала головой, поднялась на ноги, выпрямилась и расправила плечи. В глаза слишком явственно бросалась куча бумаг в углу комнаты. Да, Фицрой всё-таки отправился сегодня утром во дворец — и привёз столько писем, сколько смог поднять. Да, беспорядок заставлял меня зло сжимать зубы, но шанса посортировать их, не прочитав прежде, не было, а время терять не хотелось. Так что мы просто сбросили всё это грудой в углу, чтобы потом хоть как-то прочесть и просмотреть.

Да, я провела с Наоми и Фицроем вот уж два часа кряду — но мы так ничего и не нашли. Фицрой планировал вернуться во дворец, чтобы отыскать ещё больше писем и важных документов, но у меня на это сейчас не было никакого времени. Следовало практиковаться, подготовиться... Во второй половине дня я вынуждена была посетить граждан, жителей города, попытаться убедить их, что не столь страшна и коварна, как убеждал Стэн и его предательские пособники.

Это совершенно не казалось реальным — особенно успех от подобной затеи. Но если бы я вдруг остановилась — то что, никогда не выходить за дверь собственного дворца? Сгнить и вправду в Форте? Поэтому я раз за разом повторяла слова, примеряла улыбки. Я способна это сделать.

Сейчас я бродила туда-сюда по комнате, практикуя собственную величественную речь. На стол вскочила Дэгни, следила за мной взглядом — от этого легче совершенно не становилось. И Фицрой тоже наблюдал за мною, вот только он не комментировал ничего — а Наоми во второй раз перевешивала все ингредиенты и просто не смотрела.

— Ваше Величество? — темноволосая стражница, Карина, просунула голову в дверной проём. — К вам пришла Мадлен Вольф.

— Да-да! — кивнула я. — Пропустите её, пожалуйста.

— Фрея... — Мадлен проскользнула в помещение, стоило только позволить. — Мне сказали, тебя можно отыскать здесь. Нам надо подготовиться к нашему выходу... — вот теперь я видела Мадлен такой, как впервые — огромная юбка, и пышные шелка скользили по пыльному, окровавленному полу. Она улыбнулась, осматривая комнату, вот только всё равно, кажется, особого удовольствия от пребывания здесь не испытывала. — Пыточные — странный выбор...

— Это лучшее место из всего, что мне дали, для того, чтобы работать.

— Надеюсь, пытать никого ты не собираешься. Жуткое нарушение королевского этикета!

— Довольно традиционное, впрочем, — отметил Фицрой.

— В таком случае, я безумно рада, что наша королева не склонна придерживаться традиций, — Мадлен скользнула в комнату, провела пальцами по бутылкам, флаконам, книгам, по весам в руках Наоми. — О, милая, — она улыбнулась ей. — Что ты делаешь?

— Мы собирались заниматься изучением реакции различных металлов на раствор мышьяка, — сообщила та. — Фрея уверена, что так можно его обнаружить.

— Совсем я не уверена! — возразила я, — просто предполагаю, что это может помочь. А значит, мы должны попробовать — всё, что у нас есть.

Мадлен коротко кивнула.

— Ты всё ещё пытаешься отыскать убийцу?

— Кроме всего остального — да.

— Ну, пожалуй, мне стоит предположить, что мой кузен сейчас твой главный подозреваемый, верно?

— Я не знаю, — промолвила я, — да, он вёл себя подозрительно, вот только... Ему это не нужно. Он совершенно не походит на кого-то, кто ответственен за это! — рассуждать об этом было отвратительно, но ведь я знала — он тут ни при чём. — Да, у него был мотив. Но ведь это убийство всех его друзей, без исключения! И... — я покачала головой. — Я должна выяснить, кто это был. Должна найти отравителя.

— И тогда люди встанут на твою сторону?

— Я надеюсь, что нам не придётся бороться до конца. Что войны не будет.

Мадлен устроилась на запасном стуле у дальнего края стола, и её пышные юбки каскадами спадали на пол.

— Ты думаешь, что если узнаешь правду, он остановится? Не нападёт?

— Всяко может быть, — кивнул Фицрой. — Стэн сейчас твердит, что она виновата в этом.

— Мой кузен был очень логичным человеком — даже с нашего детства. И он всегда верил в справедливость, это первая ценность для него в жизни. Но мне кажется, он просто ослеплён этой выдуманной истиной. Он убедил себя в том, что ты несёшь ответственность за это — было бы так просто, если б это на самом деле оказалось правдой! — и он так хочет, чтобы кто-то ответил за убийство, он хочет сражаться с тем, кто виновен. И теперь, когда он вступил на этот путь, слишком уж трудно ему будет изменить своё мнение.

— Но ведь ты сама сказала, что он не может быть убийцей, — вздохнула Наоми. — И если Фрея докажет, что невиновна, найдёт отравителя, продемонстрирует доказательства... Если он и вправду нуждается в справедливости, он должен будет остановиться. Прекратить сражение. Разве нет?

Мадлен вздохнула.

— На вашем месте я не полагалась бы на это до такой степени, — проронила она. — Он может предположить, будто бы вы пытаетесь его обмануть, отыскать доказательства слишком трудно... Лучше всего было бы, если...

— Если бы мы с ним сражались? — спросила я. — Нет. Это не может быть лучшим исходом, — я провела пальцами по своим волосам. — Нам стоит попытаться убедить его.

На самом деле, это было куда сложнее — хотя... Я не могла себе представить, что потерплю неудачу в тот момент, когда успех был до такой степени важен. Я ведь даже представляла это — как шла к нему с Мадлен — ведь он верил Мадлен, а значит, её помощь окажется просто неоценимой! Она бы сказала ему всю правду, предложила бы ему прощение — и он сначала отказывался бы, но потом, узрев доказательства, услышав мольбы Мадлен, увидев наконец-то причину всего случившегося, он бы сдался. Мы бы наказали убийцу — и всё потекло бы так, как прежде.

Я должна поступать правильно.

Мадлен была так рада взять на себя некоторые обязанности Наоми относительно моего внешнего вида — а сама Наоми, кажется, оказалась ещё счастливее от того, что позволила ей это сделать. Мадлен принесла сотни баночек с косметикой и шпилек для волос, когда переехала в мои покои, а теперь разложила их на столе и рассматривала, продумывая будущий шедевр.

Она одевала меня в элегантное лёгкое платье, макияж оставила светлым и ярким — отнюдь не так, как при старом дворе, но одного взгляда в зеркало хватило, чтобы понять — я была в этом хороша. Казалась настоящей королевой.

Мадлен убрала волосы наверх, прикладывала их то так, то сяк.

— Король был болен, — тихо промолвила она. — Ты об этом знала?

Я только коротко покачала головой.

— Мне кажется, мало кто знал, но он болел последние шесть-семь месяцев — это как минимум! Конечно, это было не слишком опасно для жизни, но я уверена, что это его не испугало. Он не хотел, чтобы об этом кто-то узнал.

— Но ведь ты узнала?

— Моя собственная болезнь... Конечно, мы были очень разными — и болел он иначе, — но, кажется, он подумал, что я могла бы понять. Конечно, странно было слышать от него подобные слова, и он... Он был так уязвим! Я совершенно не привыкла видеть его уязвимым человеком.

— Ты была его другом?

— Не скажу, что да. Никогда не думала, что он мог заботиться о ком-то, кроме себя самого, своего комфорта, ну, может быть, для кучки друзей... Никогда не одобряла его политику. Здесь было так много дворянства, и все они отбирали у народа последнее, а он не сделал ничего, чтобы изменить положение вещей. Чтобы вернуть всё на свои места.

— А тебе хотелось бы, чтобы он изменился? А что именно ты желала поменять?

— Люди умирали, потому что у них не было доступа к самым элементарным лекарствам. Их выгоняли из собственных домов, ведь они не могли позволить себе платить арендную плату, непосильную, между прочим! Что уж говорить о фермерах, голодающих только потому, что они не могли позволить себе то, что сами же и выращивали, сами же и создавали! Пора было заметить это хоть кому-то! Вот мой кузен замечал — только вот не помогал справиться с этим. А потом нападение...

— Я не думала, что ты до такой степени заинтересована в политике...

— О, политикой можно интересоваться равно так же, как и модой, разве нет? Ведь они идут рука об руку — эти выступления, правильные слова, то, что делают такие люди, как ты...

— Увы, но политика — это совсем не то, что тебе кажется. Не то, что хотелось бы... То, чего я боюсь.

— Да, это так — и мне страшно, но если мы хотим помочь...

Я смотрела на наши отражения в зеркале. Мадлен провела расчёской по волосам, и я почувствовала странную дрожь её рук.

— Мне кажется, моя мать чувствовала точно то же... Относительно двора.

Мадлен улыбнулась.

— А какой она была?

— Идеальной, Мадлен... Идеальной. Всегда видела только самое хорошее в людях! Она говорила — люди ждут, что ты позволишь им просто быть хорошими. Просто дать им шанс... — да, она учила меня этому — и несколько лет назад я пыталась относиться к людям, как мама.

— Я слышала, при дворе она была просто легендарной! Королевская родственница, сбежавшая с женихом-торговцем... убедившая их в том, что они должны принять его — и это не возымело никаких последствий!

— Она могла уговорить кого-угодно, — и меня уговорила однажды. Сказала, что я ценна. Сказала, что я должна принять свою силу — и тогда другие будут любить меня за это, независимо от того, сомневаюсь ли сама. Для девяти лет это была прекрасная ложь, вот только рядом не оказалось никого, кто мог бы её хоть немного подтвердить... Или разбить.

— Я почти не помню свою маму, — вздохнула Мадлен. — Мне было четыре, когда она умерла — но, помню, от неё всегда пахло скипидаром, потому что она постоянно использовала краски. Не помню её картин — но всё равно её работы есть в нашей усадьбе, и её дух тоже есть — то, как она видела весь этот мир...

— Именно поэтому ты начала рисовать? Из-за матери?

— Ох, не знаю... — она на мгновение бросила на себя взгляд, а после потянулась за тонкой кистью, что лежала на столе. Почти машинально она закусала её кончик, провела по щетинкам пальцем, а после опустила в баночку с алой помадой. — Я не пыталась рисовать до той поры, пока пару лет назад не оказалась в деревне после первого приступа своей болезни. О, это было просто ужасно! Но в этом нашлось что-то успокаивающее. Так или иначе, знаешь, я будто бы что-то в себе раскрыла, почувствовала, что у меня с мамой во время работы появляется некая связь... Да и, к счастью, во мне что-то было, что дало достигнуть некоего успеха. Так что, теперь я пахну скипидаром.

— А моя мама пахла лавандой... — покачала головой я и тут же задумалась — а было ли это на самом деле правдой? Я прекрасно знала, что моя мать любила это растение, что пользовалась духами... Но помнила ли я этот тонкий запах, или, может быть, уцепилась за самую идею?

Мадлен провела красным по моим губам, а после отступила на шаг назад.

— Ну вот, теперь я закончила. Ну, что скажешь?

Наверное, она самая настоящая колдунья. Мои волосы теперь выглядели поразительно элегантно и причудливо, но всё равно не делали меня похожей на нечто неопределённое и смутно смахивающее на девушку из другого мира — я была сама собой. Тонкие линии румян подчеркнули остроту скул, мягкие локоны создавали объём, при этом не отягощая моё лицо. Тонкая линия чёрных волос, одна только прядь, завитком падала на лицо, теперь казавшееся не прямолинейным, а целеустремлённым, живым, а не пугливым.

Завершая образ, Мадлен повесила на мою шею рубиновую звезду Валанте. Единственная драгоценность, которую в этот день я позволила себе надеть.

— Я выгляжу просто замечательно! — воскликнула я. — Правда, спасибо тебе огромное!

— Ведь я уже говорила тебе — ты должна выглядеть по-королевски. Но ведь никто не говорил, что ты должна выглядеть, как последняя из наших королев.

Я кивнула. Шпильки не выпадали, как я боялась. Я чувствовала себя уверенной и цельной. Поднялась — и заключила Мадлен в свои объятия. Мадлен покраснела, но на лице её расплылась искренняя улыбка.

— Я рада, что тебе понравилось! Ну, разве ж моя искусственность не была полезной? Теперь — иди и покажи всем этим людям, какой королевой ты на самом деле можешь быть!

Двадцать один

Всё утро моросил дождь. На дорогах раскинулись лужи, в воздухе застыл туман. Моя коляска медленно двигалась по улицам. Серые лошади казались царственно-чистыми, когда

покидали Форт — но сейчас были все замызганы грязью.

Город будто бы спрятался, скрылся за стенами домов от дождя. Я выглядывала из кареты, отодвигая занавеску, но не увидела ни одного прохожего, только серым полотном простёрлось над нами немое небо.

— А где же все? Неужели они не хотят выйти, чтобы увидеть меня? — прозвучало высокомерно, но ведь это не было так, верно? Я просто не смогла бы убедить людей полюбить меня, если б не посмотрела им в глаза.

— Мы не объявляли им, что вы сегодня появитесь в городе, — сказала Норлинг, — потому что это небезопасно. Вы отправитесь в детский дом, но лучше бы сделать это довольно тихо.

— Мы не имеем права вести себя тихо! — ведь без людей всё это не имело значения. Я не смогу уберечь свою жизнь, свои нервы, если они мне не помогут — я должна показать людям, что я здесь была! — Остановите карету.

— Ваше Величество?

— Остановите карету, я нуждаюсь в прогулке.

— Но, Ваше Величество...

— Меня должны увидеть, — да, отец сумел бы меня удержать, но разве он был здесь? Только Холт и Норлинг — а ещё мой собственный ум, — и оставаться в стороне от народа я сейчас не могла. Действовать подобно старому королю, которого, казалось, ненавидела половина его же народа, когда все хотели избавиться от дворянства... Да что толку?! Мне надо доказать, что я не чванлива, не жадна. Что я — та девушка, которую одобрили сами Забытые.

И для этого я должна была выйти.

Стоило только карете остановиться, и я буквально выпрыгнула на улицу. Наоми и Мадлен выскользнули за мною, замерев за моей спиной. Оказывается, люди всё-таки были — просто их нельзя было увидеть из узкого каретного окошка. Несколько покупателей шагали, сжимая в руках корзины, на углу играли какие-то подростки, куда-то спешили бесконечные купцы, на ходу совершая выгодные сделки.

Холт и Норлинг выбрались из кареты следом за мной. Холт едва заметно улыбался, но вот Норлинг казалась совершенно грустной и разочарованной.

— Ваше право, — промолвила она. — Ваше право. Что ж, пусть стража идёт сюда — мы должны теперь пройти пешком, раз уж сама королева этого желает.

— Будет исполнено! — крикнул один из стражников, обращаясь к нам, и зашагал уверенно впереди. — Поприветствуйте! Поприветствуйте Королеву Фрею!

Это заставило людей оглянуться. Я заставила себя выпрямиться, расправить плечи, вспоминая обо всём, что говорил о моём королевствовании отец.

Вот только это было не то, что мне следовало сейчас сделать. Хорошая осанка может помочь — и в тот же миг, навредить мне. Холт и Мадлен говорили иначе — твердили, что я должна быть самой собой, быть... быть проще, чем это бесконечное шоу, которое устраивали придворные одним своим появлением. Я улыбнулась каким-то покупателям у лавки — слабо, но всё уже улыбнулась. Одна из женщин присела в глубоком реверансе.

Кто-то из них окинул меня оценивающим взглядом. Она ничего не прокричала, не проявила агрессии, вот только я увидела всё в её глазах. Она слышала, что я убила — и теперь оценивала увиденное. Думала, могла ли я совершить это на самом деле.

Один из купцов торжественно приподнял шляпу.

— О, приветствуем в городе, Ваше Величество. Что же вас привело к нам? — смело — подобным образом поприветствовать королеву. Согласился бы король Йорген принять подобное? Он бы рассмеялся и ответил, или, может быть, арестовал бы мужчину за его чрезмерную смелость?

Вот только это не имело значения. Важно было только то, что сделаю сейчас я.

— Приветствую и вас! — промолвила я. Голос слегка дрогнул, вот только всё равно звучал довольно уверена. — Что ж, я отправилась в Стоунгэйтский детский дом — тот, что на северной стороне города.

Второй мужчина рассмеялся.

— И вы заботитесь о подобных вещах именно сейчас, когда вас обвиняют в убийстве двора?

Стражник подошёл к нему, но я только вскинула руку.

— Я всегда заботилась об этом. Просто поняла, что следует сделать больше, чтобы продемонстрировать это.

Мужчина нахмурился, глядя на меня, и я воспользовалась этой короткой паузой, чтобы вновь зашагать вперёд. Покупатели опускались в реверансах, когда я проходила мимо.

— Ваше Величество, — прошипела Норлинг, стоило ей добраться до меня. — Это совсем не безопасно!

Да, я знала — вот только ложь, страх, игнорирование людей мне совершенно не поможет — а вдруг это сработает?

Мы миновали всё больше и больше народу, шагая по городу, и мимо нас грохотали другие кареты. Мне казалось, как сердце моё сжимается, пытаюсь увеличить расстояние между мною и толпой, но я всё ещё держала свою спину прямо, старалась, чтобы вдохи и выдохи были ровными, пыталась сосредоточиться на деталях — на сером цвете неба, на том, как под ногами хлюпала вода, как уличные фонари отражались в витринах. Я должна быть спокойной. Не паниковать.

Когда мы свернули в сторону бедных районов на севере города, к нам рванулась женщина. Ей было около пятидесяти, и на худом лице отражалось нетерпение. Стража ступила вперёд, пытаюсь её остановить.

— Ваше Величество, — пробормотала она, — прошу вас, благоволите мне...

— Благоволить вам? — я обошла свою стражу, приближаясь к ней. — Что вы имеете в виду?

— Моё дело в беде, Ваше Величество, и у меня слишком много долгов. Я не прошу вашего милосердия, Ваше Величество, но если б только вы меня благословили во имя Забытых, если б... Я хотела сказать... Может быть, это помогло бы...

Это было самой странной просьбой, которую я когда-либо слышала это.

— Но ведь я не могу сделать этого, — возразила я. — Благословить вас — как я могу?

— Но, Ваше Величество, ведь Забытые избрали вас! Прошу вас!

Я смотрела на неё — не в силах лгать. Несколько слов утешения ей бы и вовсе не помогли, но она казалась преисполненной надежды. Я подалась вперёд, опуская руку на её худое плечо.

— Я благословляю вас, — промолвила я, — во имя Забытых. Пусть ваши долги будут отпущены, а ваше дело процветает, — я замерла на мгновение. — Чем вы занимаетесь? И как вас зовут?

— Мэри, Ваше Величество. Мэри Ховард. Я изготавливаю заклёпки.

Если б только здесь был мой отец — он бы знал, какой совет следовало бы ей дать. Вот только сейчас я должна была справиться с этим сама.

— Приходите завтра в Форт. Посмотрим, чем я ещё смогу вам помочь.

— Но ведь я не просила от вас такой милости, Ваше Величество....

— Я не собираюсь даровать вам милость — я собираюсь просто помочь. Во имя Забытых.

Казалось, эта фраза звучала слишком патетично, вот только женщина засияла и вновь опустила в глубоком реверансе.

Я коротко кивнула ей, шагая дальше. Люди, что просили моего благословения, были не так страшны, как те, кто хотел заполучить мою голову, но я не могла быть спасителем для каждого из них. Это Холт должен был убедить их в том, что забытые выбрали меня — вот только как теперь заставить народ в это поверить?

Ещё несколько человек попросило меня о благословении, но большинство просто провожали меня взглядом, снимая шляпы и опускаясь в реверансах. Я чувствовала их оценивающие взгляды — королева на улицах города!

Небо потемнело, когда мы покинули главные улицы и направились в более опасные переулки вне центра города. Здесь здания стояли близко друг к другу — никогда не бывала здесь, никогда не чувствовала, как они гнулись к улицам, словно угрожая всем, кто осмеливался здесь пройти. Пахло отходами и гнилью, вокруг было слишком много народу. Мадлен же уверенно шагнула вперёд, кивая, чтобы я следовала за нею. Она вела нас по лабиринту улиц, пока не остановилась перед покосившейся дверью, из-за которой доносились юные голоса.

Я заставила себя глубоко вдохнуть и успокоиться, когда Мадлен постучала в дверь.

Отворившая нам женщина, казалось, была лет шестидесяти. Глаза её обрамляла сеточка из морщин, волосы были седые и короткие. Она казалась истощённой — но как же засияла, когда увидела Мадлен!

— О, Леди Мадлен! — воскликнула она. — Вы вернулись! Как же я рада. Я так испугалась за вас, когда услышала о том, что случилось во дворце...

— Меня там не было, Сьюзен, — улыбнулась Мадлен. — со мной всё в порядке. — Но я привела к тебе посетительницу, — она кивнула на меня. — Могу ли я представить тебе Её Величество, королеву Фрею? Я рассказала ей о том, чем здесь занимаюсь, и она тоже изъявила желание прийти сюда и посетить тебя и ребятишек.

— Ох! — Сьюзен долго смотрела на меня, открыв рот, а после, осознав, что на самом деле случилось, опустила в низком реверансе. — Такая честь, такая честь, что вы пришли, Ваше Величество! Боюсь, тут такой беспорядок... Ведь вы знаете — дети, дети могут иногда так утомлять...

Я понятия не имела, что должна ответить — только коротко кивнула.

— Прощу. Прощу, заходите! — она поманила Мадлен за собой, ещё раз поклонилась мне, кажется, не до конца осознавая, что случилось.

Здание совершенно не соответствовало внутренней теплоте и добру Сьюзен. Каменные стены, голые и мокрые, разили плесенью, потолок позеленел. От пола до крыши тянулись трещины, мебели казалось слишком мало. Где-то наверху слышались крики детей — эхо их игр.

Сьюзен, кажется, заметила удивление на моём лице.

— О, да, Ваше Величество, я знаю, что тут всё плохо, но это лучше, что мы можем

позволить себе за те деньги, которые у нас есть.

— Как я могу вам помочь?

— О, вы так добры, Ваше Величество! Мы ценим даже самые маленькие пожертвования. Продукты, одежда, игрушки, деньги, но... — она поджала губы, — если вас не обидят мои слова — мы на самом деле нуждаемся в гораздо большем. Вы помогаете нам уже тем, что приходите сюда, заставляете людей заметить, что здесь происходит, вот только детям надо что-то большее, чем пожертвования. Что-то большее... Чем вот это место.

Это и так было понятно. Да, я всегда чувствовала себя такой жалкой, неуклюжей девицей, что никогда не впишется в общество — но у меня был и дом, и папа, и достаточно денег, чтобы не задумываться никогда об их нехватке. Ах, какой же я была дурой!

— И что же с ними всеми произошло?

— О, много всего... Они все потеряли своих родителей — но по-разному. Раньше я просто подбирала детей-сирот, но люди, услышав, что я делаю, стали подкидывать детей на порог. Им больше некуда идти... Старшие хоть на улице пристроятся, а малыши — они ведь просто умрут!

В дверях показалась маленькая девчушка. Её светлые волосы достигали до талии, на лице можно было рассмотреть милые веснушки.

— Кто ты? — дерзко спросила она.

Я подошла ближе, не в силах отвести глаз от дыры на месте переднего зуба.

— Я Фрея, промолвила я, — подруга Мадлен. А тебя как зовут?

— Люси, — она всё ещё хмуро смотрела на меня. — А ты пришла с нами поиграть?

Я кивнула, и Люси крепко сжала моё запястье.

— Тут играть нельзя, — твёрдо сказала она. — Так не полагается.

— Хорошо.

Люси вновь окинула меня пристальным взглядом.

— Ты принцесса?

— Нет, — тихо отозвалась я. — Я не принцесса.

— Простите, Ваше Величество! — Сьюзен заспешила к нам. — Люси, это королева Фрея! Это женщина, что отвечает за всё-всё в нашем королевстве!

Люси совершенно не казалась впечатлённой, только гордо вскинула подбородок.

— А я была принцессой, — сказала она, так, что я не могла бы даже возразить, — пока меня не вышвырнули оттуда.

— Люси, — голос Сьюзен зазвучал резче. — Только особые люди становятся королевами и принцессами. Они не такие, как мы с тобой! Ох, простите, — добавила она вновь, будто бы обращаясь ко всем в комнате.

Но мне не хотелось, чтобы она извинялась. Я только опустила на колени перед Люси. Обычно маленькие дети пугали меня, и я понятия не имела, что с ними делать, вот только Люси не позволяла замяться или сбежать.

— Я не принцесса, — промолвила я, — и никогда не была одним из тех особенных существ, но я всё равно стала королевой.

Люси кивнула, словно давно подозревала это.

— Мы можем поиграть только в игровой комнате, — сказала она, отпуская мою руку. — Тебе придётся прийти туда, — и она уверенно зашагала прочь.

— Я не хочу проявлять неуважение, Ваше Величество, — вздохнула Сьюзен, — но лучше б вам этого не говорить. Не дарить им лишнюю надежду. Эти дети нуждаются в еде,

доме, одежде, работе, когда станут старше, а надежда им выжить не поможет.

Когда мы вручили свои подарки детскому дому, то направились уже к карете. Кучер следовал за нами по улице — вот только по узким улочкам этого города карета проехать не могла.

Я была счастлива вновь идти — так я могла думать.

Играть с Люми и остальными оказалось на удивление весело. Она была дерзкой — я вспоминала себя-маленькой, — и такой равнодушной к людям. Сдержанной рядом с нею, казалось, оставаться было невозможно.

А ещё она была умной. Умной и смелой. И добилась бы очень многого, если б только кто-нибудь дал ей такой шанс.

Я зашагала рядом с Холтом.

— Я хочу созвать совет, когда мы вернёмся.

Он коротко кивнул.

— Планируете сделать более масштабное пожертвование?

— Планирую дать им то, что они нуждаются, — разумеется, я могла отыскать какой-нибудь способ профинансировать настоящее место, в котором дети смогли бы жить.

Холт вновь кивнул.

— Я прослежу, чтобы это было сделано.

Двадцать два

— Мы бы могли столько всего сделать! — сказала я Фицрою уже как минимум четвёртый раз за эту ночь. — Ты только подумай! В городе с недавней поры столь пустых домов — мы с лёгкостью могли бы отдать им хоть один! Могли бы даже сделать им школу — для детей, что не могут позволить себе учителей. И тогда у каждого появился бы шанс учиться! — я почти что подпрыгивала на месте от волнения, но Фицрой, казалось, не слишком загорелся идеей.

— Не думаю, что люди очень обрадуются, если у них отберут дома, — он прислонился к главному лабораторному столу, — ведь они всё ещё кому-то принадлежат. И как ты за это заплатишь?

— У двора полно золота! — воскликнула я. — Мы легко можем продать часть его.

— И что ты сделаешь, когда оно закончится? Откуда возьмёшь больше?

— Это будет нескоро! — проронила я, хотя знала, насколько он прав. Но при дворе золото тратили впустую — и у нас было время придумать что-то новое. — Мы можем просить людей платить за то, чтобы оставаться при дворе. Торговать с иностранными государствами. Мы могли бы столько всего совершить!

— Может быть, продать этот детектор яда?

— Может быть. Если, конечно, мы когда-то сможем его создать.

Я вернулась к своим записям. Ничто не реагировало на этот проклятый мышьяк. Ближе всего мы оказались, смешивая его с селитрой — он неохотно растворился, да и осталась некая соль, когда я попыталась дистиллировать получившееся. Это не сработало бы как испытание, но зато что-то там происходило. А если добавить чего-то ещё, чтобы реакция стала очевиднее? Катализатор?

Конечно, следовало в первую очередь заняться металлами.

— Ты можешь приготовить мне немного селитры? — попросила я Фицроя, поднимаясь

со своего стула.

— У тебя есть какой-нибудь план на создание нового испытания?

— Что-то вроде этого...

Я пересекла комнату, останавливаясь рядом с металлами. Взяла немного меди, а Фицрой рядом со мной уже натянул на руки перчатки, готовясь работать с кислотой.

— Думаю, ты никогда не собирался делать ничего подобного, — тихо промолвила я.

— Что? Возиться с кислотой в пыточной? О, да я всегда проводил вечера подобным образом!

Я улыбнулась — и вдруг вспомнила о том, как поддразнивала меня Наоми. Нет-нет, Фицрой просто не мог мне нравиться, она ведь просто подшучивала надо мной! Да это просто невозможно — влюбиться в него, позабыв обо всём, что случилось, только не в тот момент, когда я едва-едва его узнала! Вот только я всегда чувствовала его присутствие, знала, как по коже пробегала дрожь, когда он задевал меня, и сердце колотилось быстрее, стоило мне только подумать о нём, да, да... И, да, с научной точки зрения, если б только собрать все эти доказательства, стоит только кому-то со стороны услышать о подобном — разумеется, они бы пришли к столь глупому выводу! Но однозначно бы ошиблись.

Тем не менее, сейчас слишком уж многое казалось нелогичным. Почему Фицрой всё ещё был здесь, если он куда лучше знал именно Стэна, да и у него не было совершенно никаких доказательств того, что я непричастна к этому убийству?

— Почему ты всё ещё остаёшься здесь?

На какое-то короткое мгновение он притих.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда Стэн ушёл... Ведь ты столько лет хорошо его знал, и ты не ненавидел его! А мы с тобой едва знакомы — всего каких-то жалких несколько недель, и почему бы не... — я убрала медь с весов. — Я бы вряд ли победила — кто угодно ушёл бы от меня. Так почему же ты всё-таки остаёшься?

— Ну, причин много, — промолвил он. — Я, как минимум, уверен в том, что Стэн ошибается. Ты не убивала моего отца — и уж точно не заслуживаешь на то, чтобы умереть. А ещё я думаю, что ты станешь хорошей королевой. И меня раздражают путешествия! Вся эта пыль, спать негде — вот с какого перепугу мне добровольно на это подписываться?

Я рассмеялась, но грудь всё ещё сдавливало от напряжения.

— Ну и, — добавил он, и голос зазвучал немного ниже. Я чувствовала, что рядом со мной стояла чаша, что всё ещё крутилось и вертелось. — Я — как будто ты.

Я повернула голову, чтобы просто посмотреть на него. Он не отводил взгляда от банок.

— Ты как будто я?

— О да, разумеется. Тебе это не нравится?

— О... — он говорил так небрежно. А что он на самом деле имел в виду? Может быть, он имел в виду, что между нами что-то есть? Дружба? Что я бы тоже его не предала? Или что-то вроде «ты не ужасный человек — хорошо, что ты королева»? Или, может быть, он тоже влюбился в меня? Равно, как и я в него? Может быть, он тоже что-то испытывал ко мне?

Я должна была у него спросить.

Вот только, определённо, ни за что не набралась бы достаточной смелости.

— Ты готов? — спросила я с большей уверенностью, чем чувствовала. — Что ж, начнём с меди.

Фицрой изогнул брови, но после коротко кивнул.

Первые две попытки оказались бесполезными. Ни медь, ни железо не реагировали — а после я добавила немного цинка.

Реакция прошла незамедлительно. Цинк зашипел, выпуская дым с отвратительным чесночным запахом.

— Отойди назад, — сказал Фицрой. — Это может быть ядовитым.

Но я просто смотрела на газ. Реакция! Да, я наконец-то увидела реакцию — видимую, хорошо заметную... Неужели я сделала это?

Но я должна была убедиться!

— О, быстрее! Принеси мне немного еды.

— Еды?

— Да, чтобы можно было её отравить. Мне надо смешать что-то с мышьяком, потом проверить, будет ли это работать! — я махнула правой рукой, едва не сбив какой-то порошок. — Пожалуйста, быстрее, быстрее!

Фицрой кивнул, покидая лабораторию, и я рассмеялась. Селитра и цинк! О да, я ведь знала, что ответ таился где-то здесь, знала, что могу это сделать!

Я схватилась за ещё одну чашу, наполнила её кислотой, дожидаясь возвращения Фицроя.

Он наконец-то вернулся, сжимая в руке хлеб с намазанным на него джемом. Его уже надкусили — кто-то явно ужинал. Я посыпала варенье мышьяком, смешала всё ножом до полного растворения, добавила в кислоту, бросила в чашу — и добавила кусочек цинка.

К потолку вновь поднялось облако чесночного дыма.

— Я сделала это! — воскликнула я, когда Фицрой оттащил меня от потока газа. — Я сделала это! — хотелось прыгать, хотелось кружиться, танцевать! Ну почему нет? Мир вертелся вокруг меня, и голова кружилась, и улыбка застыла на губах — и Фицрой стоял совсем-совсем рядом, тоже улыбаясь и глядя на меня. Да я была готова допрыгнуть до неба, понять, как это — летать! — я могла открыть все человеческие тайны, могла сделать всё сама! Так что я обняла его, всё ещё смеясь и визжа, и он тоже прижал меня к себе, и удовольствие разлилось по коже — от того, что он был так близко.

Я хихикнула — и вывернулась из его рук, чтобы вновь посмотреть на стол.

— Ну что ж, а теперь нам стоит проверить торт, — сказала я. — Это должно сработать.

Отравленное блюдо поросло плесенью в шкафу. Я надеялась, что это не повлияет на результаты испытания.

И вправду, не помешало — всё тоже сработало! Шипение цинка, чесночный запах! Я подпрыгнула на месте. Получилось! Я нашла способ открыть присутствие мышьяка! Смогу спасти людей! Смогу отыскать отвратительного убийцу!

Я вновь обняла Фицроя. Да, я могла сделать это! Я уже почти нашла!

...Первым делом следующим утром я отправилась в кабинет Холта, держа в руках смесь селитры и цинка. Когда я сказала ему, что нашла способ выявить мышьяк, он удивлённо уставился на меня.

— Вы уверены в этом?

Я коротко кивнула.

— Смотрите! — я продемонстрировала ему тест, коротко объясняя теорию. — Конечно, испарения селитры довольно опасны, так что при использовании надо быть осторожными, но материалы довольно распространены, так что тест окажется не таким уж и дорогим. И

если мы научим наших дегустаторов безопасно пользоваться этой кислотой, то сможем платить им за это! Ну, и нам всё ещё понадобятся дегустаторы — ведь это только один яд, — но ведь это только начало, разве нет! Даже наличие одного только надёжного теста может удержать людей от дальнейших попыток!

— Да, — кивнул Холт, — да, это так, — если б он не был преисполнен чувства собственного достоинства, то расплылся бы в улыбке. — Это впечатляюще, Ваше Величество, просто впечатляюще! Нам повезло, что вы у нас есть!

— Это ведь просто наука.

— Но вы приложили столько усилий, чтобы сделать это! Забытые избрали вас, Ваше Величество! И после того, как мы сквозь всё это пройдем, вы станете лучшей!

— О, спасибо вам! — я закусила щеку. Он хвалил меня, но в словах звучала тревога. Я вдруг вспомнила о той женщине. О Мэри. — А что случилось с той женщиной, которая вчера попросила благословения? Не понимаю, почему она решила, что это может помочь.

Холт коснулся кончиками пальцев переносицы.

— Я ведь говорил, Ваше Величество, что считаю, будто вас выбрали Забытые. Неудивительно, что к такому же выводу пришли остальные. Может, они думают, что у вас и вовсе есть божественная сила. Последние недели были необычными для королевства, если не сказать больше — не удивительно, что люди ищут своего защитника.

— Но ведь никакой божественной силы у меня нет! — я тогда этого сказать не могла, но позволять им верить в это... Нечестно позволять людям думать, что моё прикосновение или мои слова могут причинить добро или вред, будто бы я благословлена от рождения.

— Это может сработать, Ваше Величие. Может быть, кто-то ожидал, что проснётся на куче денег у подножия славы из-за доброты Забытых — да, он ошибался. Но у них есть свои способы вмешаться. У них есть свои подданные в королевстве, верующие в них, избранные. Учитывая ваш ум — может быть, и вы тоже благословлены!

— Но если люди думают, что Забытые о нас заботятся, они ведь могут решить, будто бы те хотели смерти старого двора!

Холт молчал несколько мгновений.

— Старый двор душил это королевство, Ваше Величество. Чтобы посадить сады, сначала надо вырвать все сорняки, разве вам так не кажется?

Я смотрела на него.

— Но люди — это не просто сорняки!

— Вы правы, Ваше Величество. Я просто хотел сказать, что божество не всегда можно понять, но нам надо верить, что всё это происходит ради нашего же блага.

Вот только в моей душе застыл холод — слишком уж глубоко. Он сказал, что Забытые могли ниспослать кого-то, кто помог бы этому миру. А что же, если он и сам полагал, что был одним из них?

Двадцать три

Следующим утром мой совет принёс плохие новости. Стэн атаковал конвой Рикстоуна, захватил всех заключённых — и взял под контроль саму тюрьму.

Он оставил там стражу, утверждая, что не сделал ничего плохого — и один из сбежавших вернулся в столицу, чтобы предупредить нас. Остальные перешли на сторону Стэна.

— Он ищет поддержку на юге, как мы и ожидали, — пальцы Холта застыли над расположенной на столе картой. — Большинство местных мелких дворян поддерживают его как нового короля, и они нам не помогут. Так же с ним связался восточный Дарквудс. Можно надеяться на то, что они одумаются, но они после стольких смертей тоже могут считать вас убийцей... — Холт покачал головой. — Мы получали письма от других дворян со всего королевства — они утверждали, что верны, но нас трудно поддерживать. Просили о милостях, о снижении налогов, о землях, а мы всего этого не можем предоставить.

— Верность — утерянное искусство, — поморщилась Норлинг.

— Действительно, — вздохнул Холт. — Да, мы можем попытаться их подкупить, но, будем откровенны, Стэн с его огромным состоянием способен предложить намного больше.

— Это не такая уж и высокая цена за спокойствие королевы.

Я закусила нижнюю губу. И что делать? Хотелось, чтобы все решения проходили через меня — но советники правы, я ведь не знала, что делать. Не знала, как будет лучше, не знала, о чём они говорили...

— Мы могли бы пересмотреть законы, — медленно промолвила я, — и изменить то, что несправедливо. Если земля не используется, может быть, для неё следует найти новых хозяев. Но, может быть, это только убедит их в том, что королеву поддерживают только за деньги — а это недостойно для дворян Эприа.

Слова звучали нелепо, но Холт закивал.

— Да и воззвание Забытых. Зачем требовать земли для поддержания избранной королевы?

Мне не нравилась эта лживая идея с глупой легендой — но она никому не вредила. Мы должны были хвататься за то, что у нас было.

— Мы думаем, что Стэн останется в Ньюсам-Мэноре, вот здесь, — Холт указал на точку на карте в семидесяти милях южнее столицы, — но он надолго там не задержится. Вне всяких сомнений, он отправился туда только потому, что в Мэноре содержится самая масштабная коллекция оружия и доспехов, старинных, разумеется, за пределами его владений.

— Невозможно содержать армию с мешаниной старья! — воскликнула Норлинг.

— Только если не хватит времени и ума сделать новое. Это не поможет делу — у нас всё равно нет ни оружия, ни брони. Это просто церемониальные экземпляры, даже не острые — то, что у нас есть. И даже без поставок, без обученных людей он будет куда лучше подготовлен, чем мы на данный момент.

— Много людей покидает город, — кивнула Норлинг. — В большинстве случаев дворяне, но ещё некоторые торговцы. Мы потеряли Рэншова, Николаса Андерсона, а потом пойдут и остальные...

— Вы полагаете, что они присоединились к нему? — спросила я.

— На самом деле, это неизвестно. Может быть, они просто надеются избежать своей участи в этом — мы не можем их обвинять. Да и, ФРея, люди злятся на всё это.

— На что именно?

— Трактат Густава, Ваше Величество... Он едва ли высветлит знать в хорошем свете. А то, что вы решили его распространить... — она покачала головой. — Они полагают, что вы не уважаете их и их методы. Но есть хорошая новость — я узнала о Софии Торн. Она не помогает ему и не предоставляла Стэну никакой информации — просто вернулась к мужу в свои земли на западе.

— Так зачем же было уходить, если она не выступает против меня?

— Её муж и вправду болен. Полагаю, она хотела уйти со столицы прежде, чем всё случится — равно как и многие наши потенциальные союзники. Никто не хочет оказаться в центре битвы. Они вернутся, как только всё уладится — трусы!

— А мой отец? Что они с ним сделали?

— Он тоже находится в Ньюсам-Мэноре, — проронил Холт. — Мы надеемся, невредимый.

— Стэн угрожал ему, выдвигал требование?

— Нет, Ваше Величество, — сказала Норлинг. — Он утверждает, что держит вашего отца до суда, тогда, когда вас захватят, чтобы определить, принимал ли он тоже участие в убийствах.

— Нет! Разумеется, нет!

Я не могла точно знать этого, не была уверена. Я знала только, что сама этого не делала. А мог ли это совершить отец, что так отчаянно пытался усилить своё влияние при дворе? Нет, я не думала так о нём, но это было возможно. В нашем новом кошмарном мире всё на свете было возможно.

— У вас есть какие-нибудь доказательства относительно виновных в убийстве?

— Нет, ваше Величество, — ответила Норлинг. — Теперь, когда мы потеряли Торн, должны были отвлечься на более срочные вопросы относительно стражи...

— Но, Ваше Величество, к сожалению, должен сказать, что о вас расходятся слухи... — вздохнул Холт. — Собственно, о фас — и об Уильяме Фицрое.

— Обо мне и о Фицрое?

— Разумеется, знать заметила, что после убийства вы сблизились, и многие полагают, будто бы вы собираетесь выйти за него замуж — а значит, могли плести интриги, чтобы добраться до трона. Конечно, ерунда, но люди достаточно грязны, чтобы наслаждаться подобными слухами.

— А они не заметили, что мы не общались до убийств?

— Они говорят — скрывали свои отношения ради защиты. Что за ерунда! Но, прошу вас — будьте осторожны с Фицроем. Во-первых, его имя бросает на вас тень, во-вторых, мы не знаем, не был ли он вовлечён.

— А ещё мы потеряли большинство нашей стражи, — Норлинг не позволила тишине воцариться в зале. — Они полагают, что, оставшись, погибнуть. Стоит дать им понять, что уход — это не выход... Что это...

— Нет, — тихо ответила я, — нет, угрожать я им не буду — если уж они думают, что могут умереть...

— В таком случае, нам надо увеличить патрули, — промолвил Холт, — поднять рабочее время тех, кто остался, привлечь людей из города.

— Ни за что! — воскликнула Норлинг. — А откуда знать, стоит ли им доверять? Ну какой человек согласится стать стражником, когда на нас надвигается Торстен Вольф?!

— У нас нет выбора! — воскликнул Холт. — И мы должны его остановить, — он вздохнул, упёршись руками в стол. — Всё будет хорошо. Люди уверовали. Люди хотят поддержать свою королеву.

— Уверовали? — я выпрямилась, чувствуя странное беспокойство.

— Ваши старания сработали. Люди говорят о вашей доброте, о новом научном открытии. Некоторые видят в этом признак того, что Забытые надеются оставить вас в

целости и сохранности.

— Это наука, — отозвалась я, — а не божественное вторжения.

— Но если люди видят в этом добрый знак! Не сбивайте их, Ваше Величество! В городе бесчинствует оппозиция, люди недоверчивы — и мы пытаемся остановить их против бунта, пусть это слишком трудно при таком количестве людей. Но у вас теперь есть сторонники — и этим мы можем воспользоваться.

Это казалось не таким уж и преимуществом — я думала обо всём, спускаясь в свою лабораторию после этой встречи. А какую цель преследовал Холт? Я никак не могла забыть его слова о сорняках. А если убийца на моей стороне, и Стэн подозревает, что это всё случилось ради меня?

Я нуждалась в доказательствах.

Я проверила каждую часть торта, которую получила, но результаты оказались не слишком особенными. Мышьяк был в бисквите, в глазури. Конечно, псевдозолото оказалось безопасным, но всё остальное — смертельным.

— А может быть, это просто бисквит? — спросила Наоми, заглянув в записи. — Просто глазурь впитала в себя яд за такое время!

— Может быть, — я покачала головой, — но тогда и золото бы тоже пропиталось. Почему оно не реагирует? — я постучала пером по столу. — Мне нужен рецепт. Бессмысленно — добавлять в глазурь и бисквит, ведь риск слишком велик. Значит, это просто общий ингредиент. А что может из связывать?

— Сахар, — проронила Мадлен. — Сахар и вода.

— Значит, сахар, — кивнула я. Мышьяк в форме порошка хорошо смешивался с гранулами сахара — если никто не окажется близко... Но тогда рецепт был бы нарушен — не так уж и сладко, если повар не смог бы заменить это...

Но вот если бы кто-то развёл мышьяк в воде, можно ли было бы его заметить? Вот только убийца не мог бы добавить это в дворцовую систему водоснабжения, потому что все умерли бы куда раньше, а не только на балу. Значит, у кого-то был доступ к кухне в ту ночь, что вновь суживало до невозможности список подозреваемых.

— А если было в воде... — Мадлен закрыла глаза. — А несчастный случай? И ведь король болел... Вдруг его пытались незаметно отравить? Трудно заметить — медленно, понемножку. Стал бы привычным на кухне. Кто-то выполнял свою работу, а потом добавлял что-то в еду короля. Я бы совершенно не удивилась, если б у него оказался свой личный повар...

— Сомневаюсь, что он был, — сказал Фицрой. — Я об этом никогда не слышал.

— Но, как ты думаешь, кто мог его отравить? — спросила я. — Не один из тех, кто напал во время банкета?

— Или, может быть, точно тот же, что и прежде. Случайно. Может быть, кто-то неправильно подмешал яд, использовал слишком много, и что-то пошло не так? И вместо одной цели погиб весь двор?

— Может быть, — кивнула я. — Но нет. Это всё равно бессмысленно! Невозможно убить весь двор дозой, предназначенной только для одного, — я коснулась своих волос. — Но вот вода — это полезно. Могла ли быть особая вода для банкета?

— Особая вода? — повторила Мадлен. — Вода, которую привозят из какой-то сказочной горы весной, чтобы давала вечную жизнь тем, кто её выпьет? Что-то вроде этого?

— Да. Тогда воду могли отравить задолго до прибытия в замок — и держать, пока не

придётся делать пирог.

Наоми повернулась к Фицрою.

— Твой отец ничего такого не говорил?

Он покачал головой.

— Даже если он и планировал подобное, то явно забыл мне об этом сообщить. Может быть, это в его письмах — но отец любил хвастать! Будь это особенным, он бы сказал. Да и использовал бы для других блюд, не так ли?

Все предположения бессмысленны — мы могли бы просто выполнить тест!

— Надо добраться до дворцовой кухни — единственный способ узнать. Протестировать все ингредиенты.

Фицрой кивнул.

— Я пойду сегодня ночью.

— Нет-нет. Ты не сможешь всё принести, да и пропустишь случайно что-то важное.

— А это безопасно?

— Это надо сделать.

В первую очередь, надо покинуть Форт. Да, конечно, сейчас моя стража немного истощена, но за воротами и мостом всё ещё наблюдают. И как королева, я могла бы пройти — но нельзя же, чтобы стража меня сопровождала! Нельзя привлекать к расследованию лишнее внимание!

В конце концов, если забыть о страже, это довольно просто. Уйти среди ночи, пройти по скрытому проходу. Фицрой отвлечёт стражу, мы выйдем пусть немного мокрые, но невредимые.

Оставить Форт было трудно, но решение Фицроя — и вовсе наглость. Без макияжа, в простых платьях, с волосами, заплетёнными в обычные косы, я, Мадлен и Наоми стали бы незаметными. Никто не ждёт побега королевы — никто бы не присматривался. А вот Фицрой был бы более заметен — так что и не пытался скрыть свою личность. Он уверенно зашагал к воротам и попросил стражу открыть их для него и его подруг.

— Сбегаешь, Фицрой? — спросил стражник. — Не могу сказать, что виню тебя.

— Не сегодня, Миллс, просто хочется на время покинуть эти унылые стены.

— И за это винить не могу, — вздохнул стражник. — С удовольствием бы присоединился. Удачи, — и нам так просто открыли ворота, опустили мост, позволяя уйти в город.

Впервые я видела тёмные окна дворца, сады без присмотра... Всё казалось таким мирным за этим забором из кованного железа, а река так спокойно отражала звёзды!

Ворота оставили без присмотра, скрепили тяжёлым навесным замком. Фицрой вынул из кармана ключ, открывая их. Я даже не спрашивала, где он его нашёл.

— Ну что ж, думаю, нам повезло, — вздохнул он, — что смерть отгоняет мародёров.

— Мародёров?

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Замок почти что обшит золотом, разумеется, люди хотят забрать всё, что можно! Но убийство, кажется, их прismsиряет.

Не слишком обнадёживает. Золото есть золото, вопреки всем суевериям, и какие-то там неприятности воров точно не остановят.

Но пока мы шли по узкой тропинке вниз по лужайке, никого так и не встретили. В траве лежали осколки фонарей, печально падали с деревьев последние листья, красочные плакаты

были изорваны ветром и дождём.

— Здесь никого не было, — промолвила я. — Здесь вообще никого не было... — мой голос, казалось, разрушал тишину, разбивал её за мелкие кусочки.

— Твои советники хотели, чтобы всё осталось нетронутым.

— Для расследования?

Фицрой кивнул.

Мы подошли к задней части дворца, к двойным дверям, что вели в зал. Даже сейчас, когда прошла целая неделя, двери были приоткрыты, будто бы приглашали нас внутрь. Дворец замер во времени, застыл в ночь падения двора.

Дверь скрипнула, когда мы толкнули её, проходя внутрь.

Столы после банкета ещё стояли на местах, но тарелки сбили на пол. У потолка ворковали голуби, на пол были брошены инструменты. И я сидела за этим столом, и умерла бы, если б не ушла.

Глаза Мадлен заблестели от слёз.

— Вот как это было. Вот где они все умерли.

Фицрой молча прошёл вдоль зала, перешагивая через стулья и рассыпавшиеся драгоценности.

Я повернулась за месте, рассматривая зал — такой тревожный, такой тихий... Оборванный посреди праздника — и мёртвый. Кто-то пытался убрать от тел, удалить всё, что можно — и праздник будто бы замер. Все ушли, но забыли вернуться.

— Нам надо на кухню, — промолвила я. — Ты знаешь дорогу?

Мадлен кивнула. Она провела нас сквозь другую дверь по коридору, освещённому только лунным светом, в котором так ярко сверкали позолоченные стены.

Шаги эхом отражались по коридору. Я схватила Фицроя за рукав, кивая по направлению звука. Мародёры. А если нас увидят? Признают ли во мне королеву или увидят просто конкурентов, охотников за сокровищами?

Проход был заставлен статуями и вазами ростом с человека. Я спряталась за одной из вас, и Фицрой вжался позади меня, прижимая меня к холодной стене — я чувствовала, как билось моё сердце.

Мадлен и Наоми скрылись за статуей, показывающей двух влюблённых.

Шаги приближались. Дыхание Фицроя обжигало затылок.

Из-за угла показался мужчина.

Холт.

Я ахнула, и Фицрой зажал мой рот ладонью, пытаясь подавить звук. Холт шагал по коридору, осматривая всё, будто бы оно ему принадлежало, и плащ развевался за спиной.

Что он делал.

Я ждала, пока он наконец-то не повернул за угол, а после выскользнула из-за вазы и прокралась следом за ним. Фицрой поймал меня за руку, но я только вывернулась из его тёплых пальцев. Я должна была увидеть, что тут забыл Холт, зачем он пришёл.

Поворот, поворот... Фицрой поймал меня за руку, притягивая к себе.

— Стой, — прошипел он мне на ухо, — я знаю, куда он идёт.

Я бросила на него быстрый взгляд.

— Куда?

— Это дорога в святыню Забытых. Единственное, что есть внизу.

— Во дворце есть храм?

— Разумеется! Даже если отец не верил в Забытых, это не значит, что он упустил бы возможность похвастаться золотом.

Я кивнула, вновь загнула вперед, но он потащил меня обратно.

— Подожди. Мы посмотрим, когда он уйдёт.

— Но поможет ли это?

— Ты увидишь, что он там делал, а он нас не заметит.

Мне хотелось спорить, но он был прав. Если Холт нас увидит, то не сможет спрятать все свои тайны. И ведь он не знал, что мы были здесь — а я не могла позволить ему узнать об этом, пока окончательно не исключила из списка подозреваемых.

Так что пришлось ждать, укрывшись в нише статуи, прижимаясь к Фицрою — и соблюдая немотную, кошмарную тишину.

Почему Холт был здесь? О, существует ли невинная причина — быть в темноте, одному... Зачем?

Раздались шаги — и Холт вновь прошёл мимо нас.

Я выглянула из-за статуи. Холт держал в руках мешок, и его содержание, без сомнений, было драгоценным.

После того, как он пропал из виду, я выскользнула в коридор, и мы с Фицроем продолжили путь. Но храм был пуст. Лунный свет лился сквозь узкие окна, но тут не было ни золота, ни статуй, ни реликвий. Просто деревянные скамейки и алтарь — и больше ничего.

Почти ничего — на алтаре оставили цветы, свежие, ещё пахнущие.

— Ну что ж, здесь были грабители, — вздохнул Фицрой.

— А тут было что-то ещё?

— О да. Гобелены, золото, драгоценности в стенах. И всё пропало.

— Холт? Думаешь, он? Мне казалось, он верит — и не мог бы украсть у Забытых...

— Может быть, — сказала Мадлен, — если убедил бы себя, что это не воровство... Он ведь думал, что слишком уж ярок был старый двор? Может, считал, что золото оскорбляло Забытых?

— Как удобно, — хмыкнул Фицрой.

Я взяла один цветок с алтаря. Такие гладкие лепестки — и вправду, Холт. Свежесть, нежность, чистота. Хотелось опустить цветок в сумку, сохранить улику, но я остановилась. Это и вправду жертва — и пусть я не верила в Забытых, не могла её у них отобрать, поэтому осторожно положила на место, поворачиваясь к остальным.

— Пойдёмте на кухню, — вздохнула я, — пока сюда не пришёл кто-то ещё.

Двадцать четыре

Кухня была рядом с банкетным залом. К ней вела лестница, пусть и не украшенная, но соответствующая пышности дворца. Да, здесь было лучше, чем где-либо в Форте — ровный белый камень, широкие перила.

Кухня оказалась двумя огромными комнатами из красного кирпича. У одной стены выстроились печи, в центре стоял огромный стол, всё ещё заставленный разделочными досками, ножами, кастрюлями. На крючках висели сковородки, в углу висели горы пустых тарелок.

Но тут не было понятно, где ж делали торт. Не осталось следов пирога или его

составляющих на центральном столе, так что я отправилась во вторую комнату, осматривая шкафы.

— Вот тут пустые мешки от сахара, — сказал Фицрой.

— Поставь их на центральный стол. И, Мадлен, Наоми, поищите что-то, в чём могла быть вода.

— Особенно если на нём есть какая-то интересная маркировка...

— О да, — я осмотрелась в поисках остатков торта или золота.

Но ничего не было. Сахара было слишком мало, мышьяка в нём не оказалось, и ни одного признака того, что воду привозили специально. Но должно же быть что-то!

— А что ещё общего в глазури и в торте? — прошептала я. — Что мы могли пропустить?

— Краситель? — предположила Наоми. — Торт был золотистым... Может, яд там.

Мадлен схватилась за стол, резко побледнев.

— Нет, — выдохнула она. — О нет...

— Мадлен? — я схватила её за плечо. Она, казалось, вот-вот должна была упасть. — Что такое?

— Цвет... А что, если это было в красках?

— О чём ты?

Она тяжело выдохнула.

— Цвет... Такой красивый, яркий зелёный — там мышьяк как компонент! Его не едят — но ведь художники его используют, у них тогда на ногтях линии, чёрно-белые, от яда, — она соскоблила лак со своего пальца, пока не показался на свет ноготь, протянула мне руку. Ногтевую пластину пересекали белые линии. Живопись? — Не знаю, какой цвет использовали в торте, но в нём тоже могли использовать мышьяк... А если кто-то не знал... Несчастный случай? Может, никто вообще не хотел никого отравлять?

Наоми нахмурилась.

— Зачем пихать в краски яд?

— Художник пойдёт на всё ради нужного цвета! Они ж не едят краску — это их не убьёт! А если никто не знал, и они получили захватывающий, редкий цвет с мышьяком, а его использовали в пироге... А в торте этого было столько! В каждом кусочке! Это просто цвет. Цвет... Если видеть — и не знать. Нет, нет... — она опустила на кухонный стул. — А если они умерли ни за что? Просто ни за что?

— Не знаю, — вздохнула я. — Не знаю, был ли в красителе яд. Кто-то мог использовать его по назначению... Не знаю. Сначала надо его найти.

Мы искали — но не было и намёка на красители. Богатый запах щекотал нос, но мы не нашли ничего хотя бы смутно золотого или жёлтого.

В сторону были отставлены четыре большие банки. Я открыла крышки — ничего, только темнота. Придвинула лампы — первый и второй были совершенно чистыми, но вот в третьем... в третьем можно было увидеть тонкий золотистый порошок.

— Тут! Я нашла! — при тусклом свете сказать что-либо было трудно, но это походило на торт. Много ли золотого порошка может быть на кухне?

Я воспользовалась своими инструментами, соскабливая его со стен из банки, добавляя в смешение цинка и селитры.

Краситель растворился, зашипел цинк, из чаши вырвался чесночный дым.

Они отшатнулись — а я просто смотрела на бурлящий металл. Вот он — ответ. Я думала,

буду возбуждена — а теперь просто смотрела на эту смесь, чувствуя, как в груди затаилась странная неопределённость. Вот как это получилось, вот как их убили.

— Вот и всё, — вздохнула я. — Мы нашли яд — осталось найти того, кто его подбросил. Мадлен издала дрожащий вздох.

— Это необязательно убийство, — промолвила я. Но нет. Если это несчастный случай, то у меня нет доказательств в свою защиту. Никто не поверит, даже если я сделаю всё на свете. — Но, может быть, стоит продолжить расследование — вдруг это кто-то спланировал?

Я взяла банку. Она была тяжёлой, неудобной — но я не хотела выпускать этот порошок. Надо было забрать его в лабораторию.

— Итак... Что вы здесь делаете?

Я подпрыгнула на месте. В дверях стояли двое мужчин с большими мешками. Из них торчали золотые подсвечники, какие-то чашки... Я прижала банку к груди, ударившись спиной о стол. Если они поймут, что я королева...

Но они не поняли. Что делать королеве на кухне, одетой так же, как они? Они посчитали нас в лучшем случае грабителями, такими ж, как они.

— Ищем специи, а вы?

Мадлен шагнула вперёд, улыбаясь так очаровательно, что все следы паники будто бы растворились на её лице.

— О, господа! — воскликнула она. — Вы тут чтобы убраться? Мы стараемся изо всех сил! Королевский совет сказал, что скоро тут будут люди. Мы пытаемся сделать всё как можно лучше, но этого мало, мы не так сильны, чтобы справиться самостоятельно... — она смотрела на них с поразительной надеждой.

Мужчина уставился на неё.

— О да, — кивнул он. — Мы просто пришли помочь убраться.

— Замечательно! Но, кажется, у вас закончились мешки. Думаю, в этом шкафу должно что-то быть. Проверим?

Она ступила к двери, но мужчина шагнул вперёд.

— Стойте, — он посмотрел на банку. — Можно я возьму? Кажется тяжёлым...

— Нет-нет, — я старалась не заикаться. — Всё в порядке.

— Там специи?

— Да так, мусор, — я говорила совсем неубедительно.

— О, так давай я выброшу!

Да, я должна была отдать ему банку. Открыв её, он бы не обнаружил ничего важного и просто отдал. Это безопасно и разумно, да. Я знала это, когда отшатнулась от него. Знала, когда прижала банку к груди. Знала, что это так подозрительно, что он теперь никогда не поверит в нашу легенду.

Человек схватил банку. Я увернулась, но была не так быстра. Его пальцы схватились за обод, и он дёрнул банку, толкая меня назад. Я попыталась вернуть её себе, но он вновь потянулся за нею, и та упала, разбившись на кусочки.

Я рухнула за ним.

— Идиотка! — я оттолкнула в сторону осколки, и что-то порезало мне палец. Там ещё остался краситель... Но я ничего в темноте не видела, а пол был таким пвльным после той ночи...

— Фрея! — Наоми схватила меня за руку, потянула за собой. Мадлен рванулась к

деревянной двери, открывая нам ещё один тёмный коридор. Наоми увлекла меня за собой, Фицрой, кажется, бросился следом. Кто-то из мужчин окликнул нас, но Мадлен не останавливалась. Медово-каштановые волосы струились за спиной — она вела нас вверх по лестнице, провела сквозь дверь, пока мы не оказались в саду.

Мои лёгкие горели, я едва дышала, но мчалась вперёд, сжимая руку Наоми, игнорируя удушье, пока мы вновь не оказались на улицах города.

— Не думаю, что они побежали за нами, — промолвила Наоми, когда мы остановились, чтобы перевести дыхание. — Просто не хотели, чтобы мы видели...

Я прислонилась к стене, тяжело дыша.

— Мы его потеряли. Краситель. Мы потеряли яд...

— Но ведь мы всё ещё знаем, — возразила Мадлен. — Мы знаем, что именно было причиной...

— Нет. Ты не понимаешь... — без красителя у меня не было улики. Кто мне поверит? — Я должна была показать, что это не я. А теперь? Всё пропало.

— Так ведь сам краситель ничего не доказывал, — мягко промолвила Наоми. — Это просто начало. Ты всё ещё знаешь, что там был яд. Обнаружим что-то ещё.

Я кивнула, едва дыша. Да, она права, нет повода для паники. Мы знаем — краситель. У нас есть зацепка.

— Надо вновь отправиться за письмами. Прочитать их. Если найдём, где он его заказал, кто предложил... Вот что надо сделать!

Вот только письма были не так уж и полезны.

Легко сказать — прочесть, но как писал король! Так неразборчиво, смесь зазубрин, царапин, петель... Я страница за страницей пыталась расшифровать его письма, читала комментарии о новых законах о налогах, просьбы к советникам найти жену, что подарила бы ему законных наследников — и я вдруг поняла, что думала о нём не так, как следовало на самом деле. Да, его двор был расточителен, но он сам — осторожен. И он сталкивался со всем таким страшным — бесконечный поток потребностей, вопросов, проблем, которые надо было решить...

А потом я потянула ещё одно письмо из стопки — и он требовал всё больше и больше ювелирных изделий для королевы, больше одежды, больше картин, чтобы заполнить «пустующие» части дворца. Лучше готовьте, повысьте охрану, всё больше и больше — и все беспокойства сметались случайным взмахом пера

А после, после сотни бесполезных страниц, я кое-что нашла.

Фицрой оторвался от своих бумаг.

— Ну что там?

— Вот, — я просмотрела страницу. — Послушай. «Мы продолжаем искать королевски-жёлтый цвет, как просило Ваше Величество. Люди называют это пигментом аурума, говорят, что он способен вылечить ото всех недугов. Думаем, они просто пытаются завысить цену, но мы будем продолжать искать... — я подняла на него взгляд. — Королевски-жёлтый. Что ж, подходит.

— Но, кажется, он говорит о лекарствах, а не о цвете, — вздохнула Наоми. — А что связывает мышьяк с медициной?

— Это лекарство, — я слышала это прежде, но раньше не могла вытащить наружу детали... — Не думаю, что... — я пролистала огромную кучу писем, словно надеясь на то, что ответ мог скрываться там. — Ведь я слышала, что его можно использовать! В очень

небольших количествах, когда кто-то сильно болен, это помогает.

— Мадлен, — проронил Фицрой, — слышала ли ты о королевски-жёлтом?

Она только покачала головой.

— Никогда. Краситель не казался мне знакомым — я не видела такой оттенок прежде.

— Что ж, обнаружь мой отец что-то новое — он бы обязательно назвал это в честь себя.

— Тут есть ещё, — я вновь потянулась к письму. — «Они говорят о том, что минералы и горячие источники оправдывают подобные расходы, полагают, что такое есть только у них. Мы отправляем Вашему Величеству образец с этим письмом. Если качество удовлетворительное, а цена хороша, мы приобретём больше». О, и король приписал что-то ещё корявым почерком в углу... — письму было несколько месяцев. — Мадлен, ты говорила, король болел, жаловался на живот? Может быть, ему дали этот краситель, как лечение от болезни?

— Золотистое вино, — пробормотал Фицрой, и я удивлённо уставилась на него. — Вино моего отца казалось золотистым, я пару месяцев назад заметил. Предполагал, что в его бокале оно меняло цвет, но если это был краситель? А что, если он принимал королевски-жёлтый в качестве лекарства? Смешивал с вином. Его стиль.

— А потом настолько впечатлился, что решил использовать на банкете?

Мадлен покачала головой.

— Если б он обнаружил волшебное лекарство от всех болезней, он бы им не делился. Он бы сохранял его для себя одного.

— Так ведь он просто хотел продемонстрировать его, — вздохнула я. — Если оно было особенно редким и дорогим, как ещё продемонстрировать своё богатство и могущество, кроме как подать на банкете в свой день рождения? Он продемонстрировал, что теперь может делать всё, что хочет.

— Не знаю, Фрея, — вздохнул Фицрой. — Если это было достаточно редким средством, почему он об этом не заявил?

Да, но здесь что-то таилось. Королевски-жёлтый таил в себе тайну. Он редкий, он дорогой... но всё наука — не объяснения. Кто рассказал об этом королю, если и Мадлен о таком цвете не знала? Это несчастный случай — или просто злой умысел? И был ли яд в заказанном красителе, или его подменили по пути?

Я отложила письмо в сторону, взяла следующее и принялась читать.

Двадцать пять

Следующим утром я наблюдала за Холтом на заседании совета. Он выглядел уставшим, но не виноватым — и, кажется, не знал, что я тоже была во дворце. Хотелось спросить, что он там делал, обвинить в убийстве, но я проглотила слова — едва не давилась от их дикой горечи.

Я не знала, был ли он вовлечён в это. Пока нет. А если да, и я покажу, что знаю, а будет слишком рано... Потеряю шанс всё доказать.

— Наше время заканчивается, — сказала Норлинг. — Стэн захватил восток и идёт на столицу. В Дарквудсе к нему присоединились, а ещё Солберг со всеми ресурсами. Царство выступило против нас, Ваше Величество, и ничто не удержит Стэна, когда он прибудет.

— Сколько у него людей? — я почти что боялась этого ответа.

— Десять тысяч.

— А сколько людей есть у нас?

— Тренированной стражи и солдат? — вздохнула Норлинг. — Десятка три. Да, в городе двадцать тысяч человек, но вряд ли они будут за вас сражаться. У вас есть сторонники, Ваше Величество, но люди хотят выжить — а если оставаться в стороне и дать Стэну действовать... Полагаю, вам стоит бежать, прежде чем это станет невозможным.

— Нет, — промолвил Холт. — Нельзя. Если она уйдёт, то потеряет корону.

— Зато выживет.

— Но надолго ли? Стэн будет искать её, и как скрыться без короны, что её защищала? Куда идти? На что надеяться? А даже если она сбежит — что тогда случится с королевством? Он — кощунственный узурпатор, а не законный король! Мы не можем допустить этого. Мы должны остаться и бороться.

— Бороться? Как? — Норлинг рассмеялась. — Это самоубийство. Расмус, это гражданская война!

После её слов воцарилась тишина. Да, я прекрасно понимала, как малы мои шансы в сражении со Стэном, но слышать от своего советника подобное убеждённое заявление о моей смерти... Мне хотелось рвануться в библиотеку, обложиться книгами по военной стратегии, по истории сражений, особенно там, где говорили, как малыми силами побеждали врагов, но каков смысл? Я не могла стать стратегом лучше Стэна или даже моих советников, особенно за несколько дней. Я — просто учёная. Сколько лет пришлось учиться, чтобы теперь мыслить в лаборатории должным образом? А теперь мне следовало притвориться, что я могу преодолеть такое огромное время за пару дней и продумать бой до конца недели?!

— Норлинг, — тихо промолвила я, — вы всегда советовали мне казаться сильнее. Вернуться во дворец, наказать людей, сражаться. А теперь вы желаете, чтобы я бежала отсюда, поджав хвост? Или это не кажется слабым?

— Ваше Величество, я советовала вам это, потому что желала сильного правления. Но сейчас, опасаясь за вашу безопасность, я понимаю, что оставаться здесь — безумие и огромный риск.

— Забытые поддерживают нашу королеву, — голос Холта прозвучал на удивление низко. — И они защитят её. Мы отыщем путь.

— Забытых тут нет, Расмус! — воскликнула Норлинг. — И никогда не было, а ещё — никогда не будет! Это не история о том, как к нам пришли справедливые боги, и на головы нам не свалится волшебство! Это трагедия — и мы должны бежать!

— Я не собираюсь уходить, — мой голос дрожал. Нет, я не могла этого сделать тогда, когда на меня полагались люди, а отец был в опасности. Я поднялась, упираясь руками в стол. — Если я уйду, то буду казаться виновный. Я просто должна найти способ...

— Ваше Величество!

— Нет. Я просто не могу уйти.

— Очень мудро, — отметил Холт.

— Очень глупо! — фыркнула Норлинг.

Холт будто бы её не услышал.

— Нам стоит сосредоточиться на укреплении города, — продолжил он. — Стоит подготовиться к осаде. Я пошлю людей, что защитят рвы от...

Он рассказывал что-то о своей стратегии, и я пыталась сосредоточиться на его словах, но он говорил об одной только обороне. Укрепить стены, добавить стражу, защитить еду. Словно мы должны продержаться, пока Стэн наконец-то не сдастся.

А что, если мой план не работает, что, если я не смогу его остановить, что тогда делать со всем этим?

На моей стороне была одна только наука и пустые слухи о том, что меня избрали Забытые. Они совершенно не вязались воедино, да и люди не могли поверить в это сумасшествие с божественным вознесением. Густавиты развили целую компанию на тему того, что я прогнила, будто и двор, что Забытые меня презирают. Может быть, они просто мечтали о переменах — но это не отменяло того факта, что они собирались меня убить! Да, они притихли, но и атаки Стэна не повторялись, вот только это ещё ничего не значило — опасность была над головой.

Но я не была той, кем меня считали. Я заботилась о людях, я хотела что-то менять, хотела помогать им. Даже если меня выбрали далеко не Забытые, наши цели, кажется, были довольно близки. А если бы Стэн взял столицу, то все вмешательство Забытых или реальных людей свелось бы на нет, и мир вернулся бы к своим истокам.

— У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил Холт.

Безумная идея — убедить Густавитов выступить за меня, перевернув весь мир... Если бы я могла как-то мягко изменить идеологию — но для этого надо время, нужны тонкости, да и дворяне будут бесчинствовать. Далекое не идеальное решение.

— Я хочу отправиться к Минстеру во второй половине дня, — промолвила я вместо этого, — и поблагодарить Забытых, — продемонстрировать в очередной раз, что я с ними заодно — пусть уж люди так полагают. Да, вера способна была остановить людей от абсолютного отречения, пусть и не могла сделать ничего большего.

Но могла ли я реально воспользоваться убеждённостью своего народа, особенно в чём-то подобном? Если Холт действительно был замешан в убийствах, если он манипулировал мною всё это время, королевой-марионеткой, подобранной специально к столь важному дню...

Могу ли я верить ему, если хочу выжить?

Да — и я ненавидела себя за то, что знала. И я буду пользоваться их способами, если это поможет мне выжить.

Норлинг была первой ушедшей — отправилась организовывать поездку, — а Холт всё время что-то записывал. Я тоже замерла к своего места. Могла спросить его о поездке во дворец, о том, что там происходило, найти способ узнать правду.

Но если это слишком подозрительно, если это слишком рано... Нет, риск был неоправданно велик.

Я шагнула к двери, когда за спиною вновь раздался голос Холта.

— Ваше Величество? Я надеялся на то, что смогу поговорить с вами в частном порядке.

Я взглянула на пустое место, на котором обычно восседала Норлинг, и сердце заколотилось в груди. Что такого он хотел мне сообщить, что при ней говорить не мог?

— Что ж, хорошо, — осторожно промолвила речь. — И о чём пойдёт речь?

— Вы знаете, что я нахожусь здесь для того, чтобы поддержать вас, Ваше Величество. Моя цель — единственная цель, — помочь вам выжить.

— Я знаю, — да, действительно. Вопреки всем моим бесконечным подозрениям, я никогда не сомневалась в том, что он искренне меня поддерживал. Его вера была пылкой, пугающей — да, я боялась того, что он мог совершить, лишь бы создать этот новый двор, на что он всё ещё готов, но я прекрасно знала, что лично мне он никогда не причинит вреда.

И от этого, впрочем, мне становилось ещё страшнее.

— И ещё вы понимаете, что я всегда действую в ваших интересах — и когда говорю, что Уильям Фицрой опасен для вас, это значит, что вам следует побережиться.

— Я знаю, — кивнула я, — вы уже это говорили.

— Но, очевидно, я свидетельствовал об этом не столь ясно, потому что вы проигнорировали мой совет. Я ведь говорил уже, что люди считают, будто бы вы вместе собираетесь занять трон. Да, конечно, о вас говорят много нечестивого, Ваше Величество, и я не хочу повторяться, но Стэн более чем счастлив, что у него есть возможность поддержать подобное — и это наносит вам реальный ущерб. Они разбивают наши утверждения в том, что вы королева, избранная Забытыми.

— Я ценю ваше беспокойство, — ответила я, — но если люди уже говорят об этом, сие никак не изменить. Это будет только подозрительнее — оттолкнуть его, будто бы они наткнулись на правду.

— Это ещё не всё, Ваше Величество. Знаю, вы хотите видеть в людях только хорошее, и это достойно уважения, но я сам проводил некоторые расследования относительно убийства и относительно Фицроя. Там не всё в порядке.

— Почему об этом не сказала Норлинг?

— Потому что она со мной не соглашается, Ваше Величество, но она поступает так скорее по привычке. Она не думает, что подобное направление принесёт нам пользу, но я уверен, что она ошибается.

— И какие же доказательства?

Он собирал бумаги против Фицроя. Не открыто, не с Норлинг, а в одиночестве, скрывая это ото всех. Фицрой — проблема, и ему надо было его устранить. Он вредил той, кого Холт считал для себя идеально избранной королевой. Официальное расследование ничего бы не доказало, но предвзятости Холта хватило бы для того, чтобы он манипулировал тем, что есть.

— Я нашёл упоминание в дневнике главного советника короля Йоргена. Он отметил, что король планировал лишить Фицроя наследства.

— Начнём с того, что Фицрой никогда и не был престолонаследником.

— Но ведь надеялся! Об этом, Ваше Величество, все знали. Может быть, Фицрок надоела эта немилость — и он решил одним махом всё изменить?

— Подобным способом? Убив всех?

— Да, Ваше Величество, всех, кто мог бы поспорить с его так называемой легитимностью. Он хотел бы всё разрушить, а потом оказаться единственным престолонаследником.

Холт казался искренним просто до ужаса. Да, удивительно было бы такое видеть, окажись он и вправду оказался убийцей. Вот только я не способна верить в здравомыслие тех, кто готов убить такое огромное количество людей. А если Холт сумел убедить себя в том, что он посланник Забытых и убивает ради блага мира, он бы и уговорил себя в том, что Фицрой заслужил наказания. Разумеется — «последнее задание», что он должен выполнить.

— Фицрой даже не пытался бороться за трон, — осторожно отметила я. — Он не хотел его занимать.

— Полагаю, в тот момент, когда он осознал, что есть выжившие, изменил свою стратегию. Решил вас победить. Может быть, предаст позже, может быть, заполучит корону путём бракосочетания, не знаю...

— Стоп! — слово сорвалось с моих губ совершенно внезапно. — Хватит! Я доверяю

Фицрою, куда больше, чем могу описать это словами!

Я едва ли не спросила его о том, что он забыл во дворце — эти слова буквально крутились на кончике языка, собираясь сорваться, рвануться на него — но я заметила выражение его лица и запнулась. Такой решительный, словно последний осколок страшной правды обрушился на него, а теперь он должен просто отреагировать.

— Мне жаль, что вы считаете это правильным, Ваше Величество, — сказал он, — но, независимо от ваших чувств, проблему стоит решить. Если позволите...

Он сухо поклонился и покинул комнату.

Проблему стоит решить — слова звенели в моих ушах. Решить, как, возможно, Холт решил всё с остальными придворными. Сорняк необходимо выдернуть из земли, чтобы процветала его драгоценная новая королева.

Фицроя я обнаружила в лаборатории — он как раз сидел над отцовскими письмами, но, стоило только расслышать шаги, мигом вскинул голову.

— Фицрой, — я прикрыла за собой дверь, скрываясь от всего замка. — Ты должен уйти.

— Уйти? — он нахмурился. — Фрея, что случилось?

— Холт... Он уверен в том, что ты повинен в отравлении.

Он покачал головой, возвращаясь к запискам.

— Люди всегда считали меня угрозой, которой я никогда не был.

Я должна была заставить его понять. Я рванулась вперёд, сжала его плечи.

— Он говорит, тебя надо казнить! Решить проблему! Фицрой, он тебя убьёт! Он собирается это сделать!

Он даже не поднял взгляда.

— Нет, у него в планах нет моей казни.

Ну как можно оставаться до такой степени спокойным?!

— Ты должен уйти! Туда, где будет безопасно! — я отвернулась с ужасной решимостью, словно была уверена, что он тут же сорвётся с места. — Однажды всё это закончится, и ты сможешь вернуться!

— Уйти? — казалось, это единственное, что привлекло его внимание. — Я не собираюсь уходить.

— Нет, собираешься! Фицрой, во имя здравого смысла, он хочет тебя убить! Ты не можешь здесь оставаться! — я схватила его за руку с готовностью стащить со стула, но он не сдвинулся с места.

— Холт ничего мне не сделает, Фрея, — его голос казался тихим и спокойным, словно я совершенно ничего не понимала в этой жизни, а он пытался меня убедить. — Да, он немного странный, но он отнюдь не убийца.

— Ты ведь ничего не знаешь! Не знаешь, что происходит! А он хочет избавиться от тебя, избавиться любым путём, послушай!..

— Ну, в таком случае, я не собираюсь доставлять ему подобное удовольствие.

— Я твоя королева! — я вскинула голову. — И ты должен сделать то, что я захочу!

— Тем не менее, я не буду этого делать.

Я могла его толкнуть — почти сделала это, чтобы заставить в этой дурной голове проснуться хоть капельке здравого смысла!

— Я могу вытолкать тебя из Форты! Ты не представляешь, как мои советники обрадуются, когда я так поступлю!

— Можешь, конечно. Но не хочешь, — он вновь повернулся к этим проклятым запискам.

Я потянула его за руку, заставляя подняться на ноги.

— Фицрой, да пойми ты, это не пустые угрозы! Я не хочу, чтобы тебе было плохо.

— Ладно, — вздохнул Фицрой. — Значит, давай попытаемся выяснить, кто именно убийца, — когда я не сдвинулась с места, он тяжело вздохнул. — Ты мне нужна, Фрея. И ты не можешь ждать, что я сбегу, услышав Холтово имя.

— Фицрой, — уже мягче проронила я, — но ведь ты не хочешь пострадать из-за меня! Пожалуйста?

— И ты думаешь, что я хочу, будто бы ты пострадала?

— Может быть! — воскликнула я. Только бы убедить! — Может быть, если останешься!

— Потому что собираюсь предать тебя и отобрать корону?

Ну почему он не может относиться к этому серьёзно!

— Потому что люди с подозрением относятся к нашей дружбе!

— Люди всегда сплетничают. Они радуются, что могут говорить о чём-то, кроме неминуемой смерти, а самое огромное удовольствие им доставляет то, что кто-то где-то умирает!

— Но ведь ты их не слышал! Они говорят, будто бы мы вместе убили твоего отца. Думают, что мы убийцы, что решили захватить трон!

— Знаю, — его голос зазвучал тише. — но многие не верят. Если ты только дашь им историю получше, — я открыла рот, чтобы вновь начать спорить, но он только безысходно покачал головой. — Фрея, я не уйду, что б ты ни сказала.

— Но это бессмысленно! Ты должен себя защитить! Зачем оставаться, если это может стоить тебе жизни?!

Он внимательно, не мигая, смотрел на меня.

— Хорошо, я знаю, что я остаюсь. Но я должна, ведь я королева!

Он нахмурился.

— И что с того?

— Да ничего! Но ты-то можешь уйти! Можешь вернуться, когда всё закончится! Почему нет?

— Фрея...

Слова, казалось, текли неудержимым потоком.

— Ты тут не нужен, Стэна можно остановить без тебя! И будет куда легче решать эту проблему, если не придётся беспокоиться о твоей жизни! Так что тебе лучше уйти!

— Ты правда не замечаешь? Правда думаешь, что я смогу уйти?

— А почему нет?

— Ты знаешь почему, Фрея.

Моё сердце колотилось в груди, а воздуха в лаборатории было слишком мало. Я никогда ничего не понимала в людях — и не позволяла себе верить в фантазии.

— О чём ты говоришь?

Он встал — и поцеловал меня.

Это длилось не больше коротенького мига, секунды. Просто его губы на мгновение прижались к моим, такие мягкие и тёплые. Желудок сжался — но прежде, чем я успела отреагировать, подумать, он отшатнулся назад, положив руки мне на плечи.

— Что ты делаешь? — тихо прошептала я.

Он тихо рассмеялся.

— Ты прекрасно знаешь, что именно я делаю.

— Но...

Он вновь пристально смотрел на мои губы — и я не могла даже дышать.

Но потом отвернулся, отступил к столу.

— Мы должны узнать, откуда мой отец узнал об этом красителе.

По коже промчалась дрожь. Да, я должна уйти, чтобы он был в безопасности...

Но прогнать его я не могла. Я не хотела его отпускать, пусть это было единственным, что на самом деле следовало сделать.

— Хорошо, — кивнула я. — Давай посмотрим.

Но как же трудно было бороться с желанием обнять его и вновь поцеловать!

Двадцать шесть

В тот же день я отправилась к Минстеру. Это было демонстрацией благочестия — и последней попыткой помочь себе. Но, шагая по городу, я не могла перестать думать о Фицрое.

Он поцеловал меня. Уильям Фицрой поцеловал меня.

И мне до ужаса хотелось, чтобы это повторилось вновь.

Что со мной не так? Да, моя жизнь была в опасности, раз за разом мне об этом твердили, повторяли, что от Фицроя только хуже. Жизнь его в опасности — потому что он находится с ним. Я не могла с ним даже разговаривать, пусть бы у меня и были чувства... Вот только времени не было. Я должна защитить свой трон. Должна спасти свой город.

Так что я приказала себе не думать о Фицрое. Не думать, пока шагаю по главной улице, пятная платье водой из луж. Не думать, пока ко мне склоняется джентльмен. Не помнить тепло его губ, пламя в его глазах, удивление, потерявшееся в зрачках, дрожь от его близости. Не думать, что будет, когда вновь его увижу.

Но я не могла не поражаться. Знала, почему он это сделал — но разве это имело значение? Слова можно истолковать неверно. Адреналин? Смерть? Он мог просто пытаться меня отвлечь, чтобы я его не гнала. Использовал мои чувства?

Нет, нет, какие чувства! Но ведь он предполагал, что они были — и поэтому сейчас не время открываться или делать что-либо...

И он поцеловал меня — но я ведь его не целовала! Конечно, обычно люди на поцелуи отвечают, когда им удовольствие доставляет близость второго человека... Но ведь это был не того рода поцелуй, правда? Зачем иначе было обратно нырять в бесконечные исследования? И ведь он больше никогда меня не...

Ничего больше. Ведь не было ничего больше?

Это ведь хорошо — и не будет?

Впереди замаячил монастырь, в тумане виднелись очертания башни. Звонили колокола. Толпились во дворе люди — кричали моё имя. Я улыбалась, кивала, но сквозь переднюю дверь прошла без особых инцидентов.

В самом соборе было практически пусто. Священник стоял у алтаря — поклонился, когда я вошла, но не проронил ни единого слова.

Сердце колотилось всё сильнее с каждым шагом. С той поры, как я в последний раз тут бывала, столько всего изменилось! Эти человеческие взгляды, воздух, преисполненный ожидания и горя...

Я остановилась у алтаря и смотрела на резные лица, но не могла узнать и половину. Я

знала только самых известных Забытых — и не могла сопоставить их с идеализированными образами живых людей. Но я рассматривала их, думала, что та высокая женщина — Валанте. Доброе лицо, решимость в глазах... никогда не была жестокой. Никогда не сдавалась.

Она спасла меня — спасла от Стэна. Нет, не появившись посреди тронного зала, но одного ожерелья хватило, чтобы он остановился. А теперь Забытые помогали мне — заставляли людей поддержать меня. Пасть на колени. Молить о благословении.

А я в них не верила. Может быть, в Эприа когда-то жили мудрые, умные люди, но бессмертными они не были. Не наблюдали за нами, не вмешивались в нашу жизнь. Не пытались вернуться. И помочь выжить мне никто не в силах. Кроме меня самой.

Но я отправляла им немой посыл. Просто так. На всякий случай.

Итак, — промолвила Мадлен, расплетая мои волосы вечером, — что случилось?

— О чём ты?

Она легонько провела пальцами по моей шее.

— Ты весь день будто бы в оцепенении. Всё ещё улыбаешься — а я знаю эту улыбку.

Скажи мне...

— Нечего рассказывать, — я с силой ущипнула себя. Да, не думать о Фицрое целый день. Не видеть его. Может, он меня избегает? А вдруг послушался? А может... Забытые, не знаю!

Мадлен покачала головой, но спорить не стала.

— Что ты думаешь... — я запнулась.

— О чём конкретно?

— Просто интересно... Фийрой, он... Ведь ты знала его до того, как всё это случилось, верно?

Мадлен распустила ещё несколько прядей.

— Знала.

— Ведь ты никогда не... Как думаешь, он мог бы хоть подумать о такой, как я, если бы не случилось всё это?

Она умолкла, задумавшись.

— Если б всё это не случилось — может, нет. Вы никогда даже не разговаривали, не уверена, что что-то изменилось. Но если ты спрашиваешь о себе-нынешней — да. Он всегда пытался заставить людей быть честнее, — она бросила булавки на комод. — Ну? Ты его поцеловала или он тебя?

— Что?

— Ну, дай угадаю — раз ты спрашивала, целовала ты.

— Ты кого-то поцеловала?! — в комнату ворвалась Наоми, всё ещё не закончив расплетать свои косы. — Так, что ты тут сказала? Фрея кого-то целовала? Фицроя?!

Мадлен улыбнулась.

— Фрея как раз собиралась нам это поведать.

Моё лицо пылало.

— Я его не целовала! Почему сразу я? И сейчас не время, столько всего происходит...

Я... — я запнулась.

— Значит, — хмыкнула Мадлен, — он поцеловал тебя.

— Как...

— Я ведь уже говорила, Фрея. У тебя всё на лице написано!

— Фицрой тебя поцеловал? — Наоми почти что прыгнула на меня. — Фантастика! Ты в него влюблена. Ты ему об этом говорила?

Я ошеломлённо смотрела на туалетный столик.

— Всё было не так...

— А как? Мне нужны детали!

Мадлен подалась вперёд, поправляя волосы.

— Это был хороший поцелуй?

— Не знаю! — воскликнула я. — Честно! Думаю, что...

— Тебе только кажется?

— Да ведь я раньше никогда не целовалась, и сравнивать не с чем!

Наоми опустила на стул рядом со мной.

— Ну, в груди всё переворачивалось... А он запускал руки в волосы?

— Он никуда свои руки не запускал!

— Никуда?

— Это было быстро! — а что ещё мне следовало сказать? Может быть, это означает, что это не настоящий поцелуй? — И... И, да, у меня сжималось сердце.

— Я знала! — воскликнула Наоми. — Знала, что ты в него влюблена!

— Ну что ж, тебе придётся поцеловать его ещё разок, если ты не уверена! — проронила Мадлен. — Ради доказательств. Во имя науки!

— Мадлен! — я легонько пихнула её, и она захихикала, пошатнувшись.

— А ты разве не хочешь? Я могу представить себе его лицо!

Эта мысль казалась просто ужасающей — почти такой же самой, как и то, чтобы я больше никогда к нему не подходила.

— Может быть...

— Всего лишь может быть?

— Я... Нет... Да! Да, я хочу его поцеловать, но сейчас не время! — голос мой зазвучал громче, слова буквально слетали с губ. — Вокруг столько всего, столько... Я не могу об этом беспокоиться, и люди уже говорят, будто мы сговорились! Этот кошмар...

— Ну, не так уж и глупо подумать об этом, — сказала Мадлен. — Чётко понять, хочешь ты этого или нет. Разве в этом есть что-то плохое?

— Но я... — я вздохнула. Это было бессмысленно. — Я не знаю. Он поцеловал меня, а до этого сказал, что я ему нужна, что он хочет остаться, и... Но что это может значить?

— Ты не знаешь, что значит признание в любви и поцелуй? Отказ уйти, когда на нас говорит армия!

— Я знаю, что он мой друг! — быстро проговорила я. — Но я не знаю, был ли это просто поцелуй — или в нём есть какой-то смысл! Ведь некоторые люди считают, что поцелуй вообще ничего не означает — а другие целуют только тогда, когда это любовь. Откуда знать, к какому типу принадлежит Фицрой?

— Ну, не знаю, что там с типами, — осторожно промолвила Мадлен, — но всё зависит не только от людей, но и от обязательств. Я видела, как он заботится о тебе, Фрея — но, может быть, я не тот человек, которого следует спрашивать.

— Но не могу же я его спросить!

— О! Ну ты ведь королева, — заулыбалась она, — и можешь сделать всё, что хочешь.

...В ту ночь в коридоре меня поймала Норлинг.

— Ваше Величество, могу ли я на минуточку...

Я кивнула. Она замерла в тени — и поманила меня к себе.

— Я должна сообщить вам, Ваше Величество, что мы смогли обнаружить несколько Густавитов. Мы знаем и о том, где завтра состоится встреча. Каковы будут ваши указания?

Я знала, что мы должны их арестовать. Они пытались меня убить, они, возможно, покушались и на короля. И всё же... Я вновь думала о том, что, может быть, могла с ними поговорить — если б они действительно узнали меня, то, возможно, смогли бы поддержать!

Сумасшедшая, ужасная идея.

— Ничего не делайте, — ответила я. — Не сейчас.

— Эта возможность, Ваше Величество...

— Мне надо подумать, — и понять, насколько вменяема моя идея.

Норлинг нахмурилась, но не спорила.

— Разумеется, Ваше Величество.

Я вновь подошла к двери. Внутри — весь оставшийся двор. Пятеро? Четверо? Я должна казаться им хорошей королевой, вопреки всему — и не расстроить их.

А ещё там Фицрой. Фицрой... Я чувствовала, как сжимался желудок. Единственное, что меня пугало — это не увидеть его опять. Знать, что он скрывается.

Я тяжело вздохнула, шагая вперёд.

Ни фанвар, ни громких оглашений. Но все смотрели на меня и опустили в глубоких реверансах, склонились в низких поклонах. Да, их было больше, чем я думала. Двадцать человек, не считая Холта, Наоми и Мадлен — и Фицроя, — но ведь у этих людей не было никаких мотивов оставаться здесь!

И ни одна из женщин не была одета по старой моде. Лёгкие юбки, распущенные волосы, минимум драгоценностей — словно они вдруг признали всё это полнейшей безвкусицей.

Это заслуга Мадлен.

Это моя заслуга.

Мадлен — потому что она изменила мои наряды, сделала их такими, чтобы те меня не поглощали, чтобы даже королевой я была естественной. Моя — потому что подражали они мне. Хотели выглядеть, как я.

Разве это не признание? Я лидер, а не посторонняя, хотя бы для этих людей. И они даже так, символически, выражали мне собственную поддержку.

Глядя на них, я чувствовала себя сильнее. Они остались. Я всю жизнь боялась, что не смогу быть тем, кого хотят видеть на моём месте — не в силах говорить правильно, ведь люди будут смеяться! А они смеялись над моими глупыми попытками быть королевой. А эти люди — эти люди меня поддержали! Может быть, политика, может быть, игра, но не для всех! Мадлен, Фицрой — они поверили! Почему остальные не могли сделать то же? Сколько притворялось — а сколько были честны? Сколько гонялись за капиталом — а сколько теряли всё?

Я не могла притворяться. Двор разрушен, его не восстановить — слишком много трещин. Я должна быть честной. Нельзя доверять советникам, и убийца, может быть, на моей стороне, может быть, стоит здесь — но не знак ли это прекратить бесконечную игру? Быть королевой, такой, какой я смогу являться? Собой, Фреей — королевой Фреей. И живым человеком.

Я шагнула вперёд.

— Здравствуйте, — боги, как неуклюже, но мне хотелось сказать всё быстрее! Не пугаться, не думать о том, сколько всего случилось. Сколько неопределённого в этом

мире... — Я знаю, что сейчас всё — слишком страшно. Всё пугает. Я сделаю всё, что смогу, чтобы вы были в безопасности, но и я не знаю, что будет дальше. Вы остались здесь — и я ценю это. Не ради земли, не ради денег — это настоящая поддержка... — я запнулась. Как закончить? Я ценю это? Опять, опять? — Я благодарна вам — и знаю, что кто-то расстроился из-за того, что я стала королевой. И Торстэн Вольф среди них. Что я не так жестока к врагам, слишком думаю о народе и не ставлю вас на первое место, — я чувствовала, как они смотрели на меня. И как на меня смотрел Фицрой. — Но каждый в Эприа заслуживает на свой шанс. Да — я никто. Двадцать третья. А теперь — королева. И мы сможем столько всего сделать, если попытаемся помочь! Мы не должны бросать драгоценности в реки, не должны наряжаться в золото для того, чтобы продемонстрировать свою ценность. Силу. Есть другие способы сделать королевство сильнее — думать о людях. Мы можем стать лучше. Мы наслаждаемся стольким — и можем наслаждаться и дальше, пока живём, но если мы не воспользуемся своей силой, чтобы поднять этот мир, кто же мы тогда будем? Может быть, Стэн с этим и не согласен... Но я в это верю. И надеюсь на то, что вы тоже сможете понять это.

Я затаила дыхание, замерла, ожидая того мгновения, когда рухнет мир — прямо мне на голову. Я знала, кто я и где я — знала, что натворила. Могла ошибиться. Могла всё испортить.

Они молчали — ждали, что я вновь заговорю. Или, может быть, тоже понятия не имели, что должны сказать.

— В любом случае, — я заставила себя разбить тишину, — стоит расслабиться. Выпить, послушать музыку?

Мадлен улыбнулась, вновь подхватывая привычную для себя роль обыкновенной хорошенькой дворянки.

— А шарады, Ваше Величество? Ведь мы с вами так и не поиграли! Ну, так может, вы примете это решение?

— О да, — кивнула я. — Да, это звучит просто замечательно!

Никто не выбежал из комнаты, никто не бормотал сердито за моей спиной. Играли. Говорили. Я чувствовала себя так хорошо! Ещё немного, ещё совсем капельку — на что-то надавить, что-то узнать — и я, королева, смогла бы сделать всё лучше!

— Это была хорошая речь, Ваше Величество, — чуть позже отметил Холт. — Немного спонтанная — но хорошая.

— Спасибо, — мне казалось, я будто съезжилась от его похвалы. Так грязно, так гадко — я чувствовала себя такой свободной! Выдала всё, что смогла — и выжила!

И знала, что должна делать.

— Норлинг сказала, что вы обнаружили Густавитов. Я хочу связаться с ними и встретиться. Завтра.

— Пригласить их в Форт?

— Нет. Там, где они планировали свою встречу. Показать, что мы знаем о них всё — но не угрожаем. Хочу поговорить с ними об их идеях.

— Ваше Величество! Ведь они пытались вас убить!

— Только одна из них. Но она сказала, что ей никто не помог, что остальные с этим не согласны. И я должна узнать, с чем они согласны. Это важно.

— Это опасно, Ваше Величество.

Я посмотрела ему в глаза, чувствуя, как дрожат руки. Этот человек мог убить всех —

мог убить и Фицроя.

— Ну и что? — хмыкнула я.

Двадцать семь

В ту ночь я не могла спать. События дня, казалось, заставляли моё сердце колотиться без остановки — а в темноте и в безопасности мысли вернулись к поцелую.

Фицрой не говорил со мной весь вечер. Ну почему нельзя было посмотреть? Подать знак? Всё это не может быть совершенно обычным, если поцелуй хоть что-то значил!

Да, всё в порядке, да, я не безнадёжна! У меня есть доказательства, факты — я могла подумать о чём-то. Он отказывался уходить — значит, это был значимый поцелуй. Наш разговор... Даже если учитывать то, что он поведал мне... Да, со стороны это казалось таким очевидным!

Но у меня были и аргументы против. Ведь это я. Да, люди могли стать моими друзьями, выслушать мои идеи — но точно не... Не так!

Я королева, но это всё ещё я. Короткий дружественный поцелуй. Может быть, я немного перепутала? Мы не... Но это всё ещё — глупо.

Ворча от досады, я вылезла из постели, погладила проснувшуюся Дэгни, схватила бумагу. За и против — как смешно это писать!

— Потому что это не причины! Это глупо! Но...

И сколько я могу себя оправдывать?

— Фрея? Что ты делаешь? — Наоми выглянула из своей спальни, протирая глаза. — Я увидела свет в твоей комнате. Что-то случилось?

Я уцепилась в лист бумаги.

— Нет, всё в порядке. Сейчас лягу спать.

— Ты составляла список, чтобы понять, любит ли тебя Фицрой?

— Это не так! — она выжидательно изогнула брови, и я сдалась. — Да. Я писала, что может думать обо мне Фицрой.

— Иди и поговори с ним, Фрея! Он — единственный, кто скажет правду!

— Да, я могу... Но где его искать?

— Он ждёт тебя в твоей лаборатории, где ж ещё!

— В этом я не уверена.

— Я уверена!

По крайней мере, спросив его, я бы знала. Избавилась бы от одержимости. Да, это унижение — но ведь разве не я вышла ко двору? Я способна сделать это!

— Лучше рассмотреть доказательства, чтобы принять решение...

Наоми рассмеялась.

— Но потом сходи! Обязательно расскажешь мне, как это было.

Конечно, Наоми была права. Я понятия не имела, было ли это облегчение — или раздражение? Фицрой был в лаборатории, вокруг него рассыпались бумаги — поднял голову, когда я вошла, а улыбка его казалась другой. Это из-за того, что я делала? Может, он сожалел о том поцелуе?

Я должна была отбросить в сторону все сомнения, что терзали меня.

— Что ты имел в виду, когда говорил, будто бы я знаю?

Его улыбка переменилась — и он казался неуверенным, когда поднялся.

— А это было непонятно?

— Полагаю, ты имел в виду — мы схожи. И чувства... Что за чувства? Что ты думаешь обо мне? Я тебе друг или... Или... Что-нибудь вроде...

Он медленно подступал ко мне — пришлось подавить желание отступить.

— Что-нибудь вроде... ну... Ох, как же смущённо.

— Ты понял, что я имела в виду!

— Понял, — ещё ближе. Ох! — И ты так часто целуешь своих друзей, Фрея?

— Нет! — почти мышинный писк. — Но некоторые люди... И это был такой короткий поцелуй, и...

Я поняла за мгновение до того, как было слишком поздно. Он подступил ко мне на шаг — и я тоже шагнула к нему.

Второй поцелуй — с Уильямом Фицроем. Его рука застыла на моей шее, пальцы запутались в моих волосах. Фицрой был таким... Таким самим собой!

И как я могла отрицать любовь к нему? Что сжимался желудок, колотилось сердце, что мысли, казалось, потеряли всякое значение? Каждое дыхание, каждая капелька крови — жар кожи там, где он касался меня. Наша разница в росте — я должна была немного запрокинуть голову. Каждая деталь имела своё место в безумном бессмысленном каталоге.

Он отстранился, замирая в дюйме от моего лица.

— Это ответ на вопрос?

Я покачала головой — едва заметно.

— Нет, — голос казался слишком хриплым. — Мне надо знать. Это можно трактовать по-разному.

— Как именно? — он изогнул брови.

— Может быть, ты хотел, чтобы я умолкла? Или это... хм, тренировка? Или тебе хотелось поцеловать королеву, но ты не можешь этого признать — а так тебе лгать не придётся. Или ты слишком... слишком дружелюбен со своими... друзьями...

— Итак, что же это? — о, теперь в нём заговорил Фицрой-придворный, вот только он, казалось, отбросил это в сторону после первой же заминки. — Ну, ты не только друг. И обычно друзей я вот так не целую.

— Обычно?

— Ну, как правило, да. Я люблю тебя — тебя, Фрея. За твоё упорство. За то, что ты заставляешь меня чувствовать самим собой. Я уже говорил тебе, что никто при дворе не видел меня настоящим — кроме тебя.

— Что ж, — вздохнула я, — думаю, могу сказать то же и о себе.

— Думаешь?

— Думаю.

Он тихо рассмеялся.

— Думаешь как о друге, как о лаборанте, как о сыне старого короля, что отказывается уйти?

— Думаю так, как и ты, Фицрой, — решительно отозвалась я.

— Что ж. Догадывался. Весьма... Любопытно.

И он вновь поцеловал меня.

Густавиты со мной встретиться не согласились. И Холт, кажется, их даже не спросил.

— Они, Ваше Величество, много чего сделают до конца визита, — следующим утром промолвил он, будто успокаивая. — Они полагают, что это ловушка — либо сами готовят что-то в этом роде.

Значит, удивим их. Не уверена, что это безопасно — они могут отреагировать по-разному, — но лучше уж я сегодня продемонстрирую свою решимость, чем на плахе.

В то утро я заботилась о своём внешнем виде больше, чем когда-либо. Перемеряла все короны и диадемы, не желая казаться слишком яркой, но всё же надеясь оставаться королевой — и вновь остановилась на обыкновенной диадеме и звезде Валанте на своей шее.

Туман стелился над городом, пряча переулки и словно меняя весь мир. Казалось, кроме кареты и моей стражи, да участка дороги впереди, ничего больше не оставалось — так было тихо.

Я переживала. Могла думать только об этом. Всегда нервничала перед разговорами — но теперь мне действительно было плохо. Что я творю?

Делаю то, что должна.

Было не так уж и удобно — и мне казалось, будто меня сжигало изнутри. Пальцы покалывало, паника напоминала о себе, но я заставляла себя дышать.

Экипаж остановился у невзрачной усадьбы на ничем не примечательной улочке. Я вышла — приказала себе идти. Я не должна бояться — но ведь я не знала, чего ожидать, понятия не имела, куда шла, но должна была с ними поговорить. Я знала — меня там ненавидят, и мне следует это изменить. Вот только это не походило на правильную постановку задачи.

Так или иначе, я сюда прибыла. И могла сделать то, что задумала.

Стража выступила вперёд, чтобы известить о моём прибытии. Да, я сказала им выглядеть столь безобидными, как это возможно, но всё равно поёжилась, услышав стук в дверь. А если всё это закончится дракой...

Нет. Для этого они слишком разумны. Лучше притвориться, что это обыкновенное собрание, отрицать правду, пока ложь не станет ею. Человек, отворивший дверь, был спокоен — не показал и нотки страха, когда увидел стражу. Когда мои люди сказали, что я хочу с ними поговорить, не уточняя, что мы знаем, кто они, он без колебания поклонился, губы растянулись в радостной улыбке. Люди внутри, наверное, что-то меняли, скрывали улики, но этот мужчина был отражением спокойствия.

Он вновь поклонился, когда я шагнула вперёд.

— Рада повидать вас, — промолвила я.

— И мы, Ваше Величество.

Хороший актёр — самое место при дворе.

Он привёл меня в прихожую, потом дошёл до гостиной. Там собралось много людей — от мальчишек младше меня до женщины с белоснежными волосами и морщинистой кожей.

Кто-то был одет в грубую одежду, кто-то — в что-то откровенно дворянское, и здесь были люди со всего города, наверное, около тридцати человек. Их оказалось больше, чем моих придворных.

Они не все были так же хороши, как и тот мужчина, что отворил передо мною дверь. Страх всё ещё струился по комнате, и кто-то смотрел на меня с ужасом и с удивлением. Другие выглядели совсем уж агрессивными, бросали вызов — вот за кем надо наблюдать.

Никто не двигался. Никто не выражал своего почтения. Все они были слишком поражены — либо слишком злы. Может быть, они и не думали, что на их встречу случайно может заглянуть королева, одарив их улыбкой. Если б месяц назад в мой дом вошёл король, я бы рухнула на пол от шока — а ведь я видела его часто, пусть и издалека.

Все молчали — не знали, что делать.

— Спасибо вам, — сказала я. О, меня даже не вырвало — каков успех! — Спасибо, что согласились увидеть меня.

Ещё более удивлённые взгляды — а после пожилая женщина, стоявшая у двери, будто бы опомнилась.

— Ваше Величество, — она медленно встала, а после попыталась опуститься в реверансе, сжимая зубы от усилий — так ей было больно.

— Нет-нет! — быстро воскликнула я, бросившись к ней и положив руку на плечо. — Не стоит. Мы ведь не при дворе.

— Нет, — ответил мужчина, — не при дворе, — и голос его звучал агрессивнее всего.

Женщина удивлённо смотрела на мою ладонь.

— Спасибо, Ваше Величество, — наконец-то промолвила она.

Она не хотела, чтобы я прикасалась к ней — это было нетрудно понять.

— И что ж вы нам хотели сказать, Ваше Величество? — поинтересовался всё тот же мужчина. — Должно быть, это важно, раз вы явились лично.

— Я хотела услышать вас — ведь это единственный способ узнать истину, — я всё ещё стояла в дверях. Да, надо пойти вперёд, сесть, но, может, лучше стоять? Или это недружелюбно? — Хотела узнать, что вы скажете. Ведь вы заботитесь об Эприа. А теперь всё меняется — вы видите. Хочу узнать, что вы думаете о царстве. Да, я читала брошюру, но... — нет, это отнюдь не было тем красноречивым призывом, на который я надеялась.

И все молчали. Настороженные, разгневанные, смущённые.

— Какую брошюру, Ваше Величество? — спросил тот злой мужчина, словно я пыталась его обмануть и заставить признаться в государственной измене.

— Трактат Густава.

— Никогда о нём не слышал, — пискнул мужчина.

— Действительно? А ведь он был во всём городе...

— Но зачем? — подала голос круглолицая девушка у окна. — Я думала, он запрещён.

Я посмотрела на неё.

— Не думаю, что знание способно приносить вред, а запреты заставят его исчезнуть. Зато они позволяют людям манипулировать общественным мнением. Сто лет назад, может быть, им и не нравилось написанное, но я полагаю, что эти идеи весьма хороши. Да, двор расточителен. Я не согласна с радикалами и убийцами, но когда люди прочитают настоящие мысли Густава, может быть, переосмыслят свои действия. Это кажется мне важным.

— И как же вы думаете, что люди неправильно понимают трактат? — глумливо спросил тот самый мужчина.

— О, полагаю, там не всё так уж жестоко, как полагают некоторые люди. Мне хотелось бы, чтобы каждый знал, за что он выступает.

— О, простите за моё невежество, Ваше Величество, — заговорил тот мужчина, что открывал нам дверь. — Но я не понимаю, почему вы нам об этом рассказываете.

Это было уж точно не то, что я себе представляла, когда только шла сюда. Признаться, я надеялась хоть на какую-то реакцию с их стороны, но всё проходило так спокойно! Ни насилия, ни опасностей! Я могла даже задержаться здесь — словно позволить себе на время отдохнуть!

— Мне просто хотелось, чтобы все знали — да, каждый, кто принимал участие в покушении на двор и навредил кому-либо, должен быть наказан... Но все остальные... Меня радует новизна в нашем королевстве, и мне хотелось бы, чтобы сейчас жить стало немного лучше, чем прежде. А если люди сами того желают, то я только приветствую их начинания — пока они несут мирный характер. И, предполагаю, я сказала то, что хотела. Если же и вы хотите донести до меня что-нибудь... приходите в Форт. Я хочу услышать это.

Но они всё ещё никак не отреагировали. Я кивнула им и повернулась, собираясь уходить.

— Почему? — спросил кто-то, подавая голос откуда-то из-за моей спины.

Почему? Какой замечательный вопрос — я даже обернулась.

— Потому что, — спокойно ответила я, — какой смысл сражаться за трон, если не собираешься ничего менять?

Двадцать восемь

Стэн продолжал двигаться вперёд. У нас было лишь три дня до той поры, пока он доберётся до городских врат.

Мы могли ошибаться — я повторяла это раз за разом. Он может остановиться на несколько дней, собирая армию. Вот только наши шпионы говорили, что он возвращается, и вряд ли что-то могло это изменить.

У меня ничего не было — и советники тоже об этом отлично знали. Да, я могла заручиться поддержкой народа, без конца твердить о Забытых, но не могла победить Стэна. Слишком уж мало мы сделали, чтобы остановить его. Я не знала, кто был убийцей. Да, может быть, Холт, скорее всего, Холт, но мне нужны были доказательства — равно как и доказательства своей невиновности.

Я не могла спать. Я должна была подготовиться, пока ещё было время.

Я прокралась в коридор из комнат, стараясь не разбудить Наоми или Мадлен. Входная дверь была приоткрыта — и из-за стены доносились тихие голоса стражников.

— Но Стэн хороший человек, — сказал один. — Да, он не наследник, делает всё не так, как раньше, но он достойный лидер, он хороший! Разве он не может на что-то рассчитывать?

— Да он на всё рассчитывает, — вздохнул второй. — Ты забыл, его противник — юная девушка, не знающая войны. Что она может против него сделать?

— Так почему ты ещё здесь?

— А разве это не безопаснее всего? — отозвался тот. — И я ничего не имею против нашей новой королевы. Она хорошая девушка, и если она и противится ему, то только ради общего блага. Я счастлив её поддержать, и если она победит, то Стэн должен радоваться, что

может к нам присоединиться, а если нет — мы сможем встать на его сторону. Он всегда был очень разумным.

— Что ж, да, — согласился первый, — да, так и есть.

Я замерла у двери. От их слов всё в груди сжималось — но они не были изменниками, по правде. И за желание выжить я их винить не могла.

Я вновь скользнула к двери в собственную спальню и прикрыла её за собой — чуть громче, чем следовало. Стража тут же умолкла. К тому времени, когда я вновь подошла к двери, они вытянулись у стен, словно и вовсе никогда не говорили.

— Мы можем вам помочь, Ваше Величество? — спросил стражник слева.

— Всё в порядке. Просто надо немного отдохнуть, — я выскользнула в коридор. — Думаю, отправлюсь в свою лабораторию.

— В таком случае, мы должны последовать за вами, ваше Величество.

Да, они должны — но после этого разговора мне хотелось побыть одной. Я не хотела, чтобы меня защищали люди, что отлично осознавали, что сами на это не способны.

— Нет, — ответила я, — внутри Форты я в полной безопасности. Подождите меня здесь, — и, ступая, как настоящая королева, я ушла — знала, что никто не сможет мне перечить.

В коридорах было до ужаса тихо. Странный оранжевый свет факелов бросал на каменные стены длинные тени, в темноте растворялись высокие потолки, звуки эхом отбивались от камней, словно кто-то шептал мне на ухо — а я не могла его увидеть.

В лаборатории не оказалось даже Фицроя. Может быть, он спал — как любой нормальный человек в три часа ночи.

Мне до ужаса хотелось поэкспериментировать, немного сфокусироваться, как это было с испытаниями над мышьяком, но я понятия не имела, что делать. Ведь не было что проверять, не было над чем работать. Так что я вновь взяла в руки письма, надеясь найти что-то, что могло бы мне помочь. Упоминание о Холте, намёк на королевскую болезнь...

Ничего — только мысли о мёртвом короле, об этом человеке со своими мыслями и стражами, о чём-то реальном, а не той карикатуре, которую я знала.

Я не хотела думать о нём, как о живом существе — от этого становилось слишком жутко.

Наконец-то мне стало совсем уж неважно быть одной. Может, Фицрой не спал? Смог бы мне помочь?

Я поднялась по лестнице, постучала в дверь его покоев, но никто не отвечал. Повторила стук.

Ничего.

— Фицрой? — может быть, он спит? — Фицрой? — я легонько толкнула дверь.

Лампы внутри пылали, по комнате разливался тёплый свет. Я проскользнула внутрь, оставляя дверь слегка приоткрытой.

В спальне тоже пылали огни, но Фицроя нигде не было.

Так странно. Он не в лаборатории, не спит — может быть, разминулись в коридоре?

Впрочем, лампы показывали, что далеко он не ушёл — скоро вернётся.

Я подошла к полкам у задней стены комнаты. Вопреки тому, что он был здесь лишь пару недель, в шкафу уже стояли книги — какие-то романы, книги по истории, что-то о науке. Улыбаясь, я взяла одну из них — точно то же, что нравится мне.

Несколько листов бумаги выпали из книг на полке. Один из них скользнул по полу, и я

наклонилась, чтобы поднять его.

Неразборчивый почерк — письмо от его отца.

Это личное. Я не имела никакого права это читать, уж точно не без его разрешения, но отчего-то мне становилось не по себе — я рассмотрела одно только слово. Наследник.

Я не могла остановиться. Читала слишком быстро, словно от времени зависела тяжесть преступления — но слова были бессмысленными, терялись, и мне пришлось скользнуть взглядом по ним медленнее.

Они всё ускользали, во второй, третий, четвёртый раз...

Проект указа, что гарантировал, что Фицрой никогда не унаследует трон.

Мои руки тряслись. Я потянулась к другим бумагам — король запрашивал мнение своего совета. Его болезнь стала для него наукой, он теперь должен заботиться о наследнике... Он должен убедиться, что корона будет в надёжных руках. Если у него не будет детей, то пусть наследует его брат...

А третье письмо говорило об изгнании фицроя. Он всё анализировал, насколько ценным тот был, было бы его изгнание таким уж важным... Может быть, это единственный путь? Король противился — ведь тот был его сыном, — но после всего согласился, что трудно будет подобрать должную альтернативу.

— Фрея? Что ты делаешь?

Я подскочила. Фицрой стоял в дверях, всколоченный после сна, и я сжала бумаги крепче.

— Что это?

Кровь отхлынула от его лица.

— Фрея, — осторожно промолвил он. — Я знаю, как это выглядит, но...

— Ты знаешь, как это выглядит? — рассмеялась я — получилось слишком уж зло. — Скажи мне, что ты этого тут не оставлял. Что это Холт пытался меня настроить!

Он не ответил.

— Ты это от меня спрятал! Холт не ошибался, — мне стало плохо, — ты знал, что отец тебя наследником не сделает. Он хотел тебя изгнать — и ты скрыл это от меня!

— Да. Но, Фрея, пожалуйста, послушай...

Он шагнул ко мне — и сердце едва не вылетело из груди.

— Ну что ты можешь сказать?

— Я не знал, что планировал папа. Поверь. Я только прочитал это в твоей лаборатории, клянусь!

— Так почему же ты это от меня скрыл?

— Запаниковал! Не знал, что будет, если кто-то узнает, твои советники и так мне не доверяют...

— И ты очень удивлён?

— Я не хотел, чтобы и ты мне не доверяла! Я думал, если ты не прочитаешь, Фрея, я... Ты должна мне поверить! Паника не означает, что я...

— Ты мне лгал. Ты... — мне казалось, что эта мысль украла моё дыхание — но я должна была помнить о важном. Не о нас. Нас — нас никогда не существовало. — У тебя был мотив, Фицрой. Вот почему ты скрыл это. Во что я должна верить?

— Я сказал тебе. Той ночью я потерял всё, что у меня было.

— Ты бы потерял всё, если б та ночь не случилось! Скажи мне, Фицрой! Скажи, что ты ничего не получил от его смерти! — меня колотило от гнева и страха — казалось, слова

обрушились камнями на меня. Лицо Фицроя стало мертвенно-белым. — Потому ты меня целовал? Потому говорил, что любишь? Чтобы просто... отвлечь?!

— Нет, Фрея, — он рванулся вперёд, а после, заметив мою дрожь, замер, словно кто-то остановил его. — Я говорил правду. Я думаю, что ты лучшее из всего, что было в моей жизни. Пожалуйста...

— Прекрати лгать!

— Я не лгу! Фрея, послушай... — он вновь подошёл ближе, но руки всё так же дрожали. — Да, я знаю двор. Попытайся я отвлечь тебя, окружить, думаешь, у меня бы получилось? Не я ли говорил, что надо делать, как надо действовать, что надо спешить? Зачем... Да разве так лгут? Тогда я бы постоянно поддакивал...

— Ты умён! Ты мог вычислить наилучшую стратегию!

Он содрогнулся.

— Прощу, Фрея, выслушай меня. Позволь мне объяснить.

— Нет, — если он и раньше лгал, то, может быть, и сейчас — а я и не узнала бы? Ведь я так наивна! Он доказал это — и если б я проигнорировала это только потому, что хотела, как бы я выжила? Идеальная жертва! Всегда преисполненная сомнений, изолированная от общества! Фицрою надо было лишь помочь мне, притвориться таким, как я — и я пропустила бы всё, что свидетельствовало о предательстве!

— Если ты хочешь, чтобы я тебя выслушала, чтобы я тебе доверяла — ты останешься здесь и дождёшься стражи. Попытаешься сбежать — и я пойму, что ты виноват. А если ты не виновен, как сам говоришь, то всё будет хорошо.

— Ты ведь согласишься, если я скажу правду? Или нет — как сейчас?

Я заставила себя смотреть ему в глаза — руки всё ещё дрожали.

— Поверю.

Фицрой не бежал. Я привела стражу к его двери, дала строгие инструкции — никого не пускать без моего разрешения. В горле застыл комок — и от каждого слова мне становилось всё хуже.

Я не могла позволить себе расстраиваться. Следовало сосредоточиться. Стэн всё ещё надвигался на столицу, убийцу мы не нашли, и если виновен Фицрой — поверил ли бы Стэн, что я тут ни при чём? Ведь я его друг — я под подозрением. Как и говорил Холт.

Я должна была передать Фицроя Стэну — убедиться, что это совпадает с его версией о справедливости. И если он виновен... Если это Фицрой всех убил...

Я почти рванулась в свои покои — и мир поплыл вокруг меня. Стоило только оказаться за дверью, и я рухнула на кровать, позволяя рыданиям задушить меня. Дэгни громко мяукала, пытаясь ткнуться лбом мне в предплечье, но я проигнорировала её.

Нежная рука легла мне на плечо.

— Фрея? — Мадлен. Я повернула голову, даже сквозь слёзы видя, как она была хорошо. Да, волосы были заплетены в косы, глаза затуманил сон, но даже беспокойство её не портило. — Что не так?

— Всё, — выдохнула я. — Всё, — я села на кровати. Мадлен устроилась рядом со мной, и Дэгни запрыгнула на колени, всё ещё сожалеюще мяукая. Я легонько провела ладонью по её голове.

— Что случилось?

— Мадлен... — слова не хотели вырываться на свободу. — Это Фицрой. Я думаю, это был он. Он мне лгал. Отец собирался изгнать его, и... я не знаю, что и думать, но должна

была взять его под стражу, а теперь не знаю, что делать...

— Тише, — Мадлен обняла меня, пробежалась пальцами по волосам. — Тише. Всё будет хорошо, Фрея.

— Но он не мог! Я доверяла ему, а теперь...

— Ты совершенно уверена, что это был он? — тихо сказала она. — На него не похоже.

— Не знаю! Но он лгал, прятал улики, спрятал письма!

— Что случилось? — в дверях появилась Наоми, всё ещё щурясь ото сна. — Фрея, ты в порядке?

Я покачала головой — и она больше ничего не спрашивала. Только подошла ближе, опустилась на кровать, нежно положила руку мне на плечо.

— Ты должна понять, — промолвила Мадлен. — И даже если он виновен... Я так долго знала его, Фрея! Он — один из немногих, кто... Может быть, он полагал, что на то есть веские причины? Может быть, это было...

— Причины? Какие причины считаются вескими, чтобы убить столько людей? И Стэн атакует — если я хочу его остановить, то не могу быть милосердной! Стэн никогда не простит мне. Я просто не могу! И не представляю, что он мог это сделать!

— Нет, — вздохнула Мадлен. — Никто не хочет верить, что это один из его родных.

— Но что делать? Придётся объяснить, почему он сбежал — и люди будут виноваты!.. Но я не могу отпустить его — не могу!

— Ты сможешь, — вздохнула Наоми. — Ты всё сможешь.

— Я столько раз ошибалась... И теперь, когда он мой друг, я не могу...

— Фрея, — Мадлен повернула меня к себе лицом, — ты хорошая королева. Поверь мне — я знаю, что такое двор. Я провела тут всю свою жизнь. И ты — лучшее, что здесь было. Просто сделай всё, как надо. Поверь в свою силу.

— Но ведь...

— Разве не ты продержалась столько времени?

Я прижалась к ней.

— Не знаю, что бы я делала. Без вас двоих...

— Ты невероятная, — выдохнула Мадлен. — А без нас — ну, может быть, совсем немножко было бы труднее.

Я тихо, грустно рассмеялась.

Двадцать девять

— Вы задержали Фицроя?

Холт перегнулся через стол, не скрывая ни неверие, ни удовлетворение.

— Да, — кивнула я, стараясь говорить спокойно. — Это было необходимо.

— Мне жаль, что так получилось, — вздохнул Холт, — но он доставлял слишком много неприятностей.

— Нет, — ответила я. — Это не имеет никакого отношения к тому, что вы прежде сказали. Но я отыскивала доказательства его лжи. И его отец хотел его сослать — значит, у него был мотив и подозрительность в действиях.

— Мудро, — кивнул Холт. — Я подозревал, пытаюсь предупредить...

— Да, — отрезала я, чувствуя, как вырываются на свободу часы рыданий и утомления. Он мог быть столь мудрым и превосходным — но я всё равно не была уверена в том, что он

не причастен к случившемуся. Я всё ещё его подозревала. Как он может так выражать своё мнение? — Я знаю, что вы подозревали! Вы были против Фицроя изначально, без единой на то причины! Вы считали, что он виновен — так или иначе! Почему? Потому что его мать не была королевой?

— Я только подумал, Ваше Величество, что вам будет лучше. Хотел вас защитить!

— И нашли улики? Что-то кроме того, что его хотел сослать отец?

— Нет, Ваше Величество, но это было подозрительно, и...

— Подозрительно? Если же вы осуждаете за это людей, то, может быть, расскажете о том, по какой причине несколько дней назад были во дворце? Что забрали из часовни?

Молчание — и взгляд Холта.

— Ваше Величество?

— Я вас видела! Была там, расследуя убийства, видела с сокровищами в руках! Вы пробрались туда, где все погибли — а это не подозрительно? Как думаете, я должна арестовать и казнить вас за это, не получив никаких истинных доказательств?

— Расмус? — переспросила Норлинг. — Как же?

— Я был во дворце, Ваше Величество, — медленно ответил Холт. — Но помогал вам. Это святилище — оскорбительно для Забытых, и для сражения со Стэном мы нуждались в золоте. Я хотел использовать его для поддержки...

Я могла в это поверить. Хотела ненавидеть его, хотела, чтобы он был во всём виноват, но в это я верила — потому что это было правдой.

— Что же, — выдохнула я, — просто... — слишком много бессонных ночей — и слишком я не хотела верить в правоту Холта. Ошибка, просто ошибка. — Мы должны действовать решительно, но не радикально — пока не узнаем всю правду. Я понимаю, что вы просто хотите меня защитить, вопреки обстоятельствам, но вы должны просто давать мне советы. А могу я принять этот совет или нет... — я тяжело вздохнула, — ничего не надо делать. Не надо никому говорить, пока у нас не окажется достаточно доказательств, тех или иных...

— Фрея. Если вы думаете, что он...

— Мыслей мало — сейчас точно. Даже когда Стэн идёт к нам. Надо знать.

— Вы не сможете держать это в секрете, — выдохнула Норлинг. — Люди будут сплетничать...

— Так пусть сплетничают! Если мы ничего не скажем, они не будут знать, что произошло на самом деле.

— И придумают всё, что угодно, вместо правды...

— Пусть придумывают! — я убрала с глаз волосы. Да, я давно не спала, и усталость накопилась во всём теле. — Мне нужны доказательства. Я должна знать.

— Ваше Величество, — вздохнул Холт, — Стэн в трёх днях от столицы. Надо работать над оборонной стратегии. Мы поставили на стены всех, кого сможем, но сил для битвы с ним всё равно слишком мало. Надо подготовиться...

— Мы готовимся — и готовились. Но это тоже важно, — даже важнее. Я не представляла себе, как могла победить Стэна, как могла его остановить, если он не сдастся. Но зато я могла докопаться до сути этого убийства. Могла разобраться со случившимся, пока не прибудет Стэн — и всё не разрушит.

Я не имела права грустить, пока раз за разом в тот вечер пересматривала бумаги, пытаюсь найти то, что упустила. Факты — это просто факты, нет смысла над ними плакать,

когда Фицрой лгал мне обо всём этом... Я не могу отвлекаться. Слишком много важного вокруг. Но я не могла игнорировать свои мысли — не тогда, когда он был первым обвиняемым... Я должна отыскать доказательства — а значит, должна думать разумно.

Вот только ничего не получалось. Вопреки тому, что я бормотала, рыдая вчера на плече у Мадлен или Наоми, я вспоминала выражение его лица, когда впервые показала записи, когда знала, что он лгал, знала, что скрывал, что мог быть виновен, мог ненавидеть меня, не любить...

Нет. Это не доказательства. Я могла обыскать его покои — но что-то по-настоящему угрожающее он бы уничтожил. В Форте не было ничего, что помогло бы мне.

Надо вернуться во дворец. Если б я могла попасть в покои короля — вдруг Фицрой забрал не всё? Да — я должна.

— Ваше Величество? — в комнату заглянул один из стражников. — Из города к вам прибыла женщина.

— Из города? — я думала, визит к Густавитам ничего не дал. Конечно, они не могли прийти в Форт, но если эта женщина — одна из них.

Женщина ждала меня в солдатской каптёрке у передних ворот Форта. За нею наблюдали четыре десятка стражников — но зато ей выделили стул. Она вскочила, задрожала, когда я вошла, и я поняла — вот кто она. Та старушка, к которой я прикоснулась в тот вечер. Теперь она коротко поклонилась.

— Ваше Величество, — выдохнула она. — Вы сказали, что мы можем прийти и поговорить с вами.

— Да, — медленно ответила я, — но не была уверена в том, что кто-то придёт.

— Но ведь вы нас посетили! Думаю, хотели, чтобы мы отреагировать. Да, некоторые были в ярости, когда вы пришли, но молодые так много глупостей совершают... Они хотят всё изменить, и если вы готовы — я подумала...

— Спасибо. Мне жаль — я не знаю вашего имени.

— Бэйквэлл, Ваше Величество, Мэри Бэйквэлл. Я хотела сказать... Некоторые люди за вас, Ваше Величество. Среди Густавитов. Хотят вас выслушать, верят в поддержку забытых... Но некоторые — они хотят верить, но им нужны доказательства.

— Доказательства? Сомневаюсь, что можно доказать подобное.

— Не знаю, Ваше Величество, но они так чувствуют. Конечно, есть те, кто не будет счастливым, пока не начнёт орать... Но я обещаю вам, клянусь — никто не был замешан в том, что случилось при дворе. Мы никогда подобным образом не поступали. Да, некоторые считают, что это правильный путь, они однажды пытались на вас напасть — но на самом деле большинство просто желает перемен. Им просто нужно действовать, чтобы верить... Если б я могла их убедить!

Возвращалась я во дворец одна. Без стражи, без друзей — никто б меня не защитил, вот только кому доверять? Мне нужны улики — улики, которые никто не сможет подменить.

Меня никто не остановил. Стража на входе Форта, казалось, испугалась моего приказа, но ворота всё равно открыла. А как они должны были реагировать, когда королева решила отправиться в город?

В залах дворца на сей раз было тихо. Иногда до меня доносился шорох крыс — они поселились здесь совсем недавно, — но ни человеческих шагов, ни голосов не было слышно. На меня смотрели немые портреты, и ступала я, кажется, слишком громко. Особенно внимательно наблюдал отец Фицроя с огромной картины — одна рука на бедре, вторая

сжимает меч, который он на самом деле никогда в своей жизни не держал...

Фицрой не противился, сказал, где были покои отца, его кабинет — мне казалось, это была правда. Внутри его комнат на третьем этаже. Открытая дверь.

Я замерла на пороге. Никогда прежде не была в королевской части замка — и хотя он умер, а я королева, мне казалось, что я всё ещё нарушаю запреты.

Но я не могла позволить такой глупости себя остановить — и силой воли буквально втолкнула себя в коридор.

Такого я не ожидала. Король любил показность, был расточителен, но тут не было ни золотой обшивки, ни этих гадких статуй. Просто несколько картин на стенах — и покои казались почти пустыми.

Его исследовательская комната казалась разумнее, чем я полагала. Большую часть комнаты занимал дубовый стол, к стенам прислонили шкафы. Никаких картин — только светильники, которые я зажгла слишком быстро, пытаюсь изгнать тьму.

Тут было пусто — Фицрой постарался на славу. Но при всем своём желании, всю комнату он вынести не мог. Что-то должно было остаться.

А ещё, казалось, король был настоящим грязнулей. Бумаги запихались поверх книг, валялись на подоконнике за шторами, стояли в углу и под столом огромными кучами. Окинув их взглядом, я подумала, что они уже слишком стары — вот почему Фицрой их не трогал. Но я не могла позволить воле случая решить судьбу королевства. Доказательства могли таиться где угодно.

Я устроилась в королевском бархатном алом кресле. Ох, слишком он заботился о комфорте и злате — думай он хоть в половину так же о державе...

Я вновь осмотрела взглядом хаос на столе. В моём распоряжении было мало времени, а на уборку пошло бы, наверное, несколько часов, но я должна была задействовать свои сильные стороны. Хотелось разработать систему, разложить всё по частям, пока передо мной не раскинется вся картина.

Летели часы, армия Стэна была всё ближе и ближе к столице, а я ничего не нашла. Ни слова о Фицрое, ни слова о банкете, ни слова об убийствах. Несколько писем от дворян, какие-то примечания на законопроектах, просьбы советников. Записка от Холта с предупреждением о праздновании дня рождения — но ни слова в ответ от короля.

Одно письмо пришло напрямую от Расмуса Холта. Он просил короля подумать о том, чтобы использовать украшающее часовню золото для поддержки жертв наводнения на западе, но король приказал ему поискать ресурсы получше. Я провела пальцем по подписи Холта — да, ещё вчера я добавила бы это к списку причин, по которым Холт мог стать убийцей, почему ненавидел короля и мечтал о новом режиме, но теперь не была уверена. Он пояснил своё появление при дворце, подтвердил, что поддерживает благотворительность и религиозную чистоту — а это не мотив для убийства.э

После того, как я обыскала весь стол, бросилась рыскать по полу, пытаюсь отыскать выпавшие страницы. Ничего стоящего — и я бросилась к книгам на полках, принялась перебирать их, искать хоть что-то среди страниц.

За одной из штор оказалась мусорная корзина, полная доверху.

Незаконченные письма, перечёркнутые слова и сплошной дух разочарования. — но не сыскала ничего полезного.

Через несколько часов на королевском столе стояли аккуратные, упорядоченные по темам стопки писем — и я не отыскала ничего, кроме потерянных в беспорядке монет. Я

откинулась на спинку кресла, смеживая веки. Я ничего не нашла — ничего полезного.

Нет, больше оставаться в этой комнате я не могла. Следовало размять ноги, посмотреть другие комнаты, поискать...

Я выскользнула из кабинета и замерла — напротив двери висел огромный пейзаж. Прежде его прятала темнота, но теперь он словно притягивал мой взгляд.

Оранжевые, жёлтые от лучей заходящего солнца холмы. Небо радужное и яркое, закат — ало-синий, — и полоса почти золотого...

Такого, как в пироге. Такого, как тот краситель на кончиках моих пальцев. Я подошла ближе, пока едва ли носом не ткнулась в холст. Искала подпись, признак происхождения — но ничего не было, и я вытащила картину из массивной золотой рамы.

Внутри была сунута записка.

«Я вижу эти холмы из окна своей усадьбы и вспоминаю о вашей великолепной компании. Надеюсь, совсем скоро смогу вернуться к вам».

И подпись.

Мадлен Вольф.

Тридцать

Королевски-жёлтый украшал небо. Цвет, который, как говорила Мадлен, никогда ей прежде не встречался. Настолько дорогой и редкий, что король посылал за тысячи миль, чтобы его заполучить.

Кто-то рассказал ему об этом свете, подтолкнул к этой идее. Мадлен — близка к нему, и единственная художница, которую я знала. Она воспользовалась этим цветом — и лгала о нём.

Я закрыла глаза ладонями — думать, думать... Я уже обвинила того, кого любила. Стоит ли обвинять вторую — из-за картины? Такие малые доказательства — и такой риск! Лгать о веровании. Лгать о том, что потеряли. Лгать о мазках на пейзаже.

Думать. Думать. У Фицроя была причина заставить отца замолчать, но убивать всех, не получив трон? Помогать мне в моем исследовании, защищать от Стэна? Я видела его в Форте утром после банкета — и после своей коронации тоже. Он был обезумевшим. Не понимал, что происходит, не верил в реальность окружающего его ада.

Я плохо разбиралась в людях, но Фицрой... Насколько же он был искренен! Да, он хотел бы хорошим придворным, он умел играть, но я видела его чувства, видела его без маски — видела ту ужасающую агонию...

Мадлен пыла печальной. Огорчённой. Но в этом удивительном, сложном образе совершенной Мадлен не было беспорядочности Фицроя и Наоми. И она не была в столице во время нападения — в полной безопасности, вольна от подозрений... Если б я не покинула дворец — она получила бы трон. И если б яд был в пищевом красителе, если б его включили в рецепт по приказу короля... Кто бы заподозрил её в убийстве, даже если она просто художница, что прежде использовала этот цвет?!

Она сказала, что отсутствовала из-за неизвестной болезни. Её называли меланхолией, но Мадлен говорила, что от тоски живот не болит — признак лёгкого отравления мышьяком. Мышьяком, который она использовала в красках...

И облизывала кисть. Я видела, как она делала это — как проводила языком по моим кистям, прежде чем начать накладывать макияж. Если б там был королевски-жёлтый, она бы

испытала боль в желудке и нашла бы источник...

А если бы это подарило ей столь замечательную идею?

Я не хотела в это верить — но это было возможно. Более чем.

Когда я вернулась в Форт, я не звала стражу и не устраивала сцен. Я нашла Мадлен в её покоях, сидевшую в кресле с книгой на коленях. Наши взгляды встретились — и она побледнела, губы чуть распахнулись... что за покорный взгляд. Она встала, юбки волнами раскинулись вокруг меня, будто вода, и она не отвернулась.

— Это была ты, — я удивлялась своему спокойствию. Теперь, когда я знала, кричать не было смысла. — Ты их убила.

— Я не клала яд в торт, — мягко ответила она. Я уже видела, как она говорила о смертях. — Но, да, я рассказала ему об этом красителе.

— Зачем? — столько всего надо было сказать, но этот вопрос всегда первым срывался с губ.

— Это было необходимо сделать.

— Необходимо убить всех своих друзей?

— Я не знала, что он это сделает, — ответила Мадлен. — Я не заставляла. Знала, что он хотел продемонстрировать свою расточительность, но понятия не имела, что он зальёт его в блюдо на банкете.

— Зачем? Зачем ты это сделала?

Мадлен не вздрогнула — вскинула подбородок.

— Ты знаешь, я любила двор — с того момента, как прибыла сюда. Такой живой! Такой яркий! Я чувствовала, что мне здесь было место — а потом, пару лет назад, впервые заболела. Несколько месяцев провела в деревне, писала картины, встречалась с людьми, училась дышать. И когда вернулась... Увидела его, Фрея. Увидела его настоящим. Тщеславие. Злобу. А сна следующий день я вернулась на огромный бал в дворцовом саду. Тема — золото. Золото в пище, золото в воде, золото в платьях, золото в волосах. Праздник мира и добра — только для двора. И я стояла посреди всего этого и видела, как же всё это было гадко! Видела, что на самом деле им всем было абсолютно наплевать, что меня не было. Никто обо мне не заботился — и ни о ком другом тоже. Они просто хотели весело провести время, хотели выглядеть поразительнее, чем кто-либо другой. На следующий день я отправилась к королю, ведь видела, как бьются люди, и хотела помочь им. Но когда я попросила у него денег, он посмеялся надо мною и сказал, что я похожа на своего кузена — а у короны для отбросов средств нет. Деревня пусть сама справляется со своими проблемами. У него были деньги на то, чтобы двор буквально поедал золото — но не было, чтобы убедиться, что все остальные сыты. И я видела это, Фрея. Знала, о чём именно говорил Густав. Мы нуждались в переменах. Как в воздухе! И это должно было случиться.

— Потому что Забытые должны вернуться?

— Забытые никогда не были реальными, Фрея. Мы обманываем себя, думая, что они существуют. Это просто были люди с мастерством и знаниями, которых у нас нет. И не будет — потому что мы ждём, пока они вернутся! Всё разрушено, Фрея, и кто-то должен это остановить.

Я покачала головой.

— Потому? Это единственная причина? Нет!

— Было бы лучше, если бы было ещё что-то? Драма? Личная обида, месть? Амбиции? Конечно — плохо навредить людям так эгоистично. Я лишь хотела помочь, сделать

королевство лучшим. Полагаю, сделала.

— Ну, ты не можешь иметь в виду, что я стала бы королевой — ты себя назначала на то место?

— Никогда об этом не думала. Предполагала, что он сам себя медленно отравит — пока он не сказал, что заказал больше ради банкета. Но сколько людей могло выжить! Я не собиралась становиться королевой.

— Но ты его не остановила! Сотни людей могли погибнуть — и ты его не остановила!

— Так было нужно. Эприа в этом нуждалась, — она отвернулась, молча глядя на какую-то картину. — Медицина. Вот что сказал мне купец, когда я купила маленький горшочек для себя. Это стоило целое состояние, но я никогда не видела такого цвета и искала его для своей коллекции. Он странно на меня посмотрел и сказал, что это будет лекарством от лихорадки, потницы, а так же многих других заболеваний, которые только могли случиться. Но ведь я на самом деле хотела просто получить цвет, — она мягко улыбнулась. — А потом я вдруг заболела. Я видела полосы на ногтях, знала о мышьяке — но всё это было простительно за единственный подобный цвет.

— И ты отправила немного королю?

— Отправила всё, что осталось, вместе с картиной, которую как раз закончила. Сказала ему правду. Это цвет — и чудное лекарство, которое принесёт здоровье и удачу! Королевски-жёлтый — сказала, он достоин этого названия.

— И он подсыпал его в вино.

— Думаю, да. Конечно, у него болел живот, это медленно отравляло его. Но он о красителе и не подумал! А зачем? Считал, что болен, а никто не смотрел, что там король подсыпал в собственную еду.

— Ты сказала, что он болел многие месяцы, до того, как ты покинула в последний раз замок.

— Солгала, — она впервые, казалось, немного раскаялась. — Правда, прости. Ты так уверенно собиралась раскрыть убийство... Я не могла позволить тебе узнать, что он заболел только в то мгновение, когда я наконец-то покинула столицу. Мне хотелось, чтобы ты думала, что кто-то травил его несколько месяцев до того, как я наконец-то уехала.

Вот о чём она жалела! Не о всех смертях — а о маленькой лжи, что должна была помешать моему расследованию.

Я слишком ей доверяла. Не проверила её историю. Фицрой решил, что отец скрывал болезнь — и только предполагал, между прочим, что всё остальное было правдой.

— Разумеется, — продолжила она, — его высокомерие не дало ему остановиться на достигнутом. Он хотел больше, и больше, а у меня не оказалось — поэтому он послал людей за этим. Назвал во имя себя, вопреки тому, что у красителя уже было название — он хотел всё! Я боялась, что кто-то скажет советникам, что там есть мышьяк, но всем было плевать. Краситель, что лечит, пока человек не съест слишком уж много. Ну и, конечно, эта яркость не давала ему держать это при себе. Он хотел устроить шоу, разбрасываться здоровьем и состоянием. Он должен был продемонстрировать этот краситель на банкете, чтобы показать собственное богатство и царственность. Но я знала, что он даст его тем, кого любит — а тем, кто ему не нравится, тем, кто менее экстравагантен... Они выживут. Так было бы легче создать новый двор, чем я когда-либо полагала. Нет, я не могла остановить это!

— Даже если это могло убить твоего кузена?

Я верила в него. Знала, что он это не съест. Король гневался на него, и Стэн злился в

ответ — за расточительность... О, он из принципа не стал бы есть золотой торт! И не ел.

— Но ты просто оставила их умирать!

— Не всех. Думала, что может править Фицрой. Хотела убедиться, что он выживет — поэтому сказала его отцу, что до меня дошли слухи, будто бы Фицрой хвастал, что будет следующим королём. Конечно, я говорила не совсем так... Поздравила короля с решением, говорила, что слышала это от самого Фицроя. Я знала, его это разозлит — как раз к банкету, — и он ему золотой торт не даст, чтобы поставить на место. Он был бы в безопасности

— Так это из-за тебя Фицроя собирались сослать?

Мадлен покачала головой.

— Об этом я не знала. Но ты должна понимать, что король постоянно менял своё мнение о Фицрое. Пусть он и хотел сделать его наследником в день получения письма — он был в ярости, полагая, что Фицрой мог на это надеяться. И даже если б он сильно разозлился, то очень скоро бы простил его... Если б их всех не отравил. Как похоже на короля!

— А вдруг король решил принять более постоянное решение? И почему ты так была уверена...

— Он был таким позёром! А болезнь его немного поменяла. Учитывая убеждения Холта... Может быть, он бы остался на своей позиции.

— И все остальные... Ты убила своих друзей!

— Их убила королевская жадность, а не я.

Выражение её лица не было виноватым. Никакого раскаянья — до ужаса честно! Она с таким самообладанием столкнулась с этой правдой, равно как и со всем остальным...

— Если я тебя арестую, — промолвила я, — люди подумают, что всё из-за твоего кузена. Не поверят, что ты и вправду виновата. И когда придёт Стэн, он будет счастлив освободить тебя. — он никогда не поверит, если я скажу, что виновна во всём Мадлен. И атаку он не остановит.

— О, нет, — покачала головой Мадлен. — Нет. Если он узнает, что виновата я, накажет меня — как хотел наказать тебя. Но он будет прорываться в город, прежде чем выслушает тебя. Не верю, что в твоём случае это поможет.

Мадлен так прекрасна, так хороша... Но не такая, как верила я. Как верили все остальные. Как она могла их убить?

— Ты должна была быть моим другом.

— Я и есть твой друг, — ответила она. — Что б я ни сделала, я твой друг. Всё ради добра, Фрея. Я сделала это для общей пользы. Я этим не горжусь, от этого мне нет радости. Я оплакивала их смерти — и каждая слеза была настоящей. Но это должно было случиться.

Но я не могла согласиться. Вопреки всем недостаткам старого короля, вопреки тому, кто заказывал яд и как она оплакивала смерти, она всё равно была убийцей. Она убила брата Наоми... Всех

— А меня ты убьёшь? — спросила я. — Собиралась убить?

— Я о тебе не думала. Ведь я тебя не знала.

— А пыталась после того, как яд оказался недостаточно действенным?

— Нет! Это никогда не было ради короны... Фрея, я правда думаю, что ты хорошая королева. Та, что нужна нам всем.

— Значит, нам с Наоми просто повезло.

— Да. Просто повезло.

Я всё ещё смотрела на неё, не понимая ни мягкости лица, ни спокойствия.

— Ты позволила мне заключит Фицроя. Позволила бы убить его.

— Ты б его не убила. Ты бы нашла причину его простить. У тебя хорошее сердце, Фрея, и ты под конец поверила б ему.

— А ты? Чему ты доверяешь? Своему сердцу?

— Твоё сердце мудро. А я делала так, как было лучше для всех.

Я покачала головой. Я почти видела мысли Мадлен, как она всё это провернула, но столько смертей! Невинные люди, что старались жить в том мире, что им дали... Мадлен наказала всех их, не разбирая, просто не напрямую — вывернула всё так, что виновен был король.

— Ты мне веришь? — тихо спросила Мадлен. — Или мне готовиться к переселению в подземелья?

— Нет, — ответила я. — Нет, ни то, не другое. Если ты и вправду мой друг, ты останешься в своих покоях и поможешь мне остановить своего кузена. А после того, как мы выживем... Я решу, что делать.

— Я уже говорила — ты будешь великой королевой. Лучшей, ем я надеялась.

— В первую очередь надо остановить твоего кузена.

Мадлен отступила.

— Ты должна использовать свои сильные стороны. Не знаю, верует ли он, но слишком суеверен для того, чтобы не остановиться. Если ты убедишь его, что Забытые злятся на него... Может быть, это поможет.

Я кивнула — хороший совет, кто б его не дал.

— Я оставлю кого-то у двери.

Мадлен опустилась в реверансе, всё так же в волнах пышноты юбок, и я заставила себя отвернуться.

Мне хотелось бежать в покои Фицроя, но ноги не слушались. Шок от предательства Мадлен убил меня — и ногди едва касались пола. Я призраком плыла по замку, едва-едва тревожа воздух.

Я спустилась по лестнице, миновала стражников у двери Фицроя. Я не знала, что ему скажу, у меня не было времени разбираться в своих чувствах — и когда дверь распахнулась, просто рванулась вперёд, спотыкаясь на ходу.

Он сидел в кресле, что-то писал. Напряжённый немного, но в целом — казался самим собой.

— Почему ты лгал мне? — спросила я, чувствуя, как дрожал голос. — Почему прятал от меня эти письма, когда знал...

Должно быть, он заметил, что вопрос мой звучал испуганно, а не обвинительно, потому что нахмурился, но ответил куда мягче.

— Я запаниковал. Я не знал планов отца, — промолвил он, — пока не увидел письма — читал в лаборатории, ожидая тебя. Думал, если ты их прочла — ты меня подозреваешь. Словно я и вправду мог так поступить. Так что спрятал их, не хотел, чтобы ты мне не доверяла.

— Значит, ты сделал что-то ненадёжное?

— Я знал, что это не поможет расследованию. Это личное — и я спрятал их. Но я ничего не делал. Не мог... Прости.

— Я понимаю, почему ты это сделал, — это не означало, что я его просила — но я понимала причины. Это не делало его плохим человеком — но смогу ли я через себя переступить? — Я нашла убийцу, — я должна была заставить себя заговорить. Несколько недель с ним общаться было так просто, а слова были пусты. Всё казалось пустым. — Это была Мадлен.

— Мадлен?!

— Она, — кивнула я — и пересказала всё, что случилось с момента его ареста. Он заметался, когда я вспомнила о картине — и не остановился, когда история закончилась.

— Мадлен, — прошептал он. — Мадлен. Как это могла быть Мадлен?

— Я ведь сказа тебе.

Он невесело рассмеялся.

— Фигура речи. Мадлен их убила. Я знал её столько лет... Как Мадлен могла это сделать?!

— Она полагала, что у неё есть причины.

— Я уверен, Стэн думает, что у него есть веские причины тебя убить. Все они имеют веские причины — но это не означает, что они таковыми являются!

Я чувствовала, что должна была сказать больше, извиниться за подозрения, но не могла. Его предательство было таким свежим, покрытым опустошением от Мадлен... Я прорыдала всю ночь, так неохотно доверилась ему — и даже если его чувства были честны, он таковым не являлся. Я ничего не могла ему предложить, не могла открыть свои чувства.

Волосы спадали на лицо чёрной завесой — Мадлен ведь не привела меня в порядок.

— Стэн прибудет через два дня. А я всё ещё не... Пойдём в лабораторию. Мне надо разобраться в этом...

Он смотрел на меня долгим взглядом — и я не могла понять, что пряталось в его глазах, — а после коротко кивнул.

Мне всё ещё хотелось рассказать Наоми обо всём. Она не была близка к Мадлен так, как я — но ведь Мадлен убила её брата!

Мы столкнулись с нею на лестнице в мои покои — она мчалась вниз, испуганная, и застыла, увидев нас.

— Фрея! — воскликнула она. — Я проснулась — и там Мадлен под стражей, никто ничего не говорит... Это Холт её арестовал? Что случилось?

— Мне жаль, Наоми, — выдохнула я — слова казались слишком тяжёлыми, слишком бестолковыми в своих дурацких формулировках. — Мадлен призналась во всём. Она убила их.

Наоми открыла рот, чтобы возразить, но умолкла. Пошатнулась на месте, всё ещё сражаясь с собой.

— Она это сказала тебе?

— Сказала. Мне жаль, Наоми.

Она взглянула на Фицроя, потом на меня.

— Как ты можешь быть так уверена? Откуда ты можешь знать? Она могла лгать, испугаться, скрывать своего кузена...

— Я знаю, Наоми. На этот раз точно знаю, — и я тихо пересказала ей то, что услышала от Мадлен.

— И она... она убила Якоба.

Я кивнула — и она повторяла это раз за разом.

— Убила всех. Убила всех — и стала рядом с нами... Зачем ей нам помогать? — слёзы ярости пылали в её глаза. Она шагнула на ступеньку выше, но я схватила её за руку, заставляя замереть.

— Нет, Наоми. Потом ты сможешь её... но не сейчас.

— Фрея...

— Прошу, Наоми. Наказание нам не поможет. Сначала — Стэн. Мы должны. И я нуждаюсь в твоей помощи.

— Не нуждаешься.

— Нуждаюсь. Прошу, ты моя лучшая подруга! Мадлен — потом. Сначала надо выжить. Помоги мне, пожалуйста.

Наоми долго смотрела на меня, и слёзы жгли ей глаза.

— Хорошо, — жёстко отозвалась она. — Давай вместе остановим эту сволочь.

Тридцать один

— Люди Стэна идут с востока, — промолвил Фицрой. Он расстелил огромную карту на лабораторном столе и диктовал нам условия, как опытный стратег.

Я наклонилась чуть ниже.

— Итак, скорее всего, он будет ждать, пока мы бросим войска, чтобы сразиться с ним, либо прижмёт к крепости, — Фицрой удивлённо покосился на меня, и я добавила: — ну, о таком я читала.

— Да, так бы и было, окажись у нас армия. Но её у нас нет, — вздохнул он. — Пара десятков человек. Он удивится, почувствовав сопротивление.

— Он что, полагает, что я открою ворота и позволю себя убить?

— Нет, — вздохнул Фицрой. — Предполагаю, он остановится у столицы и потребует сдаться. Устроит публичные переговоры. И если ты не удовлетворишь его требования и не уйдёшь — просто захватит город на следующий день. Он не ждёт огромного сопротивления, но он — тактик.

— Хорошо, — кивнула Наоми. — В таком случае, он считает, что мы не в состоянии его перехитрить. Он просидит всю ночь под стенами, ожидая, что мы сдадимся, а это даёт время. Может быть, мы сможем напасть на него, пока он будет там находиться?

— Но как? — выдохнула я. — Я не хочу убивать ни его, ни его людей. Даже если бы мы их отравили... Вот уж понятно, что яд вызовет у людей при свете прошедших событий восторг! — я запнулась. — Быть умной, — пробормотала себе под нос, — сыграть на собственной силе...

Моя сила — это наука, эксперименты... Но так мало времени!

Сыграть на собственной силе. Думать.

Я осмотрела комнату, скользнула взглядом по бутылочкам и банкам, которые использовала при попытке обнаружить яд, по хрусталу и записным книжкам, преисполненным свидетельств моих успехов и проигрышей.

— Что делать? Ставить на них научные эксперименты, пока не признают, что я королева?

Наоми заулыбалась, глядя на меня.

— А важно не то, какие ты эксперименты проводишь, а то, как это примут люди.

Я нахмурилась, стараясь не позволить надежде разгореться раньше времени.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не можешь сражаться с силой Стэна, — вздохнула Наоми, — значит, должна сделать так, чтобы его сторонники выступили на твоей стороне. Как избранной Забытыми, например.

— Некоторые считают это ересью, — вздохнул Фицрой.

Люди хотят доказательств. Вот как говорила та густавитка. Они хотят верить — но им нужен толчок к действию. Визуализация.

Я вновь осмотрела лабораторию. Взрывы от экспериментов, манипуляция светом... Да, наука — моя сила, особенно если учитывать то, как мало людей в ней что-то смыслит. Никто, в конце концов, не ожидал, что я на что-то способна.

Сыграть на этом. Перевернуть их предположения.

Я взяла один из кристаллов, позволяя ему засветиться.

— Я помню, как его сделать, — выдохнула я. — И знаю, что мне нужно.

...Холта я, казалось, не убедила.

— Ваше Величество, — его голос звучал немного несмело. — Это опасный план. Если это вызовет недовольство Забытых...

— Вы сказали мне, что полагаете, будто они меня избрали. Даже если что-то пойдёт не так, они, разумеется, не станут спорить с тем, что я хочу оставить себе трон. Они не могут не одобрить меня, если я воспользуюсь мозгами, чтобы себя спасти, если выбрали меня за это.

Даже сейчас, произнося это, я чувствовала лёгкую дрожь. Если Забытые существовали, если были б недовольны...

Ну, это точно не будет хуже чем то, что для меня запланировал Стэн.

Я повернулась к Норлинг.

— Как вы думаете, мы можем приготовить всё до атаки Стэна?

— Да, — кивнула она, — но, Ваше Величество, столько всего может пойти не так! Если они увидят...

— Если они увидят это, то я буду мертва точно в такой же степени, как и в том случае, если мы даже не попытаемся. Если так случится — сдадитесь ему и скажете, что ошибались. Он вас казнить не будет. Так или иначе, другого плана у нас нет.

— Но, Ваше Величество, — Холт тщательно подбирая слова, — этот план очень сложен для исполнения. Вам придётся хорошо говорить, а вы...

— А я не умею разговаривать?

— Вы становитесь лучше, Ваше Величество! — быстро заявил он, — и ваша страстность не вызывает сомнений. Но не знаю, будет ли этого достаточно.

Да, это было правдой — вопреки всем сложностям своего плана, эта часть пугала меня больше всего — но она была ключевой. Я должна сыграть свою роль.

Иметь дело с людьми было страшно — но оставаться честным... Я должна была заставить их поверить. И могла перевернуть истину так же, как и своё естество.

— Я смогу это сделать, — я должна.

От этого зависела моя жизнь.

Холт долго смотрел на меня, а после коротко кивнул.

— Мы подготовимся должным образом.

Стэн разбил лагерь в пределах видимости городских стен, как и предсказывал Фицрой,

а после отправил гонцов, требуя мою капитуляцию. Посему, как только стемнело, я отправилась туда, куда собиралась, вместе со своей стражей. Была одета просто, как для королевы — небесного цвета шёлковое платье, никаких драгоценностей, лишь диадема, не позволявшая волосам падать на лицо, и пылающая на шее звезда. Простота — лучшее, как говорила Мадлен. Я должна казаться самой собой.

— Кто идёт? — прокричал один из стражников Стэна, когда мы приблизились к его лагерю, и Мила шагнула вперёд, вскидывая факел.

— Поприветствуйте королеву Фрею! Мы хотим поговорить с Торстэном Вольфом.

— Надеюсь, пришли признаваться, — хмыкнул стражник. — Сдайте оружие!

Моя стража демонстративно бросила свои мечи на кучу, и мужчины Стэна шагнули вперёд, чтобы обыскать их — и замерли, увидев меня.

— Ваше Величество, — проронил стражник. Я ждала насмешек относительно своего глупого путешествия, но он промолчал. Да, люди могли не верить в меня — но уважали корону. И я замерла, заставляя себя улыбнуться.

— Сир, — я почтительно склонила голову, как это делала Мадлен. — Может быть, продолжим? Ночь не так уж тепла.

На самом деле, я пылала — кровь разливалась лавой по жилам, — но слабость была лучшей отговоркой. Стражник поклонился и шагнул в лагерь, не тронув нож, спрятанный под платьем. Я не ждала, что Стэн нападёт на меня или на моих людей — ведь это дело чести! — но не хотела доверять ему свою жизнь.

Лагерь казался странным скоплением криков и скульптурного хаоса. Мужчины восседали у костров, разложенных рядом с наспех возведёнными палатками, а в воздухе будто бы чувствовался приключенческий дух. И никакой последовательности. Кто-то сжимал в руках стрелы рядом с коллекцией револьверов, у кого-то был лук, короткий, явно спешно вырезанный, а у кого-то — настоящее произведение искусства, впрочем, не способное выстрелить и на несколько метров. Что-то слишком старое, что-то слишком многое. Разнообразные мечи, доспехи — начиная от стали, заканчивая кожей, — всё сброшено в одну кучу этого громадного лагеря посреди царства, что забыло о том, как воевать.

Стражник провёл нас в центр лагеря, и я, расправив плечи, впервые радовалась своему росту. Моя стража немного расступилась — и теперь меня мог видеть каждый. За нами волной скользил шепоток, но я заставляла себя идти уверенно, твёрдо, с лёгкой доверчивой улыбкой на губах. Сердце колотилось — но паники не было. Мир, казалось, слишком жесток — а сегодня это в мою пользу. Просто надо сосредоточиться.

Стэн вышел из большой палатки, когда мы приблизились — ну что ж, как замечательно. Чем больше на нас смотрит, тем лучше.

— Фрея, — промолвил он, когда я подошла ближе. — Ты пришла сдатьсь?

— Торстэн Вольф, — назвать человека, чтобы он чувствовал себя оглашённым. Мадлен говорила — это помогает людям, но может и вселить тревогу. — Я пришла на переговоры.

— Я не устраиваю переговоров с убийцей.

— Ну что ж, в таком случае, как хорошо, что я не убийца. И ты, думаю, тоже. Прекрати, Стэн, прежде чем погибнут люди.

— Если они и погибнут, то только из-за тебя, — Стэн сделал шаг вперёд. Костёр бросал на его тени, подчёркивая остроту скул. — У нас численное превосходство — ты всё ещё хочешь бороться?

— Я не хочу бороться. Это ты нападаешь на город, — слова были отрететированными, а не навеянными вдохновением, но звучало прекрасно. Всё будет хорошо, пока идёт по плану. — Где мой отец?

— В безопасности, но не здесь. Тут ему нечего делать.

— Ну что ж, в таком случае, ты просто отзовёшь своих людей и сдашься прямо сейчас — и я не сделаю ничего, что причинит тебе вред.

— Ничего? Ты разорвала это королевство на куски! Ты убила моих друзей!

— Я никого не убивала, — но выражение Стэна не изменилось. Он был убеждён, что я убийца, а он поступает правильно. Хотел справедливости. О, да его бы уничтожило то, что это его кузина — убийца. Для него, такого убеждённого, что-то столь неправильное... Но я не могла заставить себя переменить то, что уже придумала — я должна была придерживаться того, что решила уже давно.

— А ты не боишься, Стэн? — я подошла к нему ближе, чувствуя, как страх от ожидания скользит по моему телу. — Забытые возвели меня на трон. Не желаешь оказаться в их немилости, сражаясь со мной?

Во взгляде Стэна была одна только ненависть.

— Фрея, тебе не идут угрозы.

— Ты утверждаешь, что мне идут убийства, — не дрожать. Не моргать, не колебаться, не реагировать. Просто ждать. — Ты дурак, Торстэн Вольф, — я позволила этим словам застыть в воздухе, сражалась с желанием заполнить тишину — ждала, пока мои люди наконец-то подадут сигнал.

Солдаты Стэна ахнули. Начинается. Я не могла позволить себе повернуться, не могла нарушить этот полный неповиновения образ, который создавала — но как же хотелось посмотреть! Я могла лишь представить, что там творилось. Как скользили по палаткам огромные тени, поднимаясь всё выше и выше. Призраки — разгневанные Забытые, — кружились вокруг лагеря, словно вырвавшись из кошмаров.

— Забытые не хотят, чтобы ты напал на свою королеву, Стэн, — мои слова эхом разнеслись по лагерю.

Одно из изображений плясало на палатке за моей спиной, и я сражалась со своим восхищением. Идеально. Совершенно. Несколько человек в лагере с маленькими фонариками, несколько слов о том, как надо всё сделать — и образы казались живыми. Просто картонные фигуры, просто картины, скрытые в темноте, пляшущие у костров, отпрыгивающие от отвещённых палаток — целый танец, словно божества и вправду вернулись. Никто, не увидев их, не принял бы их за трюк — не в темноте, не в военном лагере, не в страхе перед боем. Этого хватило, чтобы довести их до грани — вот и всё, в чём я сейчас нуждалась.

— Нет необходимости в кровопролитии, — мой голос звоном разносился по лагерю. — Никто не пострадает в моём королевстве, но забытые пришли сюда — и они не жалеют предателей и глупцов! — я смотрела прямо в глаза Стэна, чувствуя, как неопределённость буквально плещется в его взгляде.

Тогда он отступил — и плюнул мне под ноги. Казалось, весь лагерь отшатнулся.

— Пошла вон!

— Это твой выбор, Торстэн Вольф. Надеюсь, ты сделаешь его правильно, — я ушла, и стража последовала за мной. Каждый смотрел мне вслед — но я не остановилась, пока не миновала лагерь, городские стены, пока не оказалась в форте. Только оказавшись в

подземельях, я тяжело вздохнула — и руки, столь уверенные при разговоре со Стэном, не переставали дрожать.

Всё прошло хорошо. Идеально. Но я всё ещё проигрывала случившееся в собственной голове, раз за разом перебирала слова, пыталась вспомнить выражение Стэна, то, как в один миг задохнулась толпа. А поверили ли они мне? Или, может быть, они просто смеялись надо мною, и огромная толпа видела насквозь меня и все мои штучки?

Нет. Они не могли. Я должна сражаться — так, как умела.

В лаборатории уже были Наоми и Фицрой — готовились ко второй части плана.

— Сработало? — спросила Наоми, когда я проскользнула сквозь дверь.

— Не знаю, — не было времени об этом думать. Надо двигаться вперёд. Я заплела свои волосы, надела кожаные перчатки — и уверенно выдохнула воздух. — Нам ещё много чего надо сделать. Пора браться за работу.

Тридцать два

К рассвету я была готова. Всю ночь тени скользили по стенам палаток, всю ночь крики разрывали лагерь — никто не мог спать.

Забывшие не дали им шанса.

Всю ночь я провела в лаборатории — и не чувствовала себя уставшей. Слишком много всего надо было сделать, слишком много теорий проверить, слишком много испытаний провести. Я лишь мельком бросила взгляд на своё отражение, стягивая кожаные перчатки — копоть на носу, всколоченные волосы. Я должна быть дрожать от страха и ужаса — откуда же это спокойствие? Эта целенаправленность? Ведь пришло время бороться — и даже Дэгни казалась готовой к бою.

— Ты должна взойти на восходе солнца, — вздохнул Фицрой. — Думаю, это будет выглядеть краше всего.

— Знаю, — кивнула я. — Поверь, знаю. Просто надо подготовиться, — я посмотрела на своё разрушенное платье, а потом перевела взгляд на Наоми. Да, она и вправду могла мне помочь — но если я хотела выглядеть идеально...

Я должна была запереть её в подземелье. Никогда не говорить с нею. Но Мадлен была лучшей в своём деле — и я должна была обратиться к народу.

К тому же... К тому же, что-то во мне боялось за неё. Я хотела её видеть, хотела принять помощь — доказательство, что она не столь ужасна, как мне казалось. Искупление за массовое убийство.

И я и вправду постучала в дверь Мадлен. Она открыла — элегантная, как обычная. Я смотрела на этот каштановый мёд волос, чувствуя, как останавливается сердце — смотрела в яркие глаза, видела расправленные плечи. Такая же нежная — пусть и грустная, — улыбка. Всё та же Мадлен. И одного взгляда хватало, чтобы забыть обо всём, что я знала.

— Фрея? Ты в порядке?

Я обошла её кругом, входя в комнату — здесь пахло масляной краской и скипидаром. На каменной стене в дальнем углу красовались прекрасные цветы, на холме возвышалось поместье, в поле паслись овцы, в закате бились океанские волны. Мадлен должна была рисовать без остановок с той поры, как я её заперла. И кисть скользила по импровизированному холсту, выражая всю неопределённость будущего. Вот только сейчас на ней не было ни капли краски.

— Мне нужна твоя помощь. Хочу выглядеть, как королева.

— Ты уже королева.

Я покачала головой.

— Сделай меня великолепной. Богиней в лучах утреннего солнца. Ведь ты можешь?

Она легко, солнечно улыбнулась.

— Могу. Конечно же, могу.

Её пальцы скользнули по платью — оно упало к ногам, — и волосы мои легли идеально. Звезда Валанте камнем застыла на шее. Лёгкие тени легли на веки, ловя свет. И я чувствовала себя в безопасности, зная, что это Мадлен — она всегда делает всё идеально, — а потом она отступила, вскинула руки, будто бы показывая — туда! — и я вспомнила обо всём, что она натворила. Обо всём, в чём была замешана — но от того моё отражение не стало хуже.

Я была идеальна. Прекрасна. Желудок сжимался от одной мысли о том, что она сделала — но я смотрела на настоящую королеву, с прекрасными цветами в волосах, со сверкающей тиарой на голове. Работа Мадлен — нет, даже не так, творение Мадлен. Я ненавидела её — за всю ту боль, что она причинила, — но не могла её не любить. Не могла подавить это отвратительное чувство. Не могла отрицать то, насколько она была мне близка. Не могла забыть, как Мадлен сделала меня такой — и как научила меня жить.

— Спасибо тебе, — тихо сказала я, — это идеально, — и, не проронив больше ни слова, выскользнула из комнаты.

Небо светлело, но солнца ещё не было. Всё затихло — казалось, оставшиеся в столице люди притаились, спрятались в своих домах, надеясь на лучшее. Ни солдат на улицах, ни стражи — все они на стенах, готовые к бою.

Моя повозка подпрыгнула на камне, замерев перед городскими воротами, и я вышла наружу. Замерла перед ступеньками, глубоко вздохнула. Сегодня не говорить — смотреть. Спокойно. Уверенно.

Я поднималась вверх по лестнице, стуча каблуками по камням. На самом верху в сторожевой башне меня ждал Расмус Холт.

— Ваше Величество, — промолвил он. — Всё готово.

— Хорошо, — я оглянулась через плечо на светлеющее небо — и возблагодарила градостроителей. Главные ворота — туда должны были ударить люди Стэна, — смотрели на запад, и атакующие солдаты утром смотрели на восходящее солнце. Строители намеревались ослепить их — но сегодня солнце послужит для другой цели.

— Да придут с вами Забытые, — выдохнул Холт.

Я кивнула — и одна ступила на стену. Вдоль крепостных валов были, конечно, мужчины — но для защиты их всё равно слишком мало.

Армия Стэна шла с запада. Множество солдат — одни верхом, другие пешие, медленно шагали вперёд, словно одно их присутствие должно было заставить меня сдаться. Они казались хаосом оружия и доспехов — старые турнирные шлемы, кольчуги, кожаные сапоги, брошенные старыми армиями...

Я дошла до центра стены — и повернулась к полю. Вокруг меня расположилось множество кристаллов и хрустальных призм — по обе стороны на стенах.

Я могла только надеяться, что всё сработает так, как я представляла.

Приближались люди Стэна, поднималось солнце. Мои люди собрались у врат —

слишком мало, но они были необходимы. Стэн не знал о шпионах среди своих, не знал, что спрятано в темноте в траве. Не знал, на что я была способна.

Я встала на стену, нависая над полями — никто не мог меня не увидеть. Да, меня легко было прострелить, я могла упасть и погибнуть — но лишь смотрела вперёд, холодно и безмятежно, на приближающуюся армию, и солнце вставало за моей спиной.

Взрывом алое и красное обрамило мой силуэт. Рассветные лучи, захваченные кристаллами и призмами, швыряли вперёд свет, окружая меня солнечным ореолом. Глаза жгло — но я не мигала. Не отворачивалась — смотрела на войско, и Забытые показывали меня всему миру.

Кто-то из подданных Стэна замер — и я позволила себе улыбку. Да, всё получилось. Они почти поверили.

Вспыхнул свет. Загрохотал гром — я подняла взгляд вверх, но не было никаких дождевых туч, ни капли дождя — только тонкая линия молнии рассекла небо.

Я почувствовала странное волнение. Молнии без дождя возможны — но слишком редки. И я молилась всем — природе, Забытым, науке, — лишь бы выжить. Может быть, кто-то мог бы увидеть призмы сквозь свет — но молнии без дождя... что может быть труднее? Вновь загрохотал гром — и, может быть, Забытые всё-таки выбрали меня?

Это было нелогично — да, я знала. Но всё казалось таким совершенным — и, казалось, не уверовать было трудно.

Армия Стэна оказалась слишком близко. Он возглавлял их, сидя верхом на лошади — а рядом с ним волочили огромный таран. Но, казалось, его войска были не так увлечены нападением, как моим силуэтом в волнах света, пока молнии посуху разрезали небо.

— Фрея! — прокричал Стэн. — Ты ещё можешь сдаться!

Я не ответила. Лучше молчать — так страшнее. И если люди Стэна сделают ещё пару шагов...

Предупреждением рванулись к стенам стрелы — но ни одна из них не поразила цель. Для такой армии стрельба из лука — просто спорт. Я не вздрогнула. Мужчины замедлились, шагали осторожнее — их убеждение дрогнуло. Моя идея сработала.

Они приближались, и на траве оставляли следы их сапоги, там, где прятались металл и порошок — вот-вот... Да, слишком долго — ничего не было, они шли вперёд. Может, не сработало, может...

А потом люди закричали, и с травы повалил фиолетовый дым.

Это была идея Наоми, основанная на очередном неудачном эксперименте — тем, что начиналось. Алюминий и йод давали фиолетовый дым — будто волшебный. Да, надо было немного времени и изобретательности. Роса на траве могла слишком рано катализировать реакцию — и между алюминием и йодом мои люди оставили слишком тонкие прослойки стекла. Ступая на них, солдаты разрушали его — и вещества смешивались, производя дым.

И если кто-то из солдат увидел бы стекло — это тоже могло помочь.

Кто-то из лошадей встал на дыбы, завопили солдаты, замирая на местах. Ещё мгновение — и всё воспламенится, пуская в воздух клубы дыма.

А потом тени заплясали в дымных облаках. Теперь они казались не такими чёткими, но преследовали солдат — тени мстительных богов.

Мои лучники пустили в поле шквал стрел. Ещё одна линия пересекла неба.

— Сдавайтесь! — закричала я. — И Забытые простят вас!

Я не видела, отреагировали ли они хоть как-нибудь. Они могли меня и не услышать —

слишком много было огня и дыма в воздухе, слишком много кашля и воплей. Кто-то пытался мчаться сквозь хаос — но они сбивались с пути, пытаясь дышать.

Я пыталась найти Стэна, но он растворился в огне.

Но я стояла, слушая крики. Люди вырывались из бесчинствующего хаоса, рвались в сторону города, роняли на землю оружие. Первые ряды были моими людьми, скрывавшимися в ветхой армии — вдохновляли других на трусость, — но всё больше и больше солдат следовало за ними, карабкалось по валам, сбегая от гнева бессмертных.

Один мужчина повернул коня на бегущих — и стоило только ему нарушить ряды, как все рванулись вперёд, разрушая остатки армии.

— Ваше Величество, — Холт замер на башне у ворот, невидимый для остальных. Я не обернулась, чтобы посмотреть на него. — Пора возвращаться в безопасное место.

— нет. Я должна остаться здесь, — я должна была напугать из них. Многие из мужчин, что вышли из дыма, падали на колени — и смотрели на меня со смесью ужаса и восторга в глазах.

А потом пошёл дождь — полился из ниоткуда. Тяжёлые капли падали на оставшиеся лёд и алюминий, и фиолетовый дым волнами поднимался вверх. Взмывало в воздух пламя. Если б кто-то и поверил, что дождь был для Стэна, дым разочаровал их надежды.

Когда рассеялся дым, я наконец-то увидела Стэна, стоявшего на краю этого Хаоса — отказывающегося сдаться, но не в силах противостоять Забытым. Что-то стоял перед ним, кричал... Размахивал мечом.

Фицрой. Он оказался на поле боя? Я говорила, он не может... Желудок сжался от страха — но он был цел и невредим, кричал на Стэна. Приказывал ему сдаться.

Я сошла со стены

— Мне надо туда, — сказала я Холту.

— Ваше Величество!..

Я отмахнулась от него, спускаясь по лестнице. Городские ворота распахнулись — и я вышла на поле, полное страха и пепла.

— Ваше Величество, — бормотали мужчины, стоя на коленях — и их шёпот превращался в громкое скандирование, растекавшееся по воздуху волнами. А потом, казалось, они вспомнили о том, что имело больше значения. — Фрея... Королева Фрея...

Я миновала их с высоко поднятой головой — шла туда, где стоял безоружный Стэн, глядя на меня исподлобья.

— Я не убивала твоих друзей, Стэн. Не хотела их смерти. Знала, что и ты не хочешь. Но я — королева, и я буду защищать своё королевство от тех, кто на него нападает. И Забытые встанут на мою сторону.

И не осталось ни оружия, ни армии, что могли бы встать на сторону Торстэна Вольфа.

Тридцать три

— Присягаем королеве Фрея, единственной истинной королеве Эприа.

Я восседала на своём престоле, с короной на голове, и солдат встал на колени передо мной, опустив голову. Я кивнула ему, сложив руки на коленях, чтобы скрыть дрожь.

— Спасибо тебе, — промолвила я, вливая своё счастье, своё облегчение в эти слова. — Ты можешь встать, — он поднялся, всё ещё склонив голову, посторонился, освобождая следующему человеку место у трона.

Каждый, кто сдался во время боя, был помилован. Даже захваченные были помилованы — и завербованы в мою армию, если, конечно, соглашались присягнуть мне. И я сидела на престоле целый день, слушая клятву за клятвой — и понимая, что выжила. И никто больше не умрёт.

Правда, оставался ещё Стэн. Сейчас он был в подземельях, и я должна была решить, что с ним делать. Могла, конечно, казнить — чтобы он никогда не угрожал мне. Показать, что случится, если восстать против королевы. Но я говорила — никакого кровопролития. Больше никаких смертей, даже для тех, кто пытался убить меня. Но я не могла его отпустить. Не могла сослать. Он мог попытаться собрать силы и атаковать меня.

Значит, следовало оставить его на всю жизнь в подземельях? Так или иначе, справедливым это не было.

По крайней мере, в городе угроз больше не было. Моё шоу убедило их — что ещё могло вызвать дым, свет? Но всех убедить я не могла. Всегда будут те, кто сомневается — и если они решат действовать...

Я покачала головой. Я была в большей безопасности, чем когда-либо. Теперь у меня были последователи, народная любовь, народное уважение. И если кто-то собирался устроить заговор и убить меня, то он не должен был сыскать такую уж большую поддержку.

И Мадлен. Красивая, очаровательная Мадлен, что так мне помогла. Если б я сказала, что она сделала, они бы требовали её казни. Мадлен этого заслужила — но я не могла на это смотреть. Не могла видеть этого.

Никакого кровопролития.

И когда последний солдат произнёс клятву в верности, старый тронный зал опустел, оставляя меня наедине с советниками. Я встала — как же болели от долгого сидения на троне ноги! — и потянулась.

— Всё прошло хорошо.

— Да, Ваше Величество, — Холт шагнул в мою сторону. — Но ещё много надо сделать.

Я дошла до середины зала, глядя на серые камни — почти что тюрьма. Нет, этого было мало. Слишком жестокое место.

— Хочу, чтобы придворные вернулись во дворец.

— Ваше Величество?

— Это место для жизни не подходит, и сидеть дрожать я не собираюсь.

— Но, Ваше Величество, будут определённые последствия...

— Значит, мы ответим за них, — я обернулась на свой трон — золотой трон. — Королевству нужны деньги. Во дворце столько золота и статуй — разберите всю эту нелепость. Создайте нам новый дом. Пусть дворцовый банкетный зал превратится в мемориал для тех, кто погиб. Но здесь больше оставаться нельзя.

Холт кивнул.

— Хорошая мысль, Ваше Величество.

— Так сделайте это. И Стэн может остаться здесь — там, где от него не будет проблем.

Холт поджал губы.

— Ваше Величество, если я смею дать совет...

— Никаких смертей, Холт. Даже для него.

Он долго смотрел на меня — а после коротко поклонился.

— Очень мудро, Ваше Величество — и в тот же момент, очень глупо. Я бы предпочёл видеть его более... ограниченным в действиях.

Я шагнула к двери.

— Ваше Величество, — вновь заговорил Холт, — я должен попросить прощения за своё отношение по отношению к Уильяму Фицрою. Должен признать, что ошибался по отношению к нему.

Это, наверное, было единственное признание вины, которого я могла ожидать. Слишком большие уступки для человека, что прежде был столь убеждён в своём мнении.

— Я не могу доверять вам, — промолвила я, — пока вы не станете доверять мне, — мы не всегда смотрели на вещи одинаково, и его мотивы до сих пор казались для меня загадкой. Но он искренне, страстно поддерживал меня, как королеву. И он понял то, что я не могла понять — рассказал о Забытых, о которых я бы и не думала. — Но я благодарна за то, что всё это время вы были со мной, — я замерла на одно мгновение. Мы должны быть честными. — Могу я спросить?

— Вы можете спросить когда угодно, Ваше Величество. Ведь вы королева.

— Почему вы не встали на сторону Стэна? — он бросил на меня взгляд, и я улыбнулась. — С ним было безопаснее. Он знаком вам — он тоже реформатор. Но почему было выбирать меня, когда я была на проигравшей стороне?

— Потому что я посчитал это правильным, Ваше Величество. Может, это Забытые поставили вас на это место, может быть, нет, но вы умны. Вы думали. И это ваш трон. Мне казалось, для королевства так будет лучше всего.

— Спасибо. Надеюсь, доживу до вашего одобрения.

— Вы давно его уже заслужили... — но он умолк, заметив движение у входа в тронный зал.

Сквозь дверной проём вошёл мой отец — такой, как всегда. Не худее, не толще, только немного изнурённый. Он улыбнулся, и наши взгляды встретились — и он просто склонил голову набок.

— Простите на опоздание, Ваше Величество. У вас есть время на ещё одну присягу?

Я бросилась к нему, обвивая его шею руками — едва не сбила с ног, но он только рассмеялся.

— Ну, Фрея, попытайся быть хоть капельку царственнее! — я только крепче обняла его в ответ, и он погладил меня по волосам. — Я тоже очень рад тебя видеть.

Я отступила на шаг назад, чтобы ещё раз внимательно осмотреть его.

— Ты в порядке? Кажется, да. Я очень беспокоилась...

— Я умею очаровывать людей, — ответил он. — В конце концов, с твоей мамой и её двором это сработало, — он покачал головой. — Стэн думал, что это так просто. На первый взгляд, да. Он и вправду верил, что ты виновата — но у него не было ни единого доказательства, что я был в этом замешан.

— До поры, до времени, — если кого-то захватили бы, моих советников, например, они не остались бы невредимыми. Они полагали, что всё так просто — но справедливость немного отличалась от реальности. — Я рада, что с тобой всё хорошо.

— С тобой тоже, Фрея, — он скользнул пальцами по моему подбородку. — Твоя мама гордилась бы тобой. Она всегда гордилась — но если б увидела, кем ты стала... — он сглотнул. — И я горжусь тобой, Фрея. Знаю, мы никогда друг друга не понимали, но всё же... — он откашлялся и, смутившись, отступил от меня на шаг. — Ну что ж, положим, лучше начать с восстановления твоего совета. Надо ещё очень многое сделать.

— Да. Конечно, — я улыбнулась ему в ответ. — Я оставлю вас с Холтом.

Когда я наконец-то расправилась со всеми своими обязанностями, отправилась в лабораторию. Вновь всё паковать, все записи, все инструменты... Да, я доказала, как ценна королева-учёная, и не собираюсь этим пренебрегать. Мои эксперименты не раз уже спасли мне жизнь.

Внутри меня ждал Фицрой — разумеется, кто же ещё. Сердце ёкнуло, когда я увидела его — но я понятия не имела, что должна чувствовать к нему в это мгновение. Мы так сосредоточились на выживании — и выжили, а он всё ещё здесь, всё ещё мой друг... Всё ещё тот, кто лгал мне. И что со всем этим делать?

Он поднял глаза, когда я закрыла дверь.

— Фрея... Надеялся увидеть тебя здесь.

— Я должна собраться, — я проскользнула в комнату, к документам у стен, игнорируя пятна на полу. — Мы возвращаемся во дворец.

— Всё налаживается?

— Не до конца, но что-то вроде этого, — я провела рукой по грубому дереву стола. — Я буду скучать за этим местом, — ведь я сделала здесь столько открытий, в этом мрачном уголке, в застенках, отыскивала истинный путь науки, истинный путь к себе... было бы странно позволить всему этому раствориться в пустоте.

— Ты можешь возвращаться сюда, — промолвил Фицрой. — В лабораторию.

Я покачала головой.

Это самодельная лаборатория для импровизированной королевы. А сейчас всё было настоящим.

Я почувствовала его взгляд на себе и быстро отвернулась, делая вид, что перебирала свои заметки. Вот только не должна была на них смотреть — и отвлечься тоже не могла. Я чувствовала, что должна была заговорить — но не знала, что сказать. Я не могла быть честной, когда сама толком не знала правды.

— Мне жаль, — наконец-то промолвила я, слишком тихо, чтобы он услышал.

— Потому что заключила меня под стражу? — он говорил не громче.

— Да, — единственная правда, которую я точно знала.

Фицрой коротко кивнул.

— И ты меня прости. Я не... ты должна понять. Думал, что защищаю тебя — и ошибся. Я должен был доверять тебе.

— Да, должен был, — кивнула я. — Я тебе доверяла, — слишком уж поздно менять что-либо сейчас. Он открыл рот, словно собирался что-то сказать — но запнулся, покачал головой.

— Ты знаешь, будут последствия, — промолвил он, — от того, что тебя выбрали Забытые. У людей будут большие ожидания.

— Ну это точно не хуже казни, — я заставила себя улыбнуться. — А ты не веришь, что меня и вправду избрали? Ведь ты видел молнии.

Он не понял шутку — и смотрел на меня слишком серьёзно.

— Ты в них не веришь.

— Я-то нет, но ведь остальные верят, — я обернулась на него. Уильям Фицрой, не принц, но королевский сын. Куда добрее, куда умнее, чем я могла себе представить. Мой друг. Мой... кто-то. Но он мне лгал. Я понимала, почему — но он мне не доверял.

И я заключила его под стражу.

Это было плохой основой для каких угодно отношений. Не непреодолимая беда — но определённо будет трудно. Я понятия не имела, к чему это приведёт, но знала, что мне будет нелегко.

Я хотела ответить так же смело, но слов не было. Стояла в футе от него, желая приблизиться, прикоснуться, действовать — но не было ни одной теории в голове. Только стоять и смотреть — пока Фицрой не заговорит.

— Что ты собираешься сделать с Мадлен?

Он опять меня понял.

Я вновь осмотрела комнату, взглянула на стул, на котором она сидела.

— Оставь Мадлен мне.

...В глубине души я знала, что делать.

Была глухая ночь, когда я вернулась к ней и открыла дверь. Мадлен была так элегантна, как обычно — уснула в своём кресле. Я на мгновение замерла, наблюдая за нею, вспоминая всё хорошее, а потом шагнула к ней — и Мадлен распахнула глаза.

— Фрея, — выдохнула она. — Что ты со мной сделаешь?

Я швырнула ей сумку.

— Возьми. Тут деньги, еда, карта. Возьми это и уходи.

Мадлен встала.

— Фрея?

— Меня не волнует, куда ты денешься, но ты должна покинуть королевство. Покинуть — и никогда не возвращаться.

— Фрея...

— Если я вновь увижу тебя, если о тебе кто-то в этом королевстве услышит, я должна буду тебя убить. Я не хочу, Мадлен, но сделаю это, если так будет нужно. Иди — и никогда не возвращайся обратно.

Мадлен кивнула, прижимая сумки к груди.

— Спасибо большое. Твоя доброта...

— Не надо, — мой голос дрожал. — Просто уходи.

Мадлен кивнула. Опустилась в глубоком реверансе. Такая прекрасная, даже сейчас.

— Ты хорошая королева, Фрея, — промолвила она. — Хорошая королева и хороший друг. Не забывай об этом.

Она сделала шаг вперёд, поравнялась со мной — замерла. Наши взгляды встретились на одно лишь биение сердца. Мадлен в последний раз кивнула — и ушла.

Я выдохнула, осматривая пустую комнату, картину, что оставила по себе Мадлен. Королевство. То, что хотела защитить. То, что почти разрушила.

Я смотрела на стремительные алые мазки — пока перед глазами всё не поплыло, — а потом ушла.

Солнце прорывалось сквозь высокие дворцовые окна, освещая разрушенные коридоры. Разграбленные, разваленные... Но всё равно преисполненные надежды.

Я шагала медленно, смакуя яркость утра — пока не добралась до комнаты советов. Мила и Карина шагали за моей спиной — в новой форме, начальницы стражи, с молниями на фиолетовом фоне — мой знак.

Дверь в комнату советов была приоткрыта, и я вошла внутрь. Там уже не было особо

ярких украшений, осталась только карта у дальней стены, огромный стол и полки с книгами по истории, сельскому хозяйству, религии и иностранным языкам. Улыбнулся мне Фицрой — и я не смогла сдержать ответную радостную улыбку, прежде чем осмотрела весь свой совет. Папа, Холт, Наоми, Норлинг и несколько пустых мест для тех людей, что ещё могли их занять, людей, чьим советам я действительно могла бы доверять, чьи разные точки зрения дали бы мне знать, что именно я должна была делать.

Я не была и вправду избранной королевой. Никогда не стояла здесь с короной на голове... А сейчас оказалась здесь, на своём месте — и собиралась править так хорошо, как только могла. Собиралась убедиться, что все эти жертвы оказались не бессмысленными.

Я опустилась в кресло во главе стола.

— Ну что ж, — промолвила я, — приступим!

Больше книг на сайте - Knigolub.net